

ЕСПЧ

о праве собственности

(по ст. 1 протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод)

Избранные постановления

Пособие для учебного курса магистратуры
«Актуальные проблемы права собственности»

Составление и оформление:

Д.В. Пятков, Г. Дворянкин

Издано с использованием гранта

Благотворительного фонда Владимира Потанина

Оглавление

Дело "Бурдов (Burdov) против России": Постановление Европейского Суда по правам человека от 7 мая 2002 года (жалоба № 59498/00).....	3
Дело "Прокопович (Prokorovich) против Российской Федерации": Постановление Европейского Суда по правам человека от 18 ноября 2004 года (жалоба № 58255/00)	10
Дело "Фризен (Frizen) против Российской Федерации": Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 марта 2005 года (жалоба № 58254/00)	19
Дело "Мартынец (Martynets) против Российской Федерации": Решение Европейского Суда по правам человека от 5 ноября 2009 года (жалоба № 29612/09)	25
Дело "Ануфриев (Anufriyev) против Российской Федерации": Постановление Европейского Суда по правам человека от 5 апреля 2011 года (жалоба № 32215/05).....	33
Дело "Гладышева (Gladysheva) против Российской Федерации": Постановление Европейского Суда по правам человека от 6 декабря 2011 года (жалоба № 7097/10)	38
Дело "Анна Попова (Anna Popova) против Российской Федерации": Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 октября 2016 года (жалоба № 59391/12)	59
Дело "Аленцева (Alentseva) против Российской Федерации": Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 ноября 2016 года (жалоба № 31788/06)	68
Дело "Поняева и другие (Ponyayeva and others) против Российской Федерации": Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 ноября 2016 года (жалоба № 63508/11)	85
Дело "Томина (Tomina and others) против Российской Федерации": Постановление Европейского Суда по правам человека от 1 декабря 2016 года (жалобы № 20578/08, 21159/08, 22903/08, 24519/08, 24728/08, 25084/08, 25558/08, 25559/08, 27555/08, 27568/08, 28031/08, 30511/08, 31038/08, 45120/08, 45124/08, 45131/08, 45133/08, 45141/08, 45167/08 и 45173/08)	107
Дело "Биджиева (Bidzhiyeva) против Российской Федерации": Постановление Европейского Суда по правам человека от 5 декабря 2017 года (жалоба № 30106/10)	125
Дело "Саргсян (Sargsyan) против Азербайджана": Постановление Европейского Суда по правам человека от 12 декабря 2017 года (жалоба № 40167/06)	139
Дело "Ткаченко (Tkachenko) против Российской Федерации": Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 марта 2018 года (жалоба № 28046/05)	154
Дело "Гирлян (Gurlyan) против Российской Федерации": Постановление Европейского Суда по правам человека от 9 октября 2018 года (жалоба № 35943/15)	167
Дело "Людмила Юрьевна Сигунова и Марина Юрьевна Сигунова (Lyudmila Yuryevna Sigunova and Marina Yuryevna Sigunova) против Российской Федерации": Решение Европейского Суда по правам человека от 12 февраля 2019 года (жалоба № 18836/11).....	175
Дело "Кочергин (Kochergin) против России": Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 сентября 2019 года (жалоба № 71462/17).....	185

Дело "Бурдов (Burdov) против России": Постановление Европейского Суда по правам человека от 7 мая 2002 года (жалоба № 59498/00)

Доступ:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=22455&dst=1000000001>

Перевод на русский язык Берестнева Ю., Ковтуна А.

В деле "Бурдов против России" Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседающая Палатой в составе:

Х. Розакиса, Председателя Палаты Суда,

Ф. Тюлькенс,

П. Лоренсена,

Н. Ваич,

Э. Левитса,

А. Ковлера,

В. Загребельского, судей,

с участием Э. Фриберга, Секретаря Секции Суда,

заседая 18 апреля 2002 г. за закрытыми дверями, вынес в тот же день следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 59498/00 против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод гражданином Российской Федерации Анатолием Тихоновичем Бурдовым (далее - заявитель) 20 марта 2000 г.

2. Интересы заявителя, которому по решению Суда компенсированы расходы на оказание юридической помощи, представлял в Суде Н.А. Кравцов, адвокат, практикующий в г. Ростове-на-Дону. Власти Российской Федерации были представлены в Суде Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека П.А. Лаптевым.

3. Заявитель утверждал, в частности, что неисполнение вступивших в законную силу решений суда, вынесенных в его пользу, является нарушением Конвенции.

4. Жалоба была передана в Первую секцию Суда (пункт 1 Правила 52 Регламента Суда). Палата в составе указанной Секции, рассматривавшая данное дело (пункт 1 статьи 27 Конвенции), была сформирована в соответствии с пунктом 1 Правила 26 Регламента Суда.

5. Своим решением от 21 июня 2001 г. Суд объявил жалобу частично приемлемой.

6. Заявителем и властями Российской Федерации были представлены дополнительные доказательства (пункт 1 Правила 59 Регламента Суда). После консультаций со сторонами Суд принял решение не проводить слушаний по существу дела (пункт 2 Правила 59 Регламента Суда).

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

7. 1 октября 1986 г. заявитель был мобилизован военными властями для ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Заявитель принимал участие в операции до 11 января 1987 г. и, как результат, пострадал от чрезмерной дозы радиоактивного излучения.

8. В 1991 г. согласно экспертному заключению, которое установило причинную связь между ухудшившимся здоровьем заявителя и его участием в чернобыльских событиях, заявителю была назначена компенсация.

9. В 1997 г. заявитель подал иск к Управлению социальной защиты населения по г. Шахты, поскольку указанная компенсация не была выплачена. 3 марта 1997 г. Шахтинский городской суд вынес решение в пользу заявителя. Суд постановил выплатить заявителю компенсацию в размере 23786567 руб. <*>, а также пеню за имевшую место задержку выплаты компенсации.

<*> Сумма указана без учета деноминации, произведенной в 1998 г. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 4 августа 1997 г. "Об изменении нарицательной стоимости российских денежных знаков и масштаба цен" с 1 января 1998 г. одна тысяча "старых" рублей эквивалентна одному "новому" рублю. - Примеч. перев.

10. 9 апреля 1999 г. Службой судебных приставов г. Шахты было возбуждено исполнительное производство по взысканию пени в соответствии с решением суда от 3 марта 1997 г.

11. В 1999 г. заявитель подал иск к Управлению социальной защиты населения по г. Шахты, оспаривая законность снижения ежемесячного размера выплачиваемой компенсации и требуя взыскать невыплаченную компенсацию. 21 мая 1999 г. Шахтинский городской суд восстановил первоначально установленный размер компенсации и постановил, что Управление социальной защиты населения по г. Шахты должно выплачивать заявителю ежемесячно 3011 руб. 36 коп. с последующей индексацией. Кроме того, суд постановил выплатить заявителю задолженность по компенсации в размере 8752 руб. 65 коп.

12. 30 августа 1999 г. Службой судебных приставов г. Шахты было возбуждено исполнительное производство в соответствии с исполнительным листом от 21 мая 1999 г.

13. 16 сентября 1999 г. Служба судебных приставов г. Шахты уведомила заявителя о том, что, несмотря на продолжение исполнительного производства по решению суда от 3 марта 1997 г., выплатить указанные суммы заявителю не представлялось возможным в связи с отсутствием средств у Управления социальной защиты по г. Шахты.

14. 7 октября 1999 г. Главное управление юстиции Ростовской области уведомило заявителя о том, что и первое, и второе решения суда не могут быть исполнены в связи с недостатком средств у ответчика.

15. В связи с жалобой заявителя на неисполнение решений суда 12 ноября 1999 г. прокурор г. Шахты проинформировал заявителя, что Служба судебных приставов г. Шахты следовала установленному порядку исполнения решений суда, но натолкнулась на отсутствие должного финансирования ответчика.

16. 22 декабря 1999 г. Главное управление юстиции Ростовской области проинформировало заявителя о том, что средства для выплаты компенсации за последствия участия в работах по ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС были уже выделены из федерального бюджета и что выплата будет сделана после получения средств, перечисленных из Министерства финансов Российской Федерации.

17. 26 января 2000 г. Прокуратура Ростовской области проинформировала заявителя, что вину за неисполнение решений суда нельзя возлагать на Службу судебных приставов г. Шахты и что

задолженность будет погашена, как только соответствующие средства поступят из федерального бюджета.

18. 22 марта 2000 г. Главное управление юстиции Ростовской области проинформировало заявителя о том, что компенсация пострадавшим от аварии на Чернобыльской АЭС будет финансироваться из федерального бюджета.

19. 11 апреля 2000 г. Служба судебных приставов г. Шахты уведомила заявителя о невозможности исполнить вынесенные в его пользу решения суда в связи с недостаточным финансированием Министерства труда и социального развития Ростовской области.

20. 16 мая 2000 г. прокурор г. Шахты уведомил заявителя о том, что, хотя Управление социальной защиты населения по г. Шахты и произвело перерасчет сумм компенсации исходя из решения суда от 21 мая 1999 г., соответствующие выплаты не были сделаны в связи с отсутствием финансирования.

21. 9 марта 2000 г. Шахтинский городской суд распорядился проиндексировать сумму пени, назначенной решением суда от 3 марта 1997 г., которая так и не была выплачена заявителю. Был выписан дополнительный исполнительный лист на сумму 44095 руб. 37 коп.

22. В соответствии с решением Министерства финансов Российской Федерации Управление социальной защиты населения по г. Шахты 5 марта 2001 г. выплатило заявителю задолженность в размере 113040 руб. 48 коп. <*>

<*> В тексте Постановления, по всей видимости, опечатка - сумма выплаты равняется 113040 руб. 38 коп. - Примеч. перев.

23. Согласно информации, предоставленной Управлением социальной защиты населения по г. Шахты 11 февраля 2002 г., ежемесячная компенсация, причитающаяся заявителю в период с апреля 2001 г. по июнь 2002 г., была установлена в размере 2500 руб.

II. Соответствующие внутригосударственные правовые нормы

24. Статья 9 Федерального закона от 21 июля 1997 г. "Об исполнительном производстве" предусматривает, что в постановлении судебного пристава о возбуждении исполнительного производства должен быть определен срок для добровольного исполнения ответчиком содержащихся в исполнительном документе требований. Такой срок не может превышать пять дней. Судебный пристав также обязан уведомить ответчика, что в случае неисполнения содержащихся в исполнительном документе требований в указанный срок последует принудительное исполнение.

25. В соответствии со статьей 13 указанного Федерального закона исполнительное производство должно быть завершено в двухмесячный срок с момента получения судебным приставом исполнительного листа.

ПРАВО

26. Заявитель утверждал, что существенные и необоснованные задержки исполнения вступивших в законную силу решений суда нарушили его права, закрепленные в Конвенции. Суд изучил жалобу заявителя на предмет возможного нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

I. Статус жертвы

27. Согласно утверждениям властей Российской Федерации заявитель перестал считаться жертвой предполагаемого нарушения Конвенции в связи с тем, что 5 марта 2001 г. ему была

выплачена задолженность. Власти утверждали, что поскольку требования заявителя были полностью удовлетворены, причиненный ему неисполнением судебного решения ущерб его финансовым интересам был полностью возмещен.

Власти утверждали также, что выплаченная 5 марта 2001 г. сумма размером 113040 руб. 38 коп. должна рассматриваться как включающая в себя компенсацию за задержки исполнения судебных решений, поскольку основная сумма задолженности составляла только 45158 руб. 44 коп., тогда как оставшаяся сумма включала в себя пени за задержанную выплату причитающегося заявителю и индексацию.

Наконец, власти государства-ответчика утверждали, что заявитель был вправе по собственному волеизъявлению обратиться в суд с иском о возмещении морального вреда, причиненного в результате неисполнения судебных решений.

28. Заявитель не согласился с приведенными властями Российской Федерации доводами. Как он утверждает, назначенная национальными судами пеня за задержку выплаты причитавшейся ему ежемесячной суммы была значительно ниже положенной ему и, если исходить из того, что полученная 5 марта 2001 г. сумма в 113040 руб. 38 коп. была назначена с учетом судебных решений 1997, 1999 и 2000 гг., очевидно, она не могла включать в себя какую-либо компенсацию за имевшее место неисполнение судебных решений в период с 9 марта 2000 г. (дата последнего судебного решения) по 5 марта 2001 г. Кроме того, судебное решение от 21 мая 1999 г. по-прежнему игнорировалось, и ежемесячные выплаты заявителю были по-прежнему ниже положенных ему.

29. В соответствии со статьей 34 Конвенции:

"Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней..."

30. Суд вновь напоминает, что обязанность устранять любое предполагаемое нарушение Конвенции лежит в первую очередь на национальных властях. В связи с этим вопрос о том, может ли заявитель утверждать, что он - жертва возможного нарушения Конвенции, существен на всех стадиях производства по делу в соответствии с Конвенцией (см. Решение Европейской Комиссии по делу "Е. против Австрии" (E. v. Austria) от 13 мая 1987 г., жалоба № 10668/83, Decisions and Reports (DR) 52, p. 177).

31. Суд напоминает также, что решение или мера, принимаемые в пользу заявителя, в принципе недостаточны для того, чтобы лишать его статуса "жертвы", пока национальные власти не признают, прямо или по сути, факт нарушения Конвенции и не предоставят соответствующую компенсацию (см. Постановление Европейского Суда по делу "Амюур против Франции" (Amuur v. France) от 25 июня 1996 г., Reports of Judgments and Decisions 1996-III, p. 846, § 36; Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Далбан против Румынии" (Dalban v. Romania), жалоба № 28114/95, ECHR 1999-VI, § 44).

Относительно обращения к фактам по данному делу, возможно, что заявителю в настоящее время выплачена причитающаяся задолженность в соответствии с решениями национальных судов. Как бы то ни было, выплата, осуществленная лишь после того, как данная жалоба была коммуницирована <*> властям, не является каким-либо признанием с их стороны возможных нарушений. Равно как таковая выплата адекватно не возместила вред, причиненный заявителю.

<*> То есть была направлена властям государства-ответчика для дачи заключения о ее приемлемости для рассмотрения по существу, а также для сообщения дополнительных обстоятельств по делу. - Примеч. отв. ред.

32. Учитывая данные обстоятельства, полагает Суд, заявитель все еще может утверждать, что он является жертвой нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

II. Пункт 1 статьи 6 Конвенции

33. Пункт 1 статьи 6 Конвенции, насколько это относится к настоящему делу, предусматривает:

"Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях... имеет право на справедливое... разбирательство дела... судом..."

34. Суд вновь напоминает, что пункт 1 статьи 6 Конвенции закрепляет за каждым право обращаться в суд в случае любого спора о его гражданских правах и обязанностях; таким образом, она включает в себе "право на суд", одним из аспектов которого является право на доступ к правосудию, представляющее собой право возбуждать исковое производство в судах по вопросам гражданско-правового характера. Однако такое право было бы иллюзорным, если бы правовая система государства - участника Европейской Конвенции допускала, чтобы судебное решение, вступившее в законную силу и обязательное к исполнению, оставалось недействующим в отношении одной из сторон в ущерб ее интересам. Немыслимо, чтобы пункт 1 статьи 6 Конвенции, детально описывая процессуальные гарантии сторон - справедливое, публичное и проводимое в разумный срок разбирательство, - не предусматривал защиты процесса исполнения судебных решений; толкование статьи 6 Конвенции исключительно в рамках обеспечения лишь права на обращение в суд и порядка судебного разбирательства вероятней всего привело бы к ситуациям, несовместимым с принципом верховенства права, который государства - участники Европейской Конвенции обязались соблюдать, подписав Конвенцию. Исполнение судебного решения, принятого любым судом, должно, таким образом, рассматриваться как составляющая "судебного разбирательства" по смыслу статьи 6 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу "Хорнсби против Греции" (Hornsby v. Greece) от 19 марта 1997 г., Reports of Judgments and Decisions 1997-II, p. 510, § 40).

35. Орган государства-ответчика не волен ссылаться на недостаточное финансирование в оправдание неуплаты долга, установленного решением суда. Предполагается, что та или иная задержка исполнения судебного решения при определенных обстоятельствах может быть оправданна. Однако задержка не может быть такой, чтобы нарушала саму суть права, гарантируемого пунктом 1 статьи 6 Конвенции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу ""Иммуobiliаре Саффи" против Италии" ("Immobiliare Saffi" v. Italy), жалоба № 22774/93, § 74, ECHR 1999-V). Что касается настоящего дела, то финансовые трудности, испытываемые властями государства-ответчика, не должны были препятствовать заявителю получить причитающееся ему в результате выигрыша судебного дела о возмещении вреда, причиненного здоровью в результате чрезвычайных работ по ликвидации аварии.

36. Суд отмечает, что решения Шахтинского городского суда от 3 марта 1997 г., 21 мая 1999 г. и 9 марта 2000 г. оставались не исполненными полностью или частично по крайней мере вплоть до 5 марта 2001 г., когда Министерство финансов Российской Федерации приняло решение полностью погасить задолженность заявителю. Суд отмечает также, что эта последняя выплата по задолженности имела место только после того, как данная жалоба была коммуницирована властям Российской Федерации.

37. Не принимая на протяжении нескольких лет необходимые меры, направленные на исполнение вступивших в законную силу судебных решений по данному делу, власти Российской Федерации лишили положения пункта 1 статьи 6 Конвенции какого-либо полезного смысла.

38. Соответственно, нарушение указанной статьи Конвенции имело место.

III. Статья 1 Протокола № 1 к Конвенции

39. Из статьи 1 Протокола № 1 следует:

"Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения не умаляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов, или штрафов".

40. Суд вновь напоминает, что "требование" может пониматься как "собственность" по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции в случае, если в достаточной мере установлено, что оно может быть юридически реализовано (см. Постановление Европейского Суда по делу "Нефтеперегонные заводы "Стран" и Стратис Андреадис против Греции" (*Stran Greek Refineries and Stratis Andreadis v. Greece*) от 9 декабря 1994 г., Series A, № 301-B, p. 84, § 59).

Решения Шахтинского городского суда от 3 марта 1997 г., 21 мая 1999 г. и 9 марта 2000 г. обеспечили заявителя требованиями, которые могут быть юридически реализованы, а не просто общим правом на получение помощи со стороны государства. Решения вступили в законную силу, не будучи обжалованными в обычном порядке, и было возбуждено исполнительное производство. Следовательно, невозможность для заявителя добиться исполнения указанных судебных решений, по крайней мере до 5 марта 2001 г., является нарушением его права на уважение своей собственности, как оно изложено в первом предложении первого абзаца статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

41. Не исполнив решения Шахтинского городского суда, власти государства-ответчика лишили заявителя возможности взыскать денежные средства, которые он разумно рассчитывал получить. Власти государства-ответчика не выдвинули никаких оснований для такого вмешательства в реализацию права заявителя; при этом Суд полагает, что нехватка средств не может служить тому оправданием (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу "Амбруози против Италии" (*Ambrosi v. Italy*) от 19 октября 2000 г., жалоба № 31227/96, §§ 28 - 34).

42. В итоге, в данном случае имело место также нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

IV. Применение статьи 41 Конвенции

43. Статья 41 Конвенции предусматривает:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

А. Ущерб

44. Суд обращает внимание на то, что в соответствии с Правилем 60 Регламента Суда любое требование о выплате справедливой компенсации представляется в подробном перечне по пунктам с приложением соответствующих подтверждающих документов или квитанций, "в противном случае Палата вправе отказать в удовлетворении требования полностью или частично".

45. Что касается данного дела, то 26 июня 2001 г., после того как жалоба была признана частично приемлемой, заявителю было предложено представить в Секретариат Суда свои требования в отношении выплаты справедливой компенсации. Заявитель не представил никаких

подобных требований. В своей первоначальной жалобе, однако, заявитель требовал возместить ему моральный ущерб в размере 300000 долл. США.

46. Власти, хотя и ссылались на указанную жалобу, не представили в связи с этим никаких конкретных замечаний по поводу данных требований.

47. Суд придерживается мнения, что заявителю был причинен некоторый моральный ущерб в результате выявленных нарушений, который не может быть установлен путем простого признания Судом факта нарушения. Однако требуемая сумма представляется чрезмерной. Производя оценку на справедливой основе, руководствуясь при этом статьей 41 Конвенции, Суд присуждает заявителю денежную компенсацию в размере 3000 евро.

В. Процентная ставка по просроченному долгу

48. В соответствии с предоставленной Суду информацией установленный уровень процентной ставки, действующий в России на день принятия данного Постановления, составляет 23 процента годовых.

На основании вышеизложенного Суд единогласно:

1) постановил, что заявитель может утверждать, что он является "жертвой" по смыслу статьи 34 Конвенции;

2) постановил, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции;

3) постановил, что имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции;

4) постановил:

а) что государство-ответчик обязано выплатить заявителю в течение трех месяцев со дня вступления Постановления в законную силу - в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции - 3000 евро (три тысячи евро) в качестве компенсации морального ущерба в пересчете на национальную валюту государства-ответчика по курсу, действующему на день выплаты, а также уплатить необходимые налоги;

б) что простые проценты по годовой ставке в 23 процента начисляются на эту сумму по истечении вышеупомянутого трехмесячного срока до момента фактической уплаты.

Совершено на английском языке, письменные уведомления направлены 7 мая 2002 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Председатель Палаты
Христос РОЗАКИС

Секретарь Секции Суда
Эрик ФРИБЕРГ

Дело "Прокопович (Prokorovich) против Российской Федерации": Постановление Европейского Суда по правам человека от 18 ноября 2004 года (жалоба № 58255/00)

Доступ:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=34570&dst=100000001>

Перевод предоставлен Уполномоченным Российской Федерации при Европейском суде по правам человека П. Лаптевым.

По делу "Прокопович против Российской Федерации" Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседая Палатой в составе:

Х.Л. Розакиса, Председателя Палаты,
Ф. Тюлькенс,
Н. Ваич,
С. Ботучаровой,
А. Ковлера,
В. Загребельского,
Э. Штейнер, судей,
а также при участии С. Нильсена, Секретаря Секции Суда,
заседая за закрытыми дверями 28 октября 2004 г.,
принял следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 58255/00), поданной в Европейский Суд по правам человека против Российской Федерации гражданкой России Маргаритой Семеновной Прокопович (далее - заявитель) в соответствии со статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

2. Власти Российской Федерации в Европейском Суде были представлены П.А. Лаптевым, Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель утверждала о том, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции, так как ее выселили из ее жилища - квартиры ее бывшего сожителя, не имея на то судебного решения.

4. Жалоба была передана в Первую секцию Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). В рамках секции Палата, рассматривающая дело (пункт 1 статьи 27 Конвенции), была сформирована в соответствии с пунктом 1 правила 26 Регламента.

5. Решением от 8 января 2004 г. Европейский Суд признал жалобу приемлемой для рассмотрения по существу.

6. Заявитель и власти Российской Федерации представили свои замечания по существу дела (пункт 1 правила 59 Регламента).

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

7. Заявитель родилась в 1940 году и проживает в г. Владивостоке.

А. Проживание заявителя с ее сожителем

8. В 1988 году заявитель и ее сожитель Филиппов вместе переехали в квартиру, предоставленную работодателем Филиппова - государственным предприятием. Заявитель оставила квартиру, в которой она проживала до этого, своей дочери и ее семье.

9. Несмотря на то, что заявитель и Филиппов никогда официально не регистрировали свой брак, с 1988 года они жили вместе как муж и жена. Они вместе приобретали все предметы домашнего обихода для новой квартиры. С 1992 по 1995 год Филиппов материально обеспечивал их семью, потому что заявитель была безработной. По утверждениям заявителя, родственники Филиппова и их соседи считали их (заявителя и Филиппова) семьей. Открытки и письма направлялись чете Филипповых, и заявитель получала корреспонденцию на новый адрес.

10. Заявитель была зарегистрирована по своему старому адресу. Она поясняет, что у нее больные уши и она хотела остаться под наблюдением своего отоларинголога. Если бы она поменяла место регистрации, она бы больше не имела права на посещение врача, принимающего в ее бывшем районе.

В. Смерть сожителя заявителя

11. Летом 1998 года заявитель и Филиппов жили на своей даче. 18 августа 1998 г. Филиппов вернулся на неделю в город.

12. 24 августа 1998 г. Филиппов скончался, и его тело было обнаружено соседом. 26 августа 1998 г. Филиппова похоронили в присутствии его сына и двух его сестер, которых вызвали телеграммой.

13. Заявитель не была извещена о смерти сожителя или о похоронах. Она узнала об этом слишком поздно, только когда вернулась в город 26 августа 1998 г.

С. Передача квартиры и вынос вещей заявителя

14. 27 августа 1998 г. заявителю позвонили из местного жилищно-эксплуатационного управления, которое потребовало объяснить, почему квартира еще не освобождена. Заявитель объяснила, что она официально в квартире не зарегистрирована, но прожила здесь больше 10 лет. 1 сентября 1998 г. представитель жилищно-эксплуатационного управления посетил заявителя в квартире и составил рапорт о том, что квартира занята. Заявителю не была дана копия этого рапорта. Представитель посоветовал заявителю "защитить" свое право на пользование квартирой через суд.

15. 2 сентября 1998 г. заявитель подала в жилищно-эксплуатационное управление заявку на выдачу ордера на квартиру Филиппова. Ее заявка была отклонена, потому что 1 сентября 1998 г. ордер уже был выдан начальнику местного отделения милиции, вышестоящему начальнику сына Филиппова Валетову.

16. 4 сентября 1998 г., по возвращении в квартиру, заявитель обнаружила, что дверь взломана и что книги и другие предметы домашнего обихода грузят в грузовик. Заявитель утверждала, что ее вещи были вынесены в присутствии Валетова, сына Филиппова, нескольких милиционеров в штатском и представителя жилищно-эксплуатационного управления. Когда вынос вещей закончился, заявителю было приказано немедленно освободить квартиру. Когда заявитель отказалась подчиниться этому требованию, ее силой выгнали из квартиры. Дверь была заменена, и заявителю не дали ключей.

Д. Судебное разбирательство, инициированное заявителем

17. 7 сентября 1998 г. заявитель подала в прокуратуру Советского районного суда г. Владивостока жалобу на Валетова. Заявитель требовала возбуждения уголовного дела по факту ее

принудительного выселения и лишения имущества. 14 сентября 1998 г. прокуратура уведомила заявителя, что ее утверждения являлись необоснованными, и отказалась возбудить уголовное дело.

18. 1 октября 1998 г. заявитель подала иск против муниципальных властей г. Владивостока и Валетова. Заявитель требовала признать ее членом семьи ее бывшего сожителя и просила признать ордер, выданный Валетову, недействительным. В доказательство заявитель представила множество свидетельских показаний, данных родственниками, соседями, проживающими в доме, и соседями по даче, а также личные фотографии, письма, открытки и почтовые квитанции.

19. 27 ноября 1998 г. заявитель подала в прокуратуру г. Владивостока жалобу на отказ в возбуждении уголовного дела для расследования действий Валетова. Письмом от 17 декабря 1998 г. заявителя проинформировали, что городская прокуратура отменила соответствующее постановление и направила указание прокуратуре Советского района провести соответствующее расследование.

20. 5 января 1999 г. прокуратура Советского района сообщила, что расследование не установило никаких доказательств совершения преступления. После того, как заявитель снова подала жалобу, 7 мая 1999 г. прокуратура г. Владивостока изучила вопрос и подтвердила этот вывод.

21. 9 августа 1999 г. Советский районный суд г. Владивостока отказал заявителю в удовлетворении иска, указав следующее:

"При таких обстоятельствах суд считает, что в суде нашло подтверждение, что Прокопович М.С. проживала в спорной квартире, о чем свидетельствуют адресованные Филиппову Б.А. и ей поздравления, одно извещение на бандероль, однако проживание Прокопович М.С. носило временный характер.

Судом установлено, что Филиппов Б.А. при жизни не признавал за истицей право на жилье в спорной квартире, Прокопович М.С. в судебном заседании не представлено доказательств признания за ней Филипповым Б.А. права на жилье. Кроме того, в судебном заседании установлено, что истица сохранила за собой право на жилье (в котором проживает ее дочь) и в спорное жилье вселилась в нарушении порядка, предусмотренного частью первой статьи 54 Жилищного кодекса Российской Федерации.

Кроме того, пояснения Прокопович М.С. в той части, что в спорной квартире находились ее личные вещи в количестве 250 наименований... опровергаются материалами проверок прокуратур Советского района и г. Владивостока и актом жилищно-эксплуатационного управления от 4 сентября 1998 г.

При таких обстоятельствах суд считает, что Прокопович М.С. право на (спорную квартиру) не приобрела...".

Суд мотивировал свое решение свидетельскими показаниями сына и невестки Филиппова; однако суд отверг показания дочери заявителя на том основании, что она является заинтересованным свидетелем. Суд решил, что свидетельских показаний пятерых соседей, представленных на слушании, недостаточно для установления того, что заявитель и Филиппов вели совместное хозяйство.

22. Заявитель обжаловала это решение. В жалобе от 17 августа 1999 г. заявитель указала на достаточно существенную базу доказательств, доказывающих ее проживание в спорной квартире (свидетельские показания, открытки, почтовые квитанции и др.). Она утверждала, что для того, чтобы приобрести спорную квартиру, сын ее умершего сожителя вступил в сговор со своим милицейским начальником, что объясняет, как всего за два дня им удалось получить решения городской администрации и жилищно-эксплуатационного управления, а также ордер и штамп о постоянной регистрации. Она жаловалась, что ее насильно выгнали из квартиры в нарушение соответствующих положений жилищного законодательства.

23. 6 октября 1999 г. судебная коллегия по гражданским делам Приморского краевого суда оставила решение от 9 августа 1999 г. без изменения. Краевой суд сослался на мотивы, изложенные судом первой инстанции.

24. Заявитель подала несколько надзорных жалоб, и все они были отклонены.
25. Заявитель утверждала, что в конце 1999 года квартира была продана третьему лицу.

II. Применимое национальное законодательство

26. Жилищный кодекс РСФСР от 24 июня 1983 г. (в редакции от 28 марта 1998 г.), действовавший на момент событий, гласил:

Статья 53. Права и обязанности членов семьи нанимателя

"К членам семьи нанимателя относятся супруг нанимателя, их дети и родители. Другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы, а в исключительных случаях и иные лица могут быть признаны членами семьи нанимателя, если они проживают совместно с нанимателем и ведут с ним общее хозяйство".

Статья 54. Право нанимателя на вселение других граждан в занимаемое им жилое помещение

"Наниматель вправе в установленном порядке вселить в занимаемое им жилое помещение своего супруга, детей, родителей, других родственников, нетрудоспособных иждивенцев и иных лиц, получив на это письменное согласие всех совершеннолетних членов своей семьи...

Граждане, вселенные нанимателем в соответствии с правилами настоящей статьи, приобретают равное с нанимателем и остальными членами его семьи право пользования жилым помещением, если эти граждане являются или признаются членами его семьи (статья 53) и если при вселении между этими гражданами, нанимателем и проживающими с ним членами его семьи не было иного соглашения о порядке пользования жилым помещением".

Статья 90. Выселение из жилых помещений

"Выселение из занимаемого жилого помещения в доме государственного или общественного жилищного фонда допускается лишь по основаниям, установленным законом.

Выселение производится в судебном порядке..."

ПРАВО

I. Предварительные возражения властей Российской Федерации

27. В своем дополнительном меморандуме от 23 марта 2004 г., направленном после вынесения Европейским Судом решения по вопросу приемлемости жалобы от 8 января 2004 г., власти Российской Федерации впервые заявили, что заявитель не исчерпала внутренних средств правовой защиты, как того требует пункт 1 статьи 35 Конвенции, в отношении ее жалобы по статье 8 Конвенции. Они утверждали, что заявитель могла в соответствии с частями первой и второй статьи 46 Конституции Российской Федерации и статьей 4 Закона Российской Федерации "Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан" подать жалобу в суд в связи с незаконными действиями сотрудников милиции, осуществлявших ее выселение 4 сентября 1998 г. Однако заявитель не использовала это средство правовой защиты.

28. Заявитель не согласилась с этим доводом. Она указала, что, среди прочего, она жаловалась начальнику отделения милиции и главному инспектору Министерства внутренних дел Российской Федерации.

29. Европейский Суд напомнил, что согласно Правилу 55 Регламента Суда любое возражение о неприемлемости, насколько позволяет его характер и обстоятельства дела, должно быть заявлено государством-ответчиком в его письменных или устных замечаниях на стадии рассмотрения вопроса приемлемости жалобы (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "К. и Т. против Финляндии" (K. and T. v. Finland), жалоба № 25702/94, § 145, ECHR 2001-VII, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "N.C. против Италии" (N.C. v. Italy), жалоба № 24952/94, § 44, ECHR 2002-X). Доводы властей Российской Федерации относились к событиям, имевшим место до того, как жалоба была подана в Европейский Суд, и после этого не

было соответствующих правовых изменений ситуации. Каких-либо исключительных обстоятельств, которые бы освободили власти Российской Федерации от обязанности заявлять предварительные возражения до вынесения решения Европейского Суда по вопросу приемлемости жалобы от 8 января 2004 г., не установлено.

30. Соответственно, власти Российской Федерации лишились права заявлять предварительные возражения о неисчерпании внутренних средств правовой защиты на данной стадии рассмотрения дела. Таким образом, предварительные возражения властей Российской Федерации должны быть отклонены.

II. Предполагаемое нарушение статьи 8 Конвенции

31. Заявитель жаловалась на то, что ее выселение из квартиры ее скончавшегося сожителя было незаконным. При этом она ссылаясь на статью 8 Конвенции, которая гласит:

"1. Каждый имеет право на уважение... его жилища...

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случая, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц".

A. Доводы сторон

1. Заявитель

32. Заявитель утверждала, что она переехала в квартиру своего сожителя как член его семьи. Она и ее сожитель совместно обставили квартиру, приобрели предметы домашнего обихода и совместно несли расходы на хозяйство. Поэтому у нее имелось право правопреемства найма в соответствии со статьями 53 и 54 Жилищного кодекса РСФСР. Она утверждала, что национальные суды незаконно не приняли показания шести ее свидетелей, которые подтверждали, что она и ее бывший сожитель жили как муж и жена. Заявитель утверждала, что 4 сентября 1998 г. сотрудники милиции выселили ее, не имея на то санкции суда, в нарушение статьи 90 Жилищного кодекса РСФСР.

2. Власти Российской Федерации

33. Власти Российской Федерации в своем меморандуме от 9 июля 2003 г. утверждали, что заявитель не является жертвой предполагаемого нарушения. По их мнению, заявитель проживала в спорной квартире без какого-либо правового основания. Она не являлась супругой нанимателя квартиры, и у нее не было законного права на продление договора жилого найма после смерти ее сожителя. Следовательно, по мнению властей Российской Федерации, никакого вмешательства в права заявителя, гарантируемые пунктом 1 статьи 8 Конвенции, не было.

34. В своем дополнительном меморандуме от 23 марта 2004 г. власти Российской Федерации признали, что в обстоятельствах данного дела заявитель была выселена из квартиры ее умершего сожителя без решения суда. Далее, они признали, что процедура выселения, установленная в части второй статьи 90 Жилищного кодекса РСФСР, не была соблюдена.

В. Мнение Европейского Суда

1. Была ли оспариваемая квартира "жилищем" заявителя по смыслу статьи 8 Конвенции

35. Власти Российской Федерации не согласились с тем, что в данном деле затронуто право заявителя на уважение ее жилища, поскольку факт ее проживания в оспариваемой квартире не был установлен в законном порядке.

36. Европейский Суд сослался на прецедентное право Конвенционных органов относительно того, что концепция "жилища" по смыслу статьи 8 Конвенции не ограничена жилищем, занимаемым на законных основаниях или установленным в законном порядке. "Жилище" - это автономная концепция, которая не зависит от классификации в национальном праве. То, является ли место конкретного проживания "жилищем", которое бы влекло защиту на основании пункта 1 статьи 8 Конвенции, зависит от фактических обстоятельств дела, а именно от наличия достаточных продолжающихся связей с конкретным местом проживания (см. Постановление Европейского Суда по делу "Бакли против Соединенного Королевства" (Buckley v. United Kingdom) от 25 сентября 1996 г., Reports 1996-IV, § 52 - 54, Доклад Европейской Комиссии по делу "Бакли против Соединенного Королевства" от 11 января 1995 г., § 63; Постановление Европейского Суда по делу "Джиллоу против Соединенного Королевства" (Gillow v. United Kingdom) от 24 ноября 1986 г., Series A, № 109, § 46; Решение Европейской Комиссии по делу "Уиггинс против Соединенного Королевства" (Wiggins v. United Kingdom) от 8 февраля 1978 г., DR 13, p. 40).

37. По утверждению заявителя, оспариваемая квартира стала ее домом в 1988 году, когда она вселилась в нее со своим сожителем. Она предъявила чеки и иные платежные документы, свидетельствующие о том, что они вместе покупали мебель и иные предметы быта, вместе несли расходы по хозяйству и коммунальные расходы. Как представляется, заявитель получала письма и открытки, направленные ей и ее сожителю по почтовому адресу оспариваемой квартиры. Показания нескольких свидетелей, в правдивости которых у Европейского Суда нет оснований сомневаться, указывают, что они видели, что заявитель постоянно проживает в квартире Филиппова. Более того, национальные суды установили, что заявитель действительно проживала в оспариваемой квартире (см. выше § 21). Власти Российской Федерации не оспаривали, что оспариваемая квартира была действительным местом проживания заявителя. Принимая во внимание существование убедительных, непротиворечивых и неопровержимых доказательств, указанных выше, Европейский Суд пришел к выводу, что заявитель имела значительные и длящиеся связи с квартирой Филиппова, чтобы эта квартира рассматривалась как ее "жилище" по смыслу статьи 8 Конвенции.

38. Более того, Европейский Суд установил, что у заявителя не было нигде более другого жилья. Хотя власти Российской Федерации отказались рассматривать квартиру Филиппова как "жилище" заявителя, они не указывали, какое другое жилье должно рассматриваться как "жилище" заявителя. Действительно, Европейский Суд отметил, что хотя национальные суды установили тот факт, что заявитель сохранила право проживать в квартире ее дочери, они не утверждали, что указанная квартира была действительным жилищем заявителя.

39. Таким образом, Европейский Суд пришел к выводу, что квартира Филиппова являлась "жилищем" заявителя по смыслу статьи 8 Конвенции.

2. Имело ли место вмешательство органов государственной власти в право заявителя на уважение ее жилища

40. Установив, что оспариваемая квартира являлась жилищем заявителя по смыслу статьи 8 Конвенции, Европейский Суд должен рассмотреть вопрос о том, имело ли место вмешательство в право заявителя на уважение ее жилища со стороны органов государственной власти.

41. Власти Российской Федерации утверждали, что заявитель должна была подать жалобу на действия сотрудников милиции, которые выселили ее из оспариваемой квартиры, в соответствии с процедурой обжалования действий и актов государственных служащих и государственных органов. Европейский Суд истолковал данное утверждение как признание того, что лица, осуществлявшие выселение заявителя, действовали в рамках своих полномочий государственных служащих.

42. Европейский Суд пришел к выводу, что выселение заявителя из оспариваемой квартиры государственными служащими представляло собой вмешательство в ее право на уважение ее жилища со стороны органов государственной власти.

3. Было ли вмешательство обоснованным

43. Чтобы определить, было ли вмешательство обоснованным в соответствии с пунктом 2 статьи 8 Конвенции, Европейский Суд сначала рассмотрел, было ли оно "в соответствии с законом" (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Джиллоу против Соединенного Королевства", § 48).

44. Европейский Суд отметил, что статья 90 Жилищного кодекса РСФСР позволяла выселение только по основаниям, установленным законом, и только на основании решения суда. Такое положение вводило важные процессуальные гарантии против произвольного выселения, и его формулировка не допускала исключений.

Власти Российской Федерации признали, что в деле заявителя необходимо было следовать процедуре, установленной статьей 90 Жилищного кодекса РСФСР, даже несмотря на то, что проживание заявителя в квартире не было установлено в законном порядке. Европейский Суд не усмотрел причин отклоняться от этой точки зрения. Он также не усмотрел каких-либо обстоятельств, которые бы оправдали в настоящем деле отход от обычной процедуры выселения и особенно быстрой передачи квартиры сотруднику милиции в течение семи дней после смерти бывшего квартиросъемщика.

45. Следовательно, в настоящем деле вмешательство не может рассматриваться как осуществленное "в соответствии с законом", как того требует пункт 2 статьи 8 Конвенции. Соответственно, имело место нарушение статьи 8 Конвенции. В свете данного вывода Европейскому Суду нет необходимости определять, было ли вмешательство "необходимо в демократическом обществе" для одной из целей, перечисленных в пункте 2 статьи 8 Конвенции.

III. Применение Статьи 41 Конвенции

46. Статья 41 Конвенции гласит:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

А. Ущерб

47. Заявитель просила присудить ей 1132614 российских рублей (примерно 32620 евро) в отношении материального ущерба, из которого 348614 российских рубля - это стоимость ее личных вещей, оставленных в оспариваемой квартире, а остальные 784000 рублей - это стоимость однокомнатной квартиры площадью 30 кв. м в стандартном доме. Заявитель также потребовала присудить ей 226000 рублей (примерно 6500 евро) в качестве компенсации морального вреда.

48. Власти Российской Федерации утверждали, что требование компенсации ущерба было неразумным, поскольку заявитель не являлась жертвой предполагаемого нарушения.

49. Европейский Суд отметил, что заявитель не имела права собственности на квартиру ее умершего сожителя, и, таким образом, не имеется оснований для компенсации ей стоимости квартиры. Далее, Европейский Суд отметил, что часть жалобы заявителя об утрате ее личных вещей была объявлена неприемлемой решением от 8 января 2004 г.

По мнению Европейского Суда, заявителю, несомненно, нанесен существенный моральный вред, который не может быть компенсирован одним фактом установления нарушения. Менее чем через неделю после внезапной смерти ее сожителя она была насильно выселена из квартиры, в которой они проживали десять лет, и более не имела доступа в нее. Заявитель оказалась в тяжелом жилищном положении, отягощенным ощущением разочарования и несправедливости. Заявитель, по всей видимости, испытала значительный стресс и тревогу ввиду этого и при поселении в любом другом месте. Принимая во внимание все соответствующие факторы, исходя из принципа справедливости, Европейский Суд присудил заявителю 6000 евро в качестве компенсации морального вреда плюс любой налог, который может быть начислен на эту сумму.

В. Судебные расходы и издержки

50. Заявитель потребовала присудить ей 39200 рублей в качестве компенсации судебных расходов и издержек. Они включают в себя 33200 рублей на покупку предметов первой необходимости после выселения заявителя и 6 тысяч рублей (примерно 175 евро) на судебные расходы.

51. Власти Российской Федерации воздержались от комментариев в этой части требований.

52. Европейский Суд признал, что заявитель понесла некоторые расходы для восстановления ее прав как на национальном уровне, так и в европейских органах. Размер судебных расходов не представляется чрезмерным или необоснованным. Однако Европейский Суд отметил, что на стадии рассмотрения вопроса о приемлемости жалобы одна из частей жалобы заявителя была объявлена неприемлемой. Таким образом, следует только частично компенсировать судебные расходы и издержки, указанные заявителем. Принимая во внимание материалы, имеющиеся в его распоряжении, Европейский Суд присудил заявителю 120 евро в качестве компенсации судебных расходов, понесенных на национальном уровне и при разбирательстве в Европейском Суде плюс любой налог, который может быть начислен на эту сумму, и отклонил требования заявителя, относящиеся к покупке предметов первой необходимости.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

53. Европейский Суд посчитал, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процента.

На этих основаниях суд единогласно:

- 1) отклонил предварительные возражения властей Российской Федерации;
- 2) постановил, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции;
- 3) постановил:

(а) что государство-ответчик обязано выплатить заявителю в течение трех месяцев со дня вступления Постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции 6120 (шесть тысяч сто двадцать) евро в качестве компенсации морального вреда и за понесенные судебные расходы и издержки в пересчете на российские рубли по курсу, действующему на день выплаты, плюс любые возможные налоги;

(b) что простые проценты по предельным годовым ставкам по займам Европейского центрального банка плюс три процента подлежат выплате по истечении вышеупомянутых трех месяцев и до момента выплаты;

4) отклонил остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, и уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 18 ноября 2004 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Секретарь Секции Суда
Серен НИЛЬСЕН

Председатель Палаты
Христос РОЗАКИС

Дело "Фризен (Frizen) против Российской Федерации": Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 марта 2005 года (жалоба № 58254/00)

Доступ:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=15582&dst=1000000001>

Перевод предоставлен Уполномоченным Российской Федерации при Европейском суде по правам человека П. Лаптевым.

По делу "Фризен против Российской Федерации" Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в составе:

Х.Л. Розакиса, Председателя Палаты,
П. Лоренсена,
Н. Ваич,
С. Ботучаровй,
А. Ковлера,
Э. Штейнер,
Х. Гаджиева, судей,
а также при участии С. Нильсена, Секретаря Секции Суда,
заседая за закрытыми дверями 3 марта 2005 г.,
вынес следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 58254/00), поданной 24 марта 2000 г. в Европейский Суд против Российской Федерации гражданкой России Ниной Ивановной Фризен (далее - заявитель) в соответствии со статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция).

2. В Европейском Суде власти Российской Федерации были представлены Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека П.А. Лаптевым.

3. Заявитель жаловалась на вмешательство в ее право собственности в связи с тем, что автомобиль, законной собственницей которого она являлась, был изъят у нее без каких-либо законных на то оснований.

4. Жалоба была направлена в Первую секцию Европейского Суда (пункт 1 Правила 52 Регламента Суда). В рамках указанной Секции в соответствии с пунктом 1 Правила 26 Регламента Европейского Суда была образована Палата, которая должна была рассматривать дело (пункт 1 статьи 27 Конвенции).

5. 4 декабря 2003 г. Европейский Суд объявил жалобу приемлемой.

6. 1 ноября 2004 г. в состав секций Европейского Суда были внесены изменения (пункт 1 Правила 25 Регламента Суда). Данная жалоба подлежала рассмотрению новым составом Первой Секции (пункт 1 Правила 52 Регламента Суда).

7. Ни заявитель, ни власти Российской Федерации не представили письменных замечаний по существу данного дела. Палата приняла решение не проводить устных слушаний по делу (пункт 3 Правила 59 Регламента Суда).

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

8. Заявитель, 1951 года рождения, в настоящее время проживает в г. Красноярске.

9. В январе 1995 года общество с ограниченной ответственностью "Телемедиа сервис" (далее - компания "ТМС") приняло заявителя на работу на должность бухгалтера.

А. Договор кредитования

10. В 1996 году компания "ТМС" предоставила заявителю беспроцентный кредит на покупку автомобиля марки "Тойота". Условия кредита были установлены в договоре кредитования от 10 июня 1996 г., подписанном заявителем и генеральным директором компании "ТМС" Евсеевым. Кредит, размер которого составлял 266847000 рублей <*>, был предоставлен на срок 84 месяца. 13 июня 1996 г. вся сумма была переведена непосредственно на банковский счет продавца автомобиля.

<*> Сумма указана без учета денежной деноминации 1998 года. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 4 августа 1997 г. "Об изменении нарицательной стоимости российских денежных знаков и масштаба цен" с 1 января 1998 г. одна тысяча "старых" рублей эквивалентна одному "новому" рублю.

11. 30 сентября 1996 г. Государственная автоинспекция Красноярского края зарегистрировала приобретенный автомобиль на имя заявителя.

12. Согласно документу, выданному в неустановленный день новым генеральным директором компании "ТМС" Яковлевой, в счет погашения кредита заявителем были произведены семь выплат по 3200 рублей (деноминированных) в период с июня 1996 года по январь 1997 года и одна дополнительная выплата в размере 490 рублей в мае 1999 года, что в сумме составило 22890 рублей.

В. Уголовное дело в отношении мужа заявителя

13. 27 ноября 1998 г. Центральный районный суд г. Красноярска признал Евсеева и мужа заявителя виновными в мошенничестве в крупных размерах. Заявитель участвовала в качестве свидетеля в указанном деле. Суд установил, что подсудимые, занимая руководящие должности в государственной телекоммуникационной компании "МТТС", основали компанию "ТМС", которая выступала в качестве посредника в поставке телекоммуникационного оборудования для компании "МТТС". Подсудимые использовали денежные средства компании "МТТС" для осуществления авансовых платежей по договорам, подписанным компанией "ТМС", на приобретение телефонов, которые затем продавали компании "МТТС" по завышенной цене. Районный суд установил:

"Фризен и Евсеев, работая на руководящих должностях в МТТС,... похитили путем злоупотребления доверием денежные средства (МТТС), которыми распорядились по своему усмотрению. Более того, их родственники одновременно работали и в ТМС, и в МТТС и получали зарплату в обеих компаниях. Суд установил, что... зарплата сотрудникам ТМС, кредиты и дивиденды выплачивались из средств, полученных от МТТС".

14. Центральный районный суд г. Красноярска отметил, что заявитель не представила следователю договор кредитования, и указал:

"Как было установлено, кредиты на приобретение автомобилей предоставлялись Евсееву и (заявителю) незаконно, за счет денежных средств МТТС без оформления соответствующей документации. Суд считает необходимым обратить автомобили в возмещение ущерба".

15. Центральный районный суд г. Красноярска приговорил Фризену и Евсееву к четырем годам лишения свободы с конфискацией принадлежащего им имущества. В возмещение причиненного ущерба суд обязал их выплатить 4076387 рублей, а также принял решение о конфискации наличных средств компании "ТМС" и автомобилей заявителя и Евсеева.

С. Разбирательство по иску заявителя

16. В декабре 1997 года автомобиль заявителя был конфискован. 12 апреля 1999 г. из квартиры заявителя были изъяты некоторые предметы домашнего обихода.

17. Заявитель обратилась в суд с заявлением об исключении из описи конфискованного имущества ее предметов домашнего обихода и автомобиля.

18. 23 августа 1999 г. Октябрьский районный суд г. Красноярска удовлетворил требования заявителя в части, касающейся домашнего имущества, но оставил без удовлетворения в части, касающейся конфискации автомобиля, указав:

"Судом установлено, что 10 июня 1996 г. между ТОО "Телемедиасервис" и Фризен Н.И. был заключен договор займа, по которому Фризен Н.И. был предоставлен займ в размере 266 млн. 847

тыс. руб. ... Действительно, согласно справке-счету от 9 июля 1996 г. и копии паспорта транспортного средства вышеуказанный спорный автомобиль был записан на имя Фризен Н.И. ...

Однако суд не может признать состоятельными доводы истицы и представленные ею документы о том, что спорный автомобиль принадлежит ей, а поэтому подлежит освобождению от ареста, поскольку согласно приговору Центрального районного суда г. Красноярск от 27 ноября 1998 г. ... ссуда на приобретение данного автомобиля была взята незаконно, вследствие чего автомобиль был обращен в возмещение ущерба".

19. 6 октября 1999 г. судебная коллегия по гражданским делам Красноярского краевого суда, рассмотрев кассационную жалобу заявителя, оставила без изменения судебное решение от 23 августа 1999 г. Краевой суд обосновал необходимость конфискации автомобиля следующим образом:

"Суд первой инстанции обоснованно отказал в удовлетворении требований Фризен Н.И. ... поскольку обстоятельства, подтверждающие приобретение автомобиля на личные (заемные) средства Фризен Н.И., не нашли своего подтверждения... доказательства использования заемных средств на приобретение автомобиля отсутствуют... займ погашался только за счет начисленной Фризен Н.И. заработной платы, последнее удержание имело место 1 января 1997 г."

II. Применимое национальное законодательство

20. Гражданский кодекс Российской Федерации устанавливает:

"Статья 243. Конфискация

1. В случаях, предусмотренных законом, имущество может быть безвозмездно изъято у собственника по решению суда в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения (конфискация).

2. В случаях, предусмотренных законом, конфискация может быть произведена в административном порядке. Решение о конфискации, принятое в административном порядке, может быть обжаловано в суд".

21. Уголовный кодекс Российской Федерации устанавливает, что "наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления". Пункт "ж" статьи 44 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает конфискацию в качестве одного из видов наказания. Статья 52 Уголовного кодекса Российской Федерации определяет конфискацию имущества как "Принудительное безвозмездное изъятие в собственность государства всего или части имущества, являющегося собственностью осужденного".

22. Кодекс об административных правонарушениях РСФСР (действовавший в то время) предусматривал конфискацию предметов, которые были использованы при совершении административного правонарушения или были непосредственным предметом правонарушения.

23. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (действовавший в то время) предусматривал, что орудие, с помощью которого было совершено преступление, принадлежавшее обвиняемому (часть первая статьи 86), а также деньги и иные ценности, добытые преступным путем, подлежали конфискации, тогда как иные предметы должны быть возвращены их законным владельцам (часть четвертая статьи 86).

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции

24. Заявитель утверждала, что ее автомобиль был изъят за преступление, в совершении которого она не обвинялась, и без каких-либо на то законных оснований. Она ссылается на статью 1 Протокола № 1 к Конвенции, которая гласит:

"Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения ни в коей мере не ущемляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов".

А. Доводы сторон

25. Заявитель утверждала, что она не выступала в качестве стороны защиты в рамках уголовного дела, возбужденного в отношении ее мужа, и что она не причиняла тот вред, за который была привлечена к ответственности. В соответствии с приговором суда автомобиль был конфискован у ее мужа, который не являлся его собственником. Более того, автомобиль не находился в совместной собственности супругов, поскольку был приобретен за счет средств заявителя. Действие договора кредитования, стороной которого она выступала, не было прекращено ни судом, ни самими сторонами, и заявитель до сих пор осуществляет платежи в счет погашения кредита.

26. Власти Российской Федерации утверждали, что заявитель была лишена своего имущества "в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом". При этом они не представили подробного объяснения, связанного с указанным доводом. Кроме того, власти Российской Федерации указали, что подобное лишение являлось "необходимым" для возмещения ущерба, причиненного мужем заявительницы, отметив, что подача данной жалобы в Европейский Суд "является злоупотреблением правом подачи жалоб, поскольку является попыткой вернуть имущество, конфискованное на основании приговора суда по уголовному делу против мужа заявителя".

В. Правило, подлежащее применению

27. Статья 1 Протокола № 1 к Конвенции содержит три различных правила: первое правило, выраженное в первом предложении пункта 1 и являющееся общим правилом, устанавливает принцип уважения собственности; второе правило, содержащееся во втором предложении пункта 1, относится к лишению имущества и условиям такого лишения; третье правило, содержащееся в пункте 2, устанавливает, что Договаривающиеся Стороны обязаны, *inter alia*, контролировать использование собственности в соответствии с общими интересами. При этом все три правила не являются обособленными и связаны между собой. Второе и третье правила в некоторой степени связаны с определенным вторжением в право на уважение собственности и должны толковаться в свете общего принципа, изложенного в первом правиле (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Брониовский против Польши" (*Broniowski v. Poland*), жалоба № 31443/96, § 134, ECHR 2004).

28. Европейский Суд отмечает, что "имуществом" в данном деле является автомобиль заявителя, которая выступает его единственным законным и зарегистрированным в установленном порядке собственником. Именно в отношении указанного автомобиля власти Российской Федерации приняли решение о конфискации. Сторонами не оспаривается то, что данное решение представляет собой вмешательство в право заявителя на беспрепятственное пользование имуществом и, следовательно, что в данном деле применимы положения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Необходимо установить, соответствует ли оспариваемая заявителем мера пунктам 1 и 2 указанной статьи.

29. Стороны не выработали четкой позиции относительно правила, закрепленного статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции, в соответствии с которым надлежит рассматривать данное дело. Заявитель утверждала, что транспортное средство предназначалось для личного пользования ею, а не для совершения преступления. Властями Российской Федерации не оспаривалось данное утверждение. Европейский Суд не видит оснований считать иначе, чем то, что данное дело не отличается от других дел, где власти государства-ответчика принимали решение о конфискации материальной вещи, являвшейся предметом преступления (*objectum sceleris*) (см.: например, Постановление Европейского Суда по делу "АГОСИ против Соединенного Королевства" (*AGOSI v. United Kingdom*) от 24 октября 1986 г., Series A, № 108, § 51), или посредством которой было совершено преступление (*instrumentum sceleris*), даже когда такие вещи принадлежали третьим лицам (см., например, Решение Европейского Суда по делу "С.М. против Франции" (*S.M. v. France*) от 26 июня 2001 г., жалоба № 28078/95; и Постановление Европейского Суда по делу "Эйр Канада" против Соединенного Королевства" (*Air Canada v. United Kingdom*) от 5 мая 1995 г., Series A, № 316-A, § 34).

30. Далее власти Российской Федерации указали, что причиной принятия решения о конфискации послужило то, что машина была приобретена на незаконно полученные деньги.

Заявитель указала, что она не должна была привлекаться к ответственности за вред, причиненный ее мужем.

31. Что касается дохода, полученного в результате совершенного преступления (*productum sceleris*), Европейский Суд напоминает, что им рассматривалось дело, где решение о конфискации имущества было принято в результате уголовного преследования заявителя, судебного разбирательства по его делу и вступившего в силу обвинительного приговора в отношении него (см. Постановление Европейского Суда по делу "Филлипс против Соединенного Королевства" (*Phillips v. United Kingdom*), жалоба № 41087/98, §§ 9 - 18, ECHR 2001-VII), а также иные дела, где независимо от исхода уголовного дела применялась конфискация имущества заявителей, предположительно приобретенного незаконным способом (см. Решение Европейского Суда по делу "Риела и другие против Италии" (*Riela and others v. Italy*) от 4 сентября 2001 г., жалоба № 52439/99; Решение Европейского Суда по делу "Аркури и другие против Италии" (*Arcuri and others v. Italy*) от 5 июля 2001 г., жалоба № 52024/99; и Постановление Европейского Суда по делу "Раймондо против Италии" (*Raimondo v. Italy*) от 22 февраля 1994 г., Series A, № 281-A, § 29), или предназначенного для использования в незаконной деятельности (см. Решение Европейского Суда по делу "Батлер против Соединенного Королевства" (*Butler v. United Kingdom*) от 27 июня 2002 г., жалоба № 41661/98). В первой ситуации Европейский Суд признал, что конфискация представляет собой "штраф" по смыслу пункта 2 статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции (см. указанное выше Постановление Европейского Суда по делу "Филлипс против Соединенного Королевства", § 51 и, *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу "Уэлч против Соединенного Королевства" (*Welch v. United Kingdom*) от 9 февраля 1995 г., Series A, № 307-A, § 35), тогда как в других делах он устанавливал, что вмешательство необходимо рассматривать с точки зрения права властей государства-ответчика "контролировать использование имущества в общих интересах" (см. указанные выше решения Европейского Суда). Что касается данного дела, Европейский Суд полагает, что нет необходимости выяснять, попадает ли оно в первую или вторую категорию, поскольку в любом случае к нему применимы положения второго пункта статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

С. Соответствие данного дела требованиям пункта 2

32. Необходимо установить, соответствовало ли вмешательство законодательству Российской Федерации и было ли достигнуто "справедливое равновесие" между требованиями интересов общества и требованиями защиты основных прав личности (см. среди прочих Постановление Европейского Суда по делу "Бывший король Греции и другие против Греции" (*Former King of Greece and others v. Greece*), жалоба № 25701/94, § 89, ECHR 2000-XII, с последующими ссылками).

33. В связи с этим Европейский Суд напоминает, что первым и наиважнейшим требованием статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции является то, что любое вмешательство со стороны властей в беспрепятственное пользование лицом своим имуществом должно быть "законным": второй пункт указанной статьи устанавливает, что власти государства-ответчика вправе контролировать использование имущества посредством выполнения "законов". Более того, верховенство права как один из фундаментальных принципов присуще всем статьям Конвенции. Следовательно, вопрос о соблюдении справедливого равновесия между требованиями интересов общества и требованиями защиты основных прав отдельного человека может подниматься только тогда, когда будет установлено, что вмешательство законно и не является произвольным (см. Постановление Европейского Суда по делу "Иатридис против Греции" (*Iatridis v. Greece*) от 25 марта 1999 г., Reports 1999-II, § 58).

34. Европейский Суд полагает, что рассуждения о наличии общественного интереса при конфискации автомобиля заявителя, даже имеющие отношение к данному делу, не освобождают власти Российской Федерации от обязанности привести юридическое обоснование такой мере. Европейский Суд отмечает, что власти Российской Федерации ни в рамках уголовного дела в отношении мужа заявителя, ни в ходе гражданского судебного разбирательства по ее иску не указали ни одного положения законодательства Российской Федерации, оправдывающего подобную конфискацию.

35. Более того, в своих замечаниях по вопросу приемлемости и по существу жалобы от 2 июля 2003 г. власти Российской Федерации не указали, на основании каких норм законодательства Российской Федерации было основано решение о конфискации автомобиля заявителя. В последующем ими также не были представлены письменные замечания по существу дела.

36. Европейский Суд напоминает, что его полномочия по контролю за соблюдением положений законодательства ограничены, поскольку именно первоочередной задачей властей государства-ответчика являются толкование и применение закона. Следовательно, принимая во внимание постоянный отказ властей Российской Федерации назвать норму закона, которая легла в основу решения о конфискации собственности заявителя, Европейский Суд приходит к выводу, что указанное вмешательство в право собственности заявителя не может рассматриваться как "законное" по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Данный вывод свидетельствует об отсутствии необходимости рассматривать вопрос о соблюдении справедливого равновесия между требованиями интересов общества и требованиями защиты основных прав личности.

37. Следовательно, в данном деле имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

II. Применение статьи 41 Конвенции

38. Статья 41 Конвенции гласит:

"Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

39. Европейский Суд отмечает, что в соответствии с Правилем 60 Регламента Суда любое требование о выплате "справедливой компенсации" представляется в письменной форме в виде подробного перечня с приложением соответствующих подтверждающих документов или квитанций, "в противном случае Палата вправе отказать в удовлетворении требования полностью или частично".

40. 4 декабря 2003 г., после признания данной жалобы приемлемой, Европейский Суд предложил заявителю представить свои требования о выплате "справедливой компенсации" к 2 февраля 2004 г., однако к указанному сроку она не направила в Европейский Суд свои требования.

41. При данных обстоятельствах Европейский Суд решил не присуждать заявителю "справедливую компенсацию" в соответствии со статьей 41 Конвенции.

На этих основаниях суд единогласно:

1) постановил, что в данном деле имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции;

2) решил не присуждать "справедливую компенсацию" в соответствии со статьей 41 Конвенции.

Совершено на английском языке, уведомление в письменной форме поступило 24 марта 2005 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Европейского Суда.

Секретарь Секции Суда
Серен НИЛЬСЕН

Председатель Палаты
Христос РОЗАКИС

Дело "Мартынец (Martynets) против Российской Федерации": Решение Европейского Суда по правам человека от 5 ноября 2009 года (жалоба № 29612/09)

Доступ:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1793595772010857626156266342&cacheid=4902DBEFA9092B09F2BAFBC823A82F80&mode=splus&base=ARB&n=149398&rnd=41AA4DC58F9C0CD71A7E407644B51379#iye6xkcjml>

<1> Перевод с английского языка А.С. Новиковой.

По делу "Валентина Кирилловна Мартынец против Российской Федерации" Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая 5 ноября 2009 г. Палатой в составе:

Христоса Розакиса, Председателя Палаты Суда,
Нины Ваич,
Анатолия Ковлера,
Элизабет Штайнер,
Ханлара Гаджиева,
Дина Шпильманна,
Сверре-Эрика Йебенса, судей,
а также при участии Серена Нильсена, Секретаря Секции Суда,
рассмотрев указанную жалобу, поданную 12 декабря 2008 г.,
вынес следующее Решение:

ФАКТЫ

Заявительница Валентина Кирилловна Мартынец является гражданкой Украины. Она родилась в 1937 году и проживает в г. Севастополе.

А. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

Обстоятельства дела, как они были изложены заявителем, могут быть представлены следующим образом.

Заявительница обратилась в Октябрьский районный суд Курской области с иском к М. и Г., оспаривая их право собственности на дом в деревне Репино, расположенной в данном районе. М. подала встречный иск о признании ее права собственности на некоторые постройки и на земельный участок в той же деревне.

4 февраля 2008 г. суд отказал заявителем в удовлетворении иска и частично удовлетворил иск М.

10 апреля 2008 г. Курский областной суд, рассмотрев дело в кассационном порядке, оставил без изменения решение суда первой инстанции. Судебное решение стало обязательным и с этой даты вступило в законную силу.

В дальнейшем заявительница подавала жалобы о пересмотре дела в порядке надзора сначала в президиум Курского областного суда, затем в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации и Председателю Верховного Суда Российской Федерации. Эти жалобы заявителя были оставлены без удовлетворения 28 мая, 30 июля и 7 октября 2008 г. соответственно.

В. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В соответствии с Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации (далее - ГПК РФ) вступившие в законную силу и обязательные для исполнения судебные постановления подлежат пересмотру в порядке надзора в вышестоящих судебных инстанциях различного уровня. На протяжении последних лет процедура рассмотрения дел в порядке надзора неоднократно изменялась.

1. Процедура пересмотра дел в порядке надзора, действовавшая до 2003 года

Процедура пересмотра дел в порядке надзора, действовавшая до 1 февраля 2003 г., изложена в Постановлении Европейского Суда по делу "Рябух против Российской Федерации" (Ryabukh v. Russia) от 24 июля 2003 г., жалоба № 52854/99 <2>).

<2> См.: Путеводитель по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека за 2002 год (примеч. редактора).

2. Процедура пересмотра дел в порядке надзора, действовавшая в 2003 - 2007 годах

1 февраля 2003 г. вступил в силу новый ГПК РФ. Соответствующие положения о пересмотре дел в порядке надзора, действовавшие с 1 февраля 2003 г. до 7 января 2008 г., изложены в предшествующих постановлениях и решениях Европейского Суда (см. Постановление Европейского Суда по делу "Денисов против Российской Федерации" (Denisov v. Russia) от 25 января 2007 г., жалоба № 21823/03 <1>, Постановление Европейского Суда по делу "Собелин и другие против Российской Федерации" (Sobelin and Others v. Russia) от 3 мая 2007 г., жалобы № 30672/03, 30673/03, 30678/03, 30682/03, 30692/03, 30707/03, 30713/03, 30734/03, 30736/03, 30779/03, 32080/03 и 34952/03 <2>, § 34). В частности, ГПК РФ предусматривал, что надзорные жалобы на вступившие в законную силу и обязательные для исполнения судебные постановления могли быть поданы только лицами, участвовавшими в деле, и другими лицами, права и законные интересы которых были нарушены судебными постановлениями. Кодекс также устанавливал срок в один год для подачи таких жалоб.

<1> См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2008. № 6 (примеч. редактора).

<2> См.: там же. 2007. № 9 (примеч. редактора).

3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 г. <3>

<3> Имеется в виду Постановление Конституционного Суда Российской Федерации "По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ "Нижнекамскнефтехим" и "Хакасэнерго", а также жалобами ряда граждан" (примеч. редактора).

В Постановлении от 5 февраля 2007 г. № 2-П Конституционный Суд Российской Федерации установил, что процедура пересмотра дел в порядке надзора, которая регулировалась ГПК РФ, привела к возникновению ряда вопросов с точки зрения принципа правовой определенности, закрепленного в Конвенции, в его толковании Европейским Судом. В частности, Конституционный Суд Российской Федерации установил, что вступившие в законную силу и обязательные для исполнения судебные постановления судов общей юрисдикции могли быть изменены в надзорном производстве не только последовательно, но и без ограничения срока. Конституционный Суд Российской Федерации воздержался от однозначного признания этих и других недостатков процедуры пересмотра дел в порядке надзора неконституционными, чтобы избежать создания процессуального вакуума, который подорвал бы эффективность отправления правосудия. Тем не менее он отметил обязанность законодателя реформировать процедуру пересмотра дел в порядке надзора с целью сделать ее совместимой с принципом правовой определенности, принимая во внимание прецедентную практику Европейского Суда и Резолюцию № ResDH (2006)1 Комитета министров Совета Европы от 8 февраля 2006 г.

Конституционный Суд Российской Федерации также указал, что внутригосударственные средства правовой защиты не должны были считаться исчерпанными по смыслу части 3 статьи 46 Конституции Российской Федерации до вынесения постановления судом надзорной инстанции, поскольку последний мог прийти к выводу о нарушении какого-либо права и отменить оспариваемое решение суда. Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что заинтересованные лица должны были иметь возможность обратиться в Европейский Суд после завершения надзорного производства при условии, что последнее будет реформировано таким

образом, чтобы стать эффективным судебным средством правовой защиты, совместимым с требованиями Конституции Российской Федерации и данным постановлением Конституционного Суда.

4. Процедура пересмотра дел в порядке надзора, вступившая в силу с 7 января 2008 г.

7 января 2008 г. вступил в силу Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 330-ФЗ, которым был введен ряд дальнейших изменений процедуры пересмотра дел в порядке надзора.

В соответствии с новыми положениями законодательства решения судов могли быть обжалованы в порядке надзора в течение шести месяцев со дня их вступления в законную силу. В суд надзорной инстанции могли обратиться лица, участвовавшие в деле, и другие лица, если их права и законные интересы были нарушены данными судебными постановлениями, и только в том случае, если были исчерпаны иные способы обжалования судебного постановления до дня его вступления в законную силу (статья 376 ГПК РФ). Пропущенный процессуальный срок мог быть восстановлен только в исключительных обстоятельствах, делающих невозможной подачу надзорной жалобы в установленный срок (тяжелая болезнь или беспомощное состояние лица, подающего надзорную жалобу, или другое), если эти обстоятельства имели место в период не позднее одного года со дня вступления обжалуемого судебного постановления в законную силу (часть четвертая статьи 112 ГПК РФ).

Были предусмотрены несколько уровней пересмотра в порядке надзора вступивших в законную силу постановлений и решений суда. Во-первых, президиумы региональных судов осуществляли пересмотр в порядке надзора постановлений и решений нижестоящих судов и самих региональных судов, действующих в качестве кассационной инстанции (пункт 1 части второй статьи 377 ГПК РФ). Во-вторых, постановления и решения могли быть пересмотрены в порядке надзора Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации (пункт 3 части второй статьи 377 ГПК РФ). В-третьих, определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда, вынесенные в порядке надзора, могли быть обжалованы в Президиум Верховного Суда Российской Федерации при условии, что такие определения нарушали единство судебной практики (часть третья статьи 377 ГПК РФ).

Кроме того, Председатель или заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации мог инициировать пересмотр судебных постановлений в порядке надзора в Президиуме Верховного Суда Российской Федерации по ограниченному перечню оснований и по жалобе заинтересованных лиц, поданной в течение шести месяцев с даты вступления судебного постановления в законную силу (статья 389 ГПК РФ).

Обращение о пересмотре судебного постановления в порядке надзора, поданное в региональный суд, изучалось председателем или заместителем председателя данного суда либо по их поручению судьей (часть первая статьи 380.1 ГПК РФ). Обращения о пересмотре судебного постановления в порядке надзора, поданные в Верховный Суд Российской Федерации, изучались судьей данного суда (часть вторая статьи 380.1 ГПК РФ).

Обращение о пересмотре судебного постановления в порядке надзора рассматривалось судом, за исключением Верховного Суда Российской Федерации, в течение не более чем одного месяца, если дело не было истребовано, и в течение не более двух месяцев, если дело было истребовано из суда нижестоящей инстанции, не считая периода времени со дня истребования дела до дня его поступления. Сроки рассмотрения в Верховном Суде Российской Федерации составляли соответственно два и три месяца, последний мог быть продлен еще на два месяца Председателем Верховного Суда Российской Федерации или его заместителем (статья 382 ГПК РФ). После принятия решения о передаче дела в соответствующий суд надзорной инстанции оно должно было быть рассмотрено судом в пределах одного месяца, а в Верховном Суде Российской Федерации - в пределах двух месяцев (часть первая статьи 386 ГПК РФ).

Судья рассматривал надзорную жалобу по материалам дела, приложенным к ней, а в случаях, когда это было возможно, по материалам дела, истребованным из производства суда нижестоящей инстанции (часть первая статьи 381 ГПК РФ). Судья выносил определение о передаче обращения о пересмотре судебного постановления в порядке надзора в соответствующую судебную инстанцию или об отказе в такой передаче (часть вторая статьи 381 ГПК РФ). Председатель Верховного Суда или его заместитель был вправе не согласиться с определением судьи данного суда об отказе в передаче обращения о пересмотре судебного постановления в порядке надзора (часть третья статьи 381 ГПК РФ). Аналогичные полномочия председателей региональных судов в отношении

обращений о пересмотре судебного постановления в порядке надзора, поступившие в президиум данных судов, были отменены (утратившая силу часть вторая статьи 383 ГПК РФ).

Основания для отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора были ограничены существенными нарушениями норм материального или процессуального права, которые повлияли на исход дела и должны были быть устранены с целью восстановления и защиты прав, свобод и законных интересов, а также охраняемых законом публичных интересов (статья 387 ГПК РФ).

Если вышестоящий суд надзорной инстанции принимал решение об отмене судебного постановления полностью либо в части, он был вправе: направить дело обратно в нижестоящий суд надзорной инстанции на новое рассмотрение, прекратить производство по делу, оставить одно из принятых нижестоящим судом постановлений, изменить судебное постановление или принять свое собственное судебное постановление, не передавая дело для нового рассмотрения (часть первая статьи 390 ГПК РФ).

Пересмотр в порядке надзора проводился в пределах доводов надзорной жалобы или представления прокурора. Хотя суд был вправе также указать собственные доводы, он не был вправе проверять законность судебных постановлений в той части, в которой они не обжаловались (часть 1.1 статьи 390 ГПК РФ).

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 февраля 2008 г. <1>

<1> Имеется в виду Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации "О применении норм гражданского процессуального законодательства в суде надзорной инстанции в связи с принятием и введением в действие Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 330-ФЗ "О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации" (в настоящее время утратил силу) (примеч. редактора).

Отметив вопросы, которые возникали у судов при применении процедуры пересмотра дел в надзорном порядке, измененной Федеральным законом от 4 декабря 2007 г., Верховный Суд Российской Федерации разъяснил различные аспекты в своем Постановлении от 12 февраля 2008 г. № 2.

Верховный Суд Российской Федерации указал, что шестимесячный срок применяется ко всем судам надзорной инстанции и не подлежит возобновлению после каждого оставления надзорной жалобы без удовлетворения и обращения в вышестоящую инстанцию. С другой стороны, время, которое заняло рассмотрение надзорных жалоб судами, не должно было приниматься во внимание для расчета данного срока. Он напомнил об исключительном характере обстоятельств, допускающих восстановление срока по заявлению физического или юридического лица. Суды не должны принимать во внимание какие-либо обстоятельства, которые возникли по истечении одного года со дня вступления обжалуемого судебного постановления в законную силу. В определении о восстановлении или об отказе в восстановлении срока на обжалование следует подробно изложить мотивы принятого решения.

Верховный Суд Российской Федерации напомнил об обязанности исчерпания обычных средств обжалования до обращения в суд надзорной инстанции. Он также указал, что суд, рассматривавший надзорную жалобу, не должен принимать во внимание документы, которые не были исследованы судом первой инстанции, а в определенных случаях и судом второй инстанции.

Наконец, Верховный Суд обратил внимание судов на новые ограничения оснований для пересмотра дел в надзорном порядке, закрепленных в статье 387 ГПК РФ, которая подлежала толкованию в свете положений Конвенции. Ссылаясь на принцип правовой определенности, он указал, что суды не вправе пересматривать вступившие в законную силу постановления только в целях проведения повторного слушания и вынесения нового судебного постановления. Иная точка зрения суда надзорной инстанции на то, как должно было быть разрешено дело, не могла являться поводом для отмены или изменения судебного постановления нижестоящего суда.

ЖАЛОБЫ

Заявительница жаловалась на предполагаемое нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции в связи с незаконным лишением ее имущества. Она также жаловалась, ссылаясь на пункт 1 статьи 6 Конвенции и на статью 13 Конвенции, на предполагаемые нарушения ее права на справедливое судебное разбирательство независимым и беспристрастным судом и права на эффективное средство правовой защиты.

ПРАВО

Европейский Суд считает, что сначала следует определить, являются ли жалобы заявительницы совместимыми с требованиями приемлемости жалоб для рассмотрения по существу, предусмотренными статьей 35 Конвенции, которая в соответствующих части гласит:

"1. Суд может принимать дело к рассмотрению только после того, как были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты, как это предусмотрено общепризнанными нормами международного права, и в течение шести месяцев с даты вынесения национальными органами окончательного решения по делу...

3. Суд объявляет неприемлемой любую индивидуальную жалобу, поданную в соответствии с положениями статьи 34, если он сочтет, что эта жалоба является... явно необоснованной...".

А. ПРАВИЛО ШЕСТИМЕСЯЧНОГО СРОКА ДЛЯ ПОДАЧИ ЖАЛОБЫ

Заявительница подала жалобу в Европейский Суд по истечении шести месяцев после вынесения Курским областным судом кассационного постановления (10 апреля 2008 г.), но до истечения шести месяцев с момента вынесения определений, в которых Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации (30 июля 2008 г.) и заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации (7 октября 2008 г.) отказали в рассмотрении жалобы в суде надзорной инстанции. Европейский Суд может принять жалобу к рассмотрению только в том случае, если надзорное производство считается эффективным средством правовой защиты, которое подлежит исчерпанию в соответствии с пунктом 1 статьи 35 Конвенции.

Европейский Суд напоминает свою устоявшуюся прецедентную практику относительно требований исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты и шестимесячного срока, которые тесно связаны между собой. Требование об исчерпании средств правовой защиты предоставляет властям государства возможность исправить ситуацию через посредство их собственной правовой системы до того, как отвечать перед международным судом (см. Постановление Европейского Суда по делу "Акдивар и другие против Турции" (Akdivar and Others v. Turkey) от 16 сентября 1996 г., жалоба № 21893/93, § 65). Целью правила о шестимесячном сроке для подачи жалобы являются поддержание правовой стабильности и защита властей государства-ответчика и других заинтересованных лиц от продолжающейся неопределенности (см. Постановление Европейского Суда по делу "Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии" (De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium) от 18 июня 1971 г., жалобы № 2832/66, 2835/66, 2899/66, § 50). Термин "окончательное решение", которое является отправной точкой для исчисления шестимесячного срока, означает окончательное решение, принятое по итогам обычного порядка исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты в соответствии с общепризнанными нормами международного права (см. Решение Комиссии по правам человека по делу "Де Бекер против Бельгии" (De Becker v. Belgium) от 9 июня 1958 г., жалоба № 214/56, и Решение Европейского Суда по делу "Николова и Величкова против Болгарии" (Nikolova and Velichkova v. Bulgaria) от 13 марта 2007 г., жалоба № 7888/03). Статья 35 Конвенции обычно не требует прибегать к экстраординарным средствам правовой защиты, таким как заявление о повторном судебном разбирательстве или иные средства возобновления судебного производства по делу (см. Постановление Европейского Суда по делу "R. против Дании" (R. v. Denmark) от 6 октября 1983 г., жалоба № 10326/83, и Решение Европейского Суда по делу "Киискинен против Финляндии" (Kiiskinen v. Finland) от 1 июня 1999 г., жалоба № 26323/95). Находясь вне обычной цепочки внутригосударственных средств правовой защиты, подобные экстраординарные судебные процедуры, как правило, не учитываются при исчислении шестимесячного срока (см. Решение Европейского Суда по делу "АО "Уралмаш"

против Российской Федерации" (AO Uralmash v. Russia) от 10 апреля 2003 г., жалоба № 13338/03, и см. для сравнение Решение Европейского Суда по делу "Ковалева и другие против Российской Федерации" (Kovaleva and Others v. Russia) от 25 июня 2009 г., жалоба № 6025/09 <1>).

<1> См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 1 (примеч. редактора).

Европейский Суд далее отмечает, что он систематически указывал на то, что решение, принятое в кассационной инстанции судом общей юрисдикции в Российской Федерации, является окончательным решением для целей статьи 35 Конвенции. Следовательно, до настоящего времени такое решение считалось начальной точкой для исчисления срока, предусмотренного этой статьей Конвенции. Обращение о пересмотре судебного постановления в порядке надзора в российские суды общей юрисдикции и принятые по ним надзорные постановления не рассматриваются как имеющие значение для исчисления шестимесячного срока.

До вступления в силу нового ГПК РФ (с 1 февраля 2003 г.) надзорное производство было признано экстраординарным средством правовой защиты, и его использование зависело от дискреционных полномочий должностных лиц государства. Таким образом, надзорное производство не могло рассматриваться в качестве эффективного средства правовой защиты по смыслу пункта 1 статьи 35 Конвенции (см. Решение Европейского Суда по делу "Тумилович против Российской Федерации" (Tumilovich v. Russia) от 22 июня 1999 г., жалоба № 47033/99). Европейский Суд также не признавал эффективным средством правовой защиты процедуру пересмотра в надзорном порядке, которая регулировалась новым ГПК РФ, вступившим в силу 1 февраля 2003 г. Если данное средство правовой защиты было доступно сторонам в течение года, производство после его начала могло продолжаться неопределенный период в ряде инстанций. По мнению Европейского Суда, данная ситуация создавала неопределенность, которая приводила к тому, что правило о шестимесячном сроке оказывалось бесполезным (см. Решение Европейского Суда по делу "Денисов против Российской Федерации" (Denisov v. Russia) от 6 мая 2004 г., жалоба № 33408/03).

В деле заявительницы надзорное производство регулировалось новыми положениями ГПК РФ, которые изменили различные аспекты процедуры пересмотра дел в надзорном порядке с 7 января 2008 г. В связи с этим Европейский Суд должен проверить, стала ли измененная процедура пересмотра дел в порядке надзора эффективным средством правовой защиты, подходящим для исчерпания в соответствии с пунктом 1 статьи 35 Конвенции и потому имеющим значение для исчисления шестимесячного срока.

Европейский Суд отмечает, что, с одной стороны, в соответствии с новой частью второй статьи 376 ГПК РФ срок для подачи надзорных жалоб был сокращен до шести месяцев.

С другой стороны, в законе не уточнялось, каким образом должен исчисляться этот срок, если сторона воспользуется правом последовательной подачи надзорных жалоб на всех возможных уровнях. Даже если предположить, что данный срок толкуется и применяется на практике в соответствии с разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации от 12 февраля 2008 г. (см. выше), это само по себе не устраняет неопределенность, которую создавала процедура пересмотра дел в порядке надзора в ее предыдущей форме (см. упомянутое выше Решение Европейского Суда по делу "Денисов против Российской Федерации"). Напротив, Европейский Суд отмечает, что эта неопределенность в значительной степени сохраняется, поскольку вступившие в законную силу решения суда по-прежнему могут быть обжалованы в нескольких последовательных надзорных инстанциях.

Данная ситуация подтверждается обстоятельствами настоящего дела. Заявительница сначала обжаловала кассационное постановление Курского областного суда, обратившись с надзорной жалобой в президиум того же суда в соответствии с пунктом 1 части второй статьи 377 ГПК РФ. После того, как ее жалоба была оставлена без удовлетворения, она подала новую надзорную жалобу в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации на основании пункта 3 части второй статьи 377 ГПК РФ. Затем она использовала еще одну возможность обжалования постановления, обратившись к Председателю Верховного Суда Российской Федерации в соответствии со статьей 389 ГПК РФ.

В дополнение к данным трем уровням надзорного производства, использованным заявителем, часть третья статьи 377 ГПК РФ предусматривала сохранение возможности обжалования решения, принятого по результатам надзорного производства Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, в Президиум Верховного Суда

Российской Федерации, если решение нарушает единство судебной практики. Кроме того, согласно части третьей статьи 381 ГПК РФ Председатель или заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации был вправе не согласиться с определением судьи данного суда об отказе в передаче обращения о пересмотре судебного постановления в порядке надзора и передать дело для пересмотра в надзорном порядке в данный суд. ГПК РФ не содержит ясного указания на срок осуществления данного полномочия Председателем Верховного Суда Российской Федерации или его заместителем.

Ввиду вышеизложенного Европейский Суд приходит к выводу, что процедура пересмотра дел в порядке надзора в судах общей юрисдикции сохраняет основные признаки, которые ранее привели Европейский Суд к заключению о том, что она не относится к цепочке внутригосударственных средств правовой защиты, которые необходимо исчерпать по смыслу пункта 1 статьи 35 Конвенции. Европейский Суд не упускает из виду некоторые значимые изменения процедуры в 2007 году, в частности, с целью ограничения срока для подачи надзорных жалоб, отмены неограниченных полномочий председателей региональных судов не согласиться с определением судьи данного суда об отказе в передаче обращения о пересмотре судебного постановления в порядке надзора и введения обязанности предварительного исчерпания всех доступных средств обжалования до подачи надзорной жалобы. Несмотря на эти изменения, процедура пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений в надзорном порядке по-прежнему может иметь место во многих инстанциях, из чего следует риск того, что дело будет передаваться из одной инстанции в другую в течение неопределенного периода времени.

В связи с этим Европейский Суд по-прежнему придерживается точки зрения, согласно которой признание такого надзорного производства эффективным средством правовой защиты по смыслу статьи 35 Конвенции создаст недопустимую неопределенность относительно окончательного момента разбирательства дела на внутригосударственном уровне, а это приведет к тому, что правило о шестимесячном сроке станет бесполезным. Данная ситуация существенным образом отличается от надзорного производства, которое регулируется Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации, которое в недавно рассмотренном деле было признано эффективным средством правовой защиты, подлежащим исчерпанию и имеющим значение для исчисления шестимесячного срока (см. упомянутое выше Решение Европейского Суда по делу "Ковалева и другие против Российской Федерации").

Таким образом, Европейский Суд приходит к выводу, что окончательным судебным решением в настоящем деле было кассационное постановление Курского областного суда от 10 апреля 2008 г. Поскольку жалоба была подана заявительницей в Европейский Суд по истечении шести месяцев с этой даты, она должна рассматриваться как поданная с нарушением срока. Дальнейшие попытки заявительницы добиться пересмотра окончательного судебного решения в порядке надзора не могут свидетельствовать о том, что жалоба была подана с соблюдением шестимесячного срока, предусмотренного пунктом 1 статьи 35 Конвенции.

Следовательно, жалоба должна быть отклонена на основании пунктов 1 и 4 статьи 35 Конвенции.

В. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ В ХОДЕ НАДЗОРНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Поскольку жалобы заявительницы на предполагаемые нарушения статей 6 и 13 Конвенции могут быть поняты как жалобы на возможные нарушения ее права на доступ к суду и на отсутствие эффективного средства правовой защиты применительно к самому надзорному производству, Европейский Суд не усматривает признаков таких нарушений: заявительница не указала на какие-либо недостатки судебных производств по ее делу, жалуюсь исключительно на неправильное применение положений материального права Российской Федерации.

Следовательно, данные жалобы являются явно необоснованными и должны быть отклонены в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

На основании изложенного Европейский Суд единогласно:

объявил жалобу неприемлемой для рассмотрения по существу.

Председатель
Палаты Суда
ХРИСТОС РОЗАКИС

Секретарь
Секции Суда
СЕРЕН НИЛЬСЕН

Дело "Ануфриев (Anufriyev) против Российской Федерации": Постановление Европейского Суда по правам человека от 5 апреля 2011 года (жалоба № 32215/05)

Доступ:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=288696&dst=100002>

Перевод с английского О.Л. Ветровой.

По делу "Ануфриев против Российской Федерации" Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в составе:

Нины Ваич, Председателя Палаты,

Анатолия Ковлера,

Христоса Розакиса,

Пэра Лоренсена,

Элизабет Штейнер,

Ханлара Гаджиева,

Георга Николау, судей,

а также при участии Серена Нильсена, Секретаря Секции Суда,

заседая за закрытыми дверями 15 марта 2011 г.,

вынес в указанный день следующее Постановление:

Процедура

1. Дело было инициировано жалобой № 32215/05, поданной против Российской Федерации в Европейский Суд по правам человека (далее - Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция) гражданином Российской Федерации Дмитрием Александровичем Ануфриевым (далее - заявитель) 27 мая 2005 г.

2. Власти Российской Федерации были представлены Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека Г.О. Матюшкиным.

3. Заявитель утверждал, что окончательное судебное решение, вынесенное в его пользу, не было своевременно исполнено.

4. 25 апреля 2008 г. председатель Первой Секции коммуницировал жалобу властям Российской Федерации. Было также решено рассмотреть данную жалобу одновременно по вопросу приемлемости и по существу.

5. 4 мая 2009 г. рассмотрение дела было отложено для урегулирования в соответствии с пилотным Постановлением Европейского Суда по делу "Бурдов против Российской Федерации (№ 2)" (Burdov v. Russia (№ 2)), жалоба № 33509/04, ECHR 2009-... <*>.

<*> Опубликовано в специальном выпуске "Российская хроника Европейского Суда" № 4/2009.

6. 15 сентября 2010 г. отложение было прекращено, поскольку власти Российской Федерации не исполнили данное решение (см. § 16 настоящего Постановления).

Факты

I. Обстоятельства дела

7. Заявитель родился в 1968 году и проживает в Кургане.

8. В 2002 году против заявителя было возбуждено уголовное дело. 19 мая 2003 г. он был оправдан Курганским областным судом (далее - областной суд). Верховный Суд Российской Федерации оставил оправдательный приговор без изменения, и он вступил в силу.

9. Заявитель предъявил требование о компенсации. 22 октября 2003 г. Курганский городской суд частично удовлетворил данное требование и присудил заявителю 5 000 рублей, эта сумма в период, относящийся к обстоятельствам дела, соответствовала приблизительно 140 евро. Сумма подлежала выплате из федерального бюджета.

10. Решение от 22 октября 2003 г. было оставлено областным судом 11 декабря 2003 г. без изменения и, таким образом, вступило в силу. Был выдан исполнительный лист.

11. 17 февраля 2004 г. судебные приставы возвратили исполнительный лист заявителю, рекомендовав ему обратиться непосредственно в Министерство финансов Российской Федерации в Москве. По-видимому, он так и сделал.

12. 17 февраля 2005 г. директор юридического департамента Министерства финансов ответил заявителю, заверив его, что окончательное решение городского суда от 22 октября 2003 г., вынесенное в его пользу, находится на стадии исполнения.

13. Данное решение осталось неисполненным.

II. Применимое национальное законодательство и практика

14. Краткий обзор применимого национального законодательства и практики периода, относящегося к обстоятельствам дела, см. в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу "Бурдов против Российской Федерации (№ 2)", § 26 - 33.

Право

I. Предполагаемое нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции

15. Заявитель утверждал, что длительное неисполнение решения от 22 октября 2003 г., вынесенного в его пользу, нарушило его право на правосудие в значении пункта 1 статьи 6 Конвенции, который в соответствующей части устанавливает следующее:

"Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях... имеет право на справедливое... разбирательство дела... судом...".

16. Власти Российской Федерации утверждали, что они не могли исполнить решение от 22 октября 2003 г., поскольку заявитель повторно не представил исполнительный лист, который был ему возвращен 25 августа 2005 г. "в связи с (его) несоответствием законодательству".

17. Заявитель поддержал свою жалобу.

A. Приемлемость жалобы

18. Европейский Суд отмечает, что настоящая жалоба не является явно необоснованной в значении пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Следовательно, жалоба должна быть объявлена приемлемой.

В. Существо жалобы

19. Европейский Суд напоминает, что пункт 1 статьи 6 Конвенции гарантирует в случае спора о гражданских правах и обязанностях право каждого на обращение в суд или иной орган правосудия. В этом смысле оно воплощает "право на правосудие", которое было бы иллюзорным, если бы национальная правовая система государства-участника допускала неисполнение окончательного вступившего в силу решения (см. Постановление Европейского Суда по делу "Бурдов против Российской Федерации" (Burdov v. Russia), жалоба № 59498/00, § 34, ECHR 2002-III <*>).

<*> Опубликовано в "Путеводителе по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека за 2002 год".

20. Необоснованно длительная задержка исполнения вступившего в силу решения может, таким образом, нарушать Конвенцию. При разрешении вопроса об оправданности задержки Европейский Суд оценивает степень сложности исполнительного производства, поведение заявителя и властей и природу присужденной суммы. Хотя некоторая задержка исполнения решения суда при особых обстоятельствах может быть оправданной, она не должна затрагивать сущность права, гарантированного пунктом 1 статьи 6 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Бурдов против Российской Федерации (№ 2)", § 66 - 67).

21. Европейский Суд напоминает, что лицо, в пользу которого судом вынесено решение против государства, не обязано возбуждать процедуру принудительного исполнения. Однако на сторону, требования которой удовлетворены, может быть возложена обязанность совершения определенных процессуальных действий в целях получения задолженности по судебному решению. Эти требования не освобождают власти от их обязательства совершить в пределах своих полномочий действия в целях исполнения решения суда, вынесенного против государства (см. Постановление Европейского Суда от 12 июня 2008 г. по делу "Акашев против Российской Федерации" (Akashev v. Russia, жалоба № 30616/05, § 21 - 22 <*>).

<*> Опубликовано в "Бюллетене Европейского Суда по правам человека" № 5/2009.

22. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Европейский Суд отмечает, что решение от 22 октября 2003 г. в пользу заявителя было вынесено против государства. Заявитель совершил определенные процессуальные действия в целях получения задолженности по судебному решению, в частности, он известил Министерство финансов о решении, вынесенном в его пользу против государства. Он был уведомлен высокопоставленным должностным лицом Министерства финансов о том, что указанное решение суда подлежит исполнению, и, соответственно, у него было законное ожидание того, что никаких дополнительных действий в этом отношении совершать не требуется. Однако тот же орган впоследствии возвратил ему исполнительный лист. Власти Российской Федерации не объяснили причин "несоответствия" исполнительного листа законодательству и не указали, что заявитель мог предпринять для устранения предполагаемого несоответствия.

23. Соответственно, Европейский Суд заключает, что власти нарушили свое обязательство исполнить вступившее в силу решение от 22 октября 2003 г., вынесенное в пользу заявителя против государства.

24. Таким образом, в этом отношении имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

II. Предполагаемое нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции

25. Заявитель утверждал, что неисполнение решения от 22 октября 2003 г., вынесенного в его пользу, составило незаконное лишение его имущества в нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, которая предусматривает следующее:

"Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения не умаляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов".

26. Доводы сторон были теми же, которые приведены в отношении жалобы заявителя на нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

A. Приемлемость жалобы

27. Европейский Суд считает, что жалоба заявителя не является явно необоснованной в значении пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Следовательно, жалоба должна быть объявлена приемлемой.

B. Существо жалобы

28. Решение, которое не было отменено, обеспечивает заявителю имущество в значении этой статьи (см. Постановление Европейского Суда от 6 марта 2003 г. по делу "Ясюнене против Литвы" (*Jasiuniene v. Lithuania*), жалоба № 41510/98, § 44).

29. Решение от 22 октября 2003 г. вступило в силу 11 декабря 2003 г. (см. § 10 настоящего Постановления) и до настоящего момента не было отменено. Не исполнив решение, национальные власти воспрепятствовали заявителю в получении денежных средств, которые он обоснованно рассчитывал получить.

30. Соответственно, имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

III. Применение статьи 41 Конвенции

31. Статья 41 Конвенции предусматривает:

"Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

A. Ущерб

32. Заявитель требовал компенсации материального ущерба в общей сумме 900 евро, представляющих собой, по его словам, "сумму нарушения". Он также требовал компенсации причиненного ему морального вреда. По его мнению, такая компенсация должна составить 17 500 евро.

33. Власти Российской Федерации не представили относимых замечаний.

34. Что касается материального ущерба, Европейский Суд напоминает, что наиболее уместной формой возмещения в отношении нарушения статьи 6 Конвенции является восстановление статуса заявителя, насколько это возможно, в том положении, в котором он находился бы, если бы

требования статьи 6 Конвенции не нарушались (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Акашев против Российской Федерации", § 32). Применение этого принципа в настоящем деле означает, что государство должно выплатить заявителю 140 евро, которые он должен был получить согласно решению от 22 октября 2003 г. Соответственно, Европейский Суд присуждает ему 140 евро по данному основанию.

35. Что касается морального вреда, Европейский Суд заключает, что заявитель испытал страдания в результате неисполнения решения суда. Оценивая указанные обстоятельства на справедливой основе, он присуждает заявителю по этому основанию 750 евро.

В. Судебные расходы и издержки

36. Заявитель не предъявлял требований в этом отношении. Соответственно, Европейский Суд не видит оснований присуждать ему какую-либо сумму по данному основанию.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

37. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО:

- 1) признал жалобу приемлемой;
- 2) постановил, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции;
- 3) постановил, что имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции;
- 4) постановил, что:

(а) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю 140 евро (сто сорок евро) в качестве компенсации материального ущерба и 750 евро (семьсот пятьдесят евро) в качестве компенсации морального вреда, подлежащие переводу в рубли по курсу, который будет установлен на день выплаты, а также любые налоги, подлежащие начислению на указанную сумму,

(b) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

- 5) отклонил оставшуюся часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 5 апреля 2011 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Председатель Палаты Суда
Н.ВАИЧ

Секретарь Секции Суда
С.НИЛЬСЕН

Дело "Гладышева (Gladysheva) против Российской Федерации": Постановление Европейского Суда по правам человека от 6 декабря 2011 года (жалоба № 7097/10)

Доступ:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=282193&dst=100002>

Перевод с английского Г.А. Николаева.

По делу "Гладышева против Российской Федерации" Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в составе:

Нины Ваич, Председателя Палаты,

Анатолия Ковлера,

Пэра Лоренсена,

Элизабет Штейнер,

Ханлара Гаджиева,

Линоса-Александра Сисилианоса,

Эрика Месе, судей,

а также при участии Андре Вампаша, заместителя Секретаря Секции Суда,

заседая за закрытыми дверями 15 ноября 2011 г.,

вынес в указанный день следующее Постановление:

Процедура

1. Дело было инициировано жалобой № 7097/10, поданной против Российской Федерации в Европейский Суд по правам человека (далее - Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция) гражданкой Российской Федерации Светланой Михайловной Гладышевой (далее - заявительница) 15 января 2010 г.

2. Интересы заявительницы представлял И.Ф. Пузанов, адвокат, практикующий в Москве. Власти Российской Федерации были представлены Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека Г.О. Матюшкиным.

3. Заявительница утверждала, что она была лишена квартиры в нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции и что ей грозит выселение в нарушение статьи 8 Конвенции.

4. 7 июля 2010 г. председатель Первой Секции решил применить правило 41 Регламента Суда и рассмотреть жалобу в приоритетном порядке, а также коммуницировал жалобу властям Российской Федерации. В соответствии с пунктом 1 статьи 29 Конвенции было также решено рассмотреть данную жалобу одновременно по вопросу приемлемости и по существу.

Факты

I. Обстоятельства дела

5. Заявительница родилась в 1973 году и проживает в Москве.

6. 28 сентября 2005 г. заявительница приобрела квартиру площадью 37,5 кв. м в Москве, расположенную по адресу: Новочеремушкинская улица, дом 59, - и проживала там с сыном 1998 года рождения. Продавец квартиры В. купил ее у Е., которая приобрела право собственности в порядке приватизации. Факты, относящиеся к собственности на квартиру до приобретения права на

нее заявительницей и последующему лишению ее титула, могут быть кратко изложены следующим образом.

А. Приватизация и продажа квартиры

7. До приватизации квартира находилась в собственности Москвы. 10 сентября 2004 г. префект Юго-Западного округа передал квартиру М. в качестве социального жилья. М. заключил договор социального найма 29 октября 2004 г. и был зарегистрирован как единственный наниматель 12 ноября 2004 г. В ордере на вселение члены семьи не были указаны.

8. 19 ноября 2004 г. отдел внутренних дел Черемушкинского района Москвы зарегистрировал Е. как жену М. по его адресу. Регистрация была осуществлена на основании письменного заявления М., удостоверенного публичным нотариусом Р. 17 ноября 2004 г., к которому прилагалось свидетельство о браке Е. и М., выданное в Калуге 15 октября 2004 г. Личность Е. была удостоверена предъявлением паспорта.

9. 19 декабря 2004 г. М. был найден мертвым. Дознание установило, что он выпал из окна своей квартиры, и заключило, что М. покончил с собой, поскольку доказательств причастности к его смерти другого лица получить не удалось. Было отмечено, что М. ранее являлся наркоманом.

10. 11 февраля 2005 г. Е. выдала доверенность Л., уполномочив его представлять ее во всех сделках, относящихся к квартире, во всех процедурах по приватизации и регистрации в органах регистрации имущества и по месту жительства. Доверенность была заверена государственным нотариусом С., которая указала в стандартной оговорке, что Е. подписала доверенность в ее присутствии и что ее личность и дееспособность установлены.

11. 30 марта 2005 г. Департамент жилищной политики и жилищного фонда Москвы (далее - Департамент жилищной политики) заключил договор социального найма с Е. и в тот же день подписал договор приватизации в отношении этой квартиры. При совершении данных сделок интересы Е. представлял Л.

12. 6 мая 2005 г. Главное управление Федеральной регистрационной службы по Москве зарегистрировало право собственности Е. на квартиру в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

13. 23 мая 2005 г. Е. продала квартиру В. 6 июня 2005 г. право собственности В. было зарегистрировано в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

14. 28 сентября 2005 г. В. продал квартиру заявительнице. Условия сделки включали обязанность заявительницы уплатить продавцу 990 000 рублей за квартиру, авансовый платеж в размере 6 000 рублей, а также выплатить 1 465 847 рублей за ремонт. Условия сделки также предусматривали обязанность продавца приобрести заявительнице эквивалентную квартиру в случае утраты заявительницей титула по причинам, относящимся к дефектам титула, возникшим до приобретения квартиры заявительницей.

15. Переход права собственности был зарегистрирован Главным управлением Федеральной регистрационной службы по Москве.

16. Заявительница и ее сын переехали в квартиру и с тех пор проживают в ней.

17. 3 мая 2007 г. Е. скончалась, по-видимому, от естественных причин.

В. Оспаривание права собственности заявительницы и разбирательство о выселении

18. 30 января 2008 г. Главное управление внутренних дел Москвы уведомило Департамент жилищной политики о предполагаемом мошенничестве при приватизации квартиры.

19. В неустановленную дату в 2008 году Департамент жилищной политики предъявил иск к заявительнице и бывшим собственникам квартиры В. и Е. Он ссылаясь на "проверку", которая выявила, что брак между М. и Е. не заключался и что паспорт Е., использованный для процедур

регистрации и приватизации, был объявлен утраченным в 1996 году. На основании этого Департамент жилищной политики просил суд признать, что квартира была приобретена Е. мошенническим способом, и признать все последующие сделки с квартирой недействительными. Заявительница предъявила встречный иск о признании судом права собственности на квартиру.

20. 25 июля 2008 г. Черемушкинский районный суд Москвы отклонил иск властей и удовлетворил встречный иск заявительницы, признав ее законной собственницей квартиры. Он, в частности, отметил, что заявительница приобрела квартиру добросовестно (являлась добросовестным приобретателем) и выплатила ее стоимость. Соответственно, не имелось оснований для признания сделки недействительной. В установленный законом десятидневный срок жалоба на решение не была подана, и оно вступило в силу.

21. 11 августа 2008 г. заявительница сообщила в милицию, что А.Б., должностное лицо Департамента жилищной политики, пытался вымогать у нее 50 000 долларов США в обмен на обещание о том, что Департамент не будет обжаловать решение от 25 июля 2008 года. 12 августа 2008 г. милиция провела тайную операцию, в рамках которой А.Б. был задержан при получении от заявительницы вышеуказанной суммы денег, помеченных милицией. 10 декабря 2008 г. А.Б. был признан виновным в связи с этим эпизодом и приговорен к лишению свободы на определенный срок.

22. Департамент жилищной политики подал ходатайство о продлении срока обжалования решения суда от 25 июля 2008 г. на том основании, что преследование А.Б., который вел данное дело, повлекло неукомплектованность штата Департамента жилищной политики и невозможность соблюдения сроков. 14 ноября 2008 г. районный суд удовлетворил ходатайство и продлил срок подачи жалобы. Рассмотрение жалобы состоялось 18 декабря 2008 г. в Московском городском суде, который отменил решение и возвратил дело на новое рассмотрение в районный суд. Московский городской суд дал суду первой инстанции указание установить, предусматривает ли иск требование о признании сделки недействительной, регулируемое статьей 167 Гражданского кодекса Российской Федерации, или об истребовании имущества из чужого законного владения в соответствии со статьей 302 указанного кодекса.

23. 15 декабря 2008 г. против "неустановленного лица" было возбуждено уголовное дело по подозрению в мошенничестве в процессе приватизации квартиры. Заявительница просила признать ее потерпевшей по этому делу, но ей было отказано на том основании, что ущерб от мошенничества был причинен Департаменту жилищной политики, а не заявительнице. Решение об отказе в признании заявительницы потерпевшей было принято Московским городским судом 27 июля 2009 г.

24. 9 июля 2009 г. районный суд установил, что приватизация квартиры Е. была проведена путем обмана. Он, в частности, установил, что орган регистрации актов гражданского состояния не имеет данных о браке между М. и Е., и поэтому заключил, что их свидетельство о браке было подложным. Следовательно, Е. не имела права на регистрацию по месту жительства по адресу М. или на приватизацию квартиры после его смерти. В отношении заявительницы районный суд установил, что она являлась добросовестным приобретателем в значении статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации. Однако районный суд признал, что квартира, которая была приватизирована путем обмана, была утрачена Москвой, ее законным владельцем, в отсутствие намерения об отчуждении квартиры. Таким образом, с учетом положений статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации и Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2003 г. дело подпадало под одно из двух исключений из защиты титула добросовестного приобретателя, которое отдавало преимущество предыдущему собственнику. Титул заявительницы на квартиру был, соответственно, аннулирован, и Москва была признана законной собственницей квартиры. Суд принял решение о выселении заявительницы без компенсации или предложения другого жилого помещения. Заявительница обжаловала это решение.

25. 21 декабря 2009 г. Уполномоченный по правам человека в Москве обратился с письмом к мэру Москвы с просьбой рассмотреть вопрос о предоставлении заявительнице права социального найма на квартиру. Тем не менее 19 января 2010 г. Департамент жилищной политики дал отрицательный ответ, указав, что это нарушит очередность предоставления жилья.

26. 12 февраля 2010 г. следственный орган решил признать заявительницу потерпевшей по уголовному делу и допросил ее в этом качестве. Однако 23 марта 2011 г. данное постановление было отменено как необоснованное по требованию прокурора.

27. Уголовное расследование в связи с подозрением в мошенничестве было приостановлено ввиду неустановления виновных. В то же время в деле содержались определенные материалы, которые позволили судам установить, что приватизация была проведена неправомерно. Оно, в частности, содержало вывод о том, что все действия в связи с регистрацией Е. в квартире, приватизацией последней и продажей В. совершались с использованием паспорта Е., который был объявлен утраченным в 1996 году. К делу был также приобщен ответ муниципальных органов Калуги о том, что отсутствуют сведения о регистрации брака Е. и М. в 2004 году. Паспортная служба Калуги сообщила следователю, что Е. ранее проживала в Калуге и не снималась с регистрационного учета до ее смерти в 2007 году. Имелся также ответ нотариуса Р. о том, что в ее реестре отсутствуют записи об обращении М., и она отрицала, что удостоверяла этот документ.

28. 13 мая 2010 г. жалоба на решение от 9 июля 2009 г. была отклонена Московским городским судом, и решение вступило в силу.

29. Заявительница просила о приостановлении исполнения решения в части выселения. 22 июля 2010 г. суд удовлетворил ходатайство и приостановил выселение до 1 февраля 2011 г. Указанный срок был в дальнейшем продлен до 1 июня 2011 г.

30. 14 декабря 2010 г. заместитель Генерального прокурора Российской Федерации просил Верховный Суд России пересмотреть дело заявительницы в порядке надзора. Он полагал, что лишение ее права собственности на квартиру являлось незаконным и необоснованным.

Во-первых, заместитель Генерального прокурора утверждал, что правило, содержащееся в пункте 1 статьи 302 Гражданского кодекса, относительно восстановления права собственности на имущество, выбывшее из владения помимо воли собственника, неприменимо к ее делу. Он подчеркивал, что Департамент жилищной политики являлся стороной сделки приватизации квартиры и не мог не знать о ней, и Департамент никогда не утверждал, что должностное лицо, ответственное за приватизацию, превысило свои полномочия или действовало вопреки инструкциям. Поэтому нельзя утверждать, что квартира была приватизирована помимо воли Департамента жилищной политики. Таким образом, на заявительницу как на добросовестного приобретателя не могла быть возложена обязанность по возвращению квартиры прежнему собственнику, Москве.

Во-вторых, заместитель Генерального прокурора полагал, что судебные решения не сопоставили интересы города с законными правами и интересами заявительницы, тогда как в соответствии с Конституцией России права граждан пользуются приоритетом. Вследствие мошенничества третьего лица одинокая мать и ее ребенок могут быть выселены без компенсации и в отсутствие предложения другого жилья. Заместитель Генерального прокурора отметил, что заявительница не имеет другого жилья, и все ее сбережения были потрачены на приобретение квартиры и оплату судебных издержек. Наконец, он подчеркнул, что суды вышли за пределы своих полномочий, применив статью 302 Гражданского кодекса Российской Федерации, тогда как истец ссылаясь на статью 167, то есть суды удовлетворили иск, выйдя за пределы исковых требований.

31. 24 декабря 2010 г. Верховный Суд Российской Федерации отклонил представление заместителя Генерального прокурора, отказав в пересмотре дела в порядке надзора. Верховный Суд отметил, что статус заявительницы как добросовестного приобретателя не ставился под сомнение на какой-либо стадии. Вместе с тем суды правильно применили закон и удовлетворили законные требования истца. Верховный Суд добавил, что заявительница не лишена права потребовать от В. компенсации убытков.

32. 31 мая 2011 г. Черемушкинский районный суд Москвы отклонил ходатайство заявительницы о дополнительном приостановлении исполнения решения от 9 июля 2009 г., отметив, что срок приостановления продлевался дважды, и не имеется оснований для нового продления.

33. 30 июня 2011 г. уполномоченный по правам человека в Москве направил письмо мэру Москвы, обращая его внимание на рост количества дел об изъятии городом квартир у добросовестных приобретателей под предлогом нарушений правил приватизации прежними собственниками квартир, во всех этих делах было отказано в компенсации или предоставлении другого жилья. По его мнению, случаи мошеннической приватизации не должны рассматриваться судами как дела, в которых имущество выбыло из владения "помимо воли собственника" в значении пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации. Уполномоченный по правам человека в Москве подчеркнул, что сделки по приватизации заключались государством в лице его должностных лиц, в обязанность которых входило обеспечение проведения необходимых проверок и процессуальной чистоты сделки. Неисполнение этой обязанности порождает ответственность государства. В любом случае, если подложные документы не были выявлены, это не может рассматриваться как выбытие из владения помимо воли собственника. Кроме того, уполномоченный по правам человека в Москве привел дело заявительницы как яркий пример несправедливого исхода ошибочного толкования, принятого московскими судами в подобных делах. В тот же день он направил письма в прокуратуру Москвы и начальнику Главного управления внутренних дел, упомянув дело заявительницы, и призвал тщательно расследовать мошеннические дела такого рода, выразив мнение о необходимости признания заявительницы потерпевшей в соответствующем уголовном разбирательстве.

34. Согласно последним объяснениям заявительницы она еще не выселена, но считает, что выселение неизбежно.

II. Применимое национальное законодательство и практика

35. Гражданский кодекс Российской Федерации предусматривает два различных способа оспаривания имущественного титула прежним владельцем:

"Статья 167. Общие положения о последствиях недействительности сделки

1. Недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения.

2. При недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость в деньгах - если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом.

3. Если из содержания оспоримой сделки вытекает, что она может быть лишь прекращена на будущее время, суд, признавая сделку недействительной, прекращает ее действие на будущее время.

<...>

Статья 302. Истребование имущества от добросовестного приобретателя

1. Если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать (добросовестный приобретатель), то собственник вправе истребовать это имущество от приобретателя в случае, когда имущество утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли.

2. Если имущество приобретено безвозмездно от лица, которое не имело права его отчуждать, собственник вправе истребовать имущество во всех случаях.

3. Деньги, а также ценные бумаги на предъявителя не могут быть истребованы от добросовестного приобретателя".

36. В соответствии с Постановлением от 21 апреля 2003 г. № 6-П Конституционный Суд Российской Федерации истолковал статью 167 Гражданского кодекса как не допускающую истребование прежним собственником имущества у добросовестного приобретателя в отсутствие специального законодательного положения. Однако на основании статьи 302 Гражданского кодекса прежним собственником может быть предъявлен виндикационный иск при наличии условий, указанных в пунктах 1 и 2 данной статьи кодекса, в частности, если имущество выбыло из владения помимо его воли или если имущество приобретено безвозмездно.

37. Еще одно толкование статьи 302 Гражданского кодекса было дано Пленумом Верховного Суда Российской Федерации и Пленумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (содержится в абзаце втором пункта 39 совместного Постановления от 29 апреля 2010 г. № 10/22 "О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав" и в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 27 января 2011 г. № 188-О-О. В частности, в последнем указывается на отсутствие автоматической связи между недействительностью сделки и отсутствием воли собственника на выбытие имущества. В соответствующей части Определения Конституционного Суда Российской Федерации указано следующее:

"...Усматриваемая заявителем неопределенность оспариваемых законоположений (включая статью 302) устраняется разъяснением Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, содержащимся в абзаце втором пункта 39 (постановления от 29 апреля 2010 г. № 10/22): недействительность сделки, во исполнение которой передано имущество, не свидетельствует сама по себе о его выбытии из владения передавшего это имущество лица помимо его воли; судам необходимо устанавливать, была ли воля собственника на передачу владения иному лицу".

Право

I. Предполагаемое нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции

38. Заявительница жаловалась на то, что была лишена имущества в нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, которая предусматривает:

"Статья 1 Протокола № 1 к Конвенции (защита права собственности)

Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения не умаляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов".

A. Доводы сторон

1. Власти Российской Федерации

39. Власти Российской Федерации оспаривали как приемлемость настоящей жалобы, так и ее существо. Они утверждали, что тяжелая ситуация заявительницы возникла по вине частного лица Е., которая мошенническим путем приватизировала квартиру и незаконно продала ее В. Приватизация была проведена на основе подложных документов, и потому квартира выбыла из владения Департамента жилищной политики в отсутствие намерения этого органа об ее

отчуждении. Город, как и любой собственник, имел право на истребование своего имущества из владения последующих приобретателей в соответствии со статьей 302 Гражданского кодекса. Власти Российской Федерации подчеркивали, что иск об истребовании имущества восходит к виндикационному иску, известному в римском праве, и является распространенной процедурой в российском законодательстве.

40. Власти Российской Федерации утверждали, что статья 1 Протокола № 1 к Конвенции неприменима к настоящему делу. Они ссылались на прецедентную практику Европейского Суда, которая предусматривает, что данная статья не затрагивает регулирование гражданско-правовых споров между частными лицами. Решения национальных судов в соответствии с правилами частного права не могут рассматриваться как неоправданное государственное вмешательство в имущественные права одной из сторон. Власти Российской Федерации ссылались на Постановление Европейского Суда от 13 января 2011 г. по делу "Жуковские против Российской Федерации" (Zhukovskiye v. Russia) (жалоба № 23166/04) и два упоминавшихся в нем дела: "Кухарж и Штис против Чехии" (Kuchar and Stis v. Czech Republic) (жалоба № 37527/97, Решение от 21 октября 1998 г.) и "S.O., A.K., Ar.K. и Y.S.P.E.H.V. против Турции" (S.O., A.K., Ar.K. and Y.S.P.E.H.V. v. Turkey) (жалоба № 31138/96, Решение от 14 сентября 1999 г.), и утверждали, что предмет настоящего дела как раз являлся частноправовой спор, поскольку он был связан с договором заявительницы и В. Власти Российской Федерации утверждали, что государство не участвовало в договоре купли-продажи и не принуждало стороны его заключать. Таким образом, бремя последствий сделки возлагалось на стороны. Соответственно, власти Российской Федерации просили Европейский Суд признать жалобу неприемлемой *ratione materiae* <*>.

<*> *Ratione materiae* (лат.) - "ввиду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения", критерий существования обращения, применяемый при оценке приемлемости жалобы Европейским Судом (прим. переводчика).

41. Власти Российской Федерации также выразили сомнение в том, что заявительница действительно являлась добросовестным приобретателем, как она утверждала на всем протяжении национального разбирательства. Они считали возможным подозревать, что квартира, перепроданная так скоро после приобретения В., могла иметь определенные недостатки происхождения. Власти Российской Федерации также предположили, что заявительница могла действовать в сговоре с А.Б., бывшим должностным лицом Департамента жилищной политики, которое было признано виновным в присвоении при попытке вымогательства взятки у заявительницы в обмен на освобождение ее от преследования Департамента (см. § 21 настоящего Постановления). В этом случае заявительница могла быть причастна к незаконным махинациям в отношении этой квартиры и не имела права на правовую защиту. Кроме того, по мнению властей Российской Федерации, недобросовестность заявительницы при заключении сделки проявилась в способе определения цены квартиры сторонами путем деления ее на три части (см. § 14 настоящего Постановления), чтобы не достигнуть миллиона рублей для целей уплаты налога на доходы в соответствии с российским законодательством. Власти Российской Федерации утверждали, что таким образом заявительница допустила правонарушение ввиду уклонения от налогов и продемонстрировала "противоправный умысел" совместно с другой стороной сделки, что сделало всю сделку незаконной, вследствие чего "все приобретенное по сделке... подлежало переходу в доход Российской Федерации".

42. Власти Российской Федерации добавили, что в любом случае статус добросовестного приобретателя не обеспечивал заявительнице защиту в соответствии со статьей 302 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку не было сомнений в том, что квартира выбыла из владения Департамента жилищной политики помимо его воли.

43. Кроме того, власти Российской Федерации указывали, что условия договора купли-продажи, заключенного между заявительницей и В., предусматривали гарантию от угрозы утраты

титула продавца (см. § 14 настоящего Постановления), которая существовала, но не была известна сторонам. Власти характеризовали это условие как "весьма необычное и даже странное" и предлагали Европейскому Суду истолковать его как доказательство осведомленности заявительницы относительно потенциального недостатка в приобретении титула на квартиру, который переходил к ней. Они также утверждали, что заявительница не исчерпала внутренних средств правовой защиты, не воспользовавшись этой договорной гарантией против В.

44. Что касается существа жалобы, власти Российской Федерации полагали, что вмешательство в имущественные права заявительницы преследовало законную цель защиты прав и интересов других лиц, особенно лиц, поставленных на учет для получения социального жилья. Власти Российской Федерации подчеркивали, что государства-участники обычно пользуются широкими пределами усмотрения в социально-экономических вопросах таких, как жилищный. В настоящем деле они полагали, что Департамент жилищной политики был обязан восстановить право собственности города и передать квартиру нуждающимся в ней. Следовательно, истребование имущества в настоящем деле являлось необходимым и не возлагало на заявительницу избыточного бремени, поскольку прокуратура вступила в дело в ее интересах с требованием пересмотра судебных решений в порядке надзора. Кроме того, заявительница была признана потерпевшей в продолжающемся уголовном разбирательстве по поводу мошенничества, по крайней мере, временно. Наконец, заявительница извлекла выгоду из приостановления исполнительного производства, что отсрочило ее выселение.

2. Заявительница

45. Заявительница не согласилась с доводами властей Российской Федерации и поддержала свою жалобу. Она, в частности, настаивала на том, что ее конвенционные права были нарушены государством, а не частными лицами.

46. Она также утверждала, что приобрела квартиру добросовестно, и сослалась на решения судов страны, подтвердившие ее статус добросовестного приобретателя. Заявительница указала, что имела право доверять титулу, переданному Е. органами власти в порядке приватизации. Она полагала, что, поскольку власти, ознакомившись с документами Е., разрешили ей зарегистрироваться по адресу М. в качестве его жены и стать собственницей в порядке приватизации, то заявительница не могла сомневаться в том, что титул имеет дефекты.

47. Заявительница категорически отрицала нарушение или сговор с должностным лицом государства, в частности, с А.Б., или незаконные сделки с В., или уклонение от уплаты налогов. Она приобрела квартиру для собственного пользования и проживала там со своим сыном с соблюдением всех требований закона, предъявляемых к законному собственнику. Тот факт, что квартира была перепродана в течение непродолжительного срока, не казался ей необычным, поскольку многие приобретают недвижимость в целях инвестирования и перепродают ее, как только это становится коммерчески выгодным. В. был допрошен в рамках уголовного разбирательства, и это не повлекло подозрение следственных органов в мошенничестве. Заявительница не имела оснований сомневаться в том, что он приобрел и перепродал квартиру добросовестно. Она никогда не подозревалась в незаконных сделках, и утверждения властей Российской Федерации о незаконном поведении с ее стороны являлись необоснованными.

48. Кроме того, заявительница оспаривала, что приватизация квартиры Е. осуществлялась против воли Департамента жилищной политики. Любое мошенничество со стороны Е. или другого лица, действовавшего от ее имени, не имело отношения к наличию или отсутствию умысла Департамента на отчуждение имущества. Не утверждалось, что должностное лицо, ответственное за приватизацию, вышло за пределы своих полномочий или что ее подпись являлась поддельной. Соответственно, статья 302 Гражданского кодекса Российской Федерации не подлежала применению, а требование Департамента жилищной политики относительно квартиры - удовлетворению. В любом случае заявительница полагала, что мошеннической приватизации

способствовали должностные лица государства, поскольку мошенничество было легко выявить, и соответствующие органы обязаны были сделать это по действующему законодательству, таким образом, они, по-видимому, сознательно приняли подложные документы. Однако возможная причастность должностных лиц государства к мошенничеству не была надлежащим образом расследована в рамках уголовного разбирательства, что лишило возможности принятия мер против них.

49. Заявительница также настаивала на том, что утрата квартиры возложила на нее чрезмерное индивидуальное бремя. Несмотря на вмешательство Генеральной прокуратуры Российской Федерации и приостановление исполнительного производства, ей бы пришлось освободить квартиру в ближайшем будущем. Заявительница полагала несоразмерным, что после уплаты полной рыночной стоимости квартиры она была бы лишена имущества в отсутствие своей вины и была вынуждена приобретать жилье по рыночной стоимости, что не могла себе позволить.

50. Заявительница, наконец, утверждала, что уголовное расследование мошенничества не обеспечивало ей перспектив возмещения, поскольку после смерти М. и Е. дальнейшие возможности сбора доказательств были сомнительными. Кроме того, она была лишена статуса потерпевшей в этом разбирательстве и поэтому не могла участвовать в нем эффективно.

В. Мнение Европейского Суда

1. Приемлемость жалобы

51. Европейский Суд принимает к сведению, что власти Российской Федерации выдвинули два основания признания настоящей жалобы неприемлемой. Европейский Суд рассмотрит их в следующем порядке.

(а) Применимость статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции

52. Власти Российской Федерации утверждали, что настоящее дело не относится к сфере действия статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, поскольку затрагивает спор между частными лицами. Действительно, Европейский Суд ранее подчеркивал, что теоретически он не должен разрешать споры частного характера. Соответственно, Европейский Суд рассмотрит вопрос о том, относится ли к ним спор с участием заявительницы.

53. Во-первых, Европейский Суд учитывает, что насколько власти Российской Федерации указывали на спор между заявительницей и В. как на предмет настоящего дела, их довод является ошибочным. Из решений национальных судов с достаточной очевидностью следует, что именно Департамент жилищной политики предъявил иск к заявительнице от имени Москвы, следовательно, участниками данного спора являлись заявительница и муниципальный орган. Таким образом, ситуация заявительницы явно отличалась от дел Жуковских, Кухаржа и Штиса, на которые ссылались власти Российской Федерации и которые упоминались выше, затрагивавших разрешение споров между частными лицами.

54. Европейский Суд также отмечает, что при определенных обстоятельствах он может рассматривать спор между государством или муниципалитетом и лицом в качестве частноправового, как в деле S.O., A.K., Ag.K. и Y.S.P.E.H.V., также указанном властями Российской Федерации и упоминавшемся выше. Это дело затрагивало спор о наследовании, в котором государственное казначейство являлось стороной как один из претендентов на наследование, и Европейский Суд заключил, что право казначейства участвовать в этом разбирательстве было таким же, как и у любого наследника - физического лица. Соответственно, Европейский Суд решил, что национальные суды не более чем применяли нормы частного права к гражданскому спору, и, отметив, что оспариваемое разбирательство не было произвольным или несправедливым, признал жалобу на нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции неприемлемой.

55. В настоящем деле, напротив, Европейский Суд не может считать спор чисто гражданским. В значительной части решение от 9 июля 2009 г. затрагивало вывод о мошенничестве в связи с регистрацией, социальным наймом и приватизацией Е. Данный вывод являлся достаточным для признания судами права города на истребование квартиры. Иными словами, лишение заявительницы права собственности являлось прямым следствием вывода национальных судов о недостатке процедуры первоначального выбытия квартиры из муниципальной собственности.

56. Европейский Суд отмечает, что национальный суд установил, что Е. или другое лицо, действовавшее от ее имени, зарегистрировалась в квартире, приобрела право социального найма и, наконец, приватизировала квартиру с использованием подложных документов.

57. Европейский Суд отмечает, что, насколько мошенничество затрагивало регистрацию по месту жительства, это был административно-правовой вопрос, относящийся к ведению паспортной службы органов внутренних дел. Предоставление жилья по социальному найму относилось к сфере публичных благ, регулируемых Жилищным, а не Гражданским кодексом Российской Федерации, и осуществлялось Департаментом жилищной политики - структурным подразделением московской муниципальной власти. Тот же орган контролировал приватизацию социального жилья в соответствии с национальной системой приватизации, которая представляла собой сложную регулятивную отрасль, включающую законодательные положения публично-правового и частноправового характера. В контексте настоящего дела его функция заключалась в применении государственных правил для проверки права на получение и приватизацию социального жилья и обеспечении соответствия перехода права собственности от государства к частному лицу согласно порядку, предусмотренному законом. При этом он осуществлял полномочия государства в отличие от заключения частноправовых сделок на равноправной основе с частными лицами.

58. Таким образом, Европейский Суд полагает, что предмет спора и материально-правовые положения, примененные в настоящем деле, включали, в частности, существенные элементы публичного права и предусматривали участие государства в его регулятивном качестве, не являвшегося частной стороной гражданской сделки.

59. С учетом вышеизложенного Европейский Суд не может заключить, что разбирательство в настоящем деле могло рассматриваться как разрешение спора сторон в соответствии с частным правом. Соответственно, он отклоняет возражение властей Российской Федерации относительно применимости статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции в настоящем деле.

(b) Предполагаемое неисчерпание внутренних средств правовой защиты

60. Второе возражение властей Российской Федерации касалось предполагаемого неисчерпания заявительницей внутренних средств правовой защиты, поскольку она не предъявила иск к В. о возмещении убытков в связи с утратой титула.

61. Европейский Суд принимает к сведению, что заявительница утверждала, что является жертвой нарушения ее права на уважение собственности вследствие признания недействительным ее титула решением суда, вступившим в силу. Он отмечает, что иные средства защиты, которые потенциально могли восстановить ее титул, в российском законодательстве при наличии этого решения отсутствовали.

62. Европейский Суд также учитывает, что не располагает сведениями о том, могла ли заявительница требовать возмещения убытков от В. или намеревалась ли она это сделать. Однако он полагает, что существование такой возможности не может лишить ее статуса жертвы для целей ее жалобы на нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, оно также не может считаться необходимым для соблюдения правила исчерпания внутренних средств правовой защиты в значении пункта 1 статьи 35 Конвенции. Любые убытки, возмещения которых она могла требовать от В., могут учитываться лишь для целей оценки пропорциональности вмешательства и определения материального ущерба, если нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции будет установлено Европейским Судом и если в соответствии со статьей 41 Конвенции будет присуждена компенсация ущерба.

(с) Вывод

63. Европейский Суд отмечает, что настоящая жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта "а" пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Следовательно, жалоба должна быть объявлена приемлемой.

2. Существо жалобы

(а) Общие принципы

64. Европейский Суд напоминает свою последовательную прецедентную практику о структуре статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции и порядке применения трех правил, содержащихся в этом положении (см. в числе многих примеров Постановление Большой Палаты по делу "Дж.А. Пай (Оксфорд) Лтд." и "Дж. А. Пай (Оксфорд) Лэнд Лтд" против Соединенного Королевства" (J.A. Pye (Oxford) Ltd and J.A. Pye (Oxford) Land Ltd v. United Kingdom), жалоба № 44302/02, § 52, ECHR 2007-..., Постановление Большой Палаты от 16 ноября 2004 г. по делу "Брункрона против Финляндии" (Bruncrona v. Finland), жалоба № 41673/98, § 65 - 69, и Постановление Большой Палаты по делу "Брониовский против Польши" (Broniowski v. Poland), жалоба № 31443/96, § 134, ECHR 2004-V).

65. Европейский Суд напоминает, что для соответствия общему правилу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции вмешательство должно соблюдать принцип законности и преследовать законную цель средствами, разумно пропорциональными преследуемой цели (см., например, Постановление Большой Палаты по делу "Бейелер против Италии" (Beyeler v. Italy), жалоба № 33202/96, § 108 - 114, ECHR 2000-I).

66. Вмешательство в право на уважение собственности, следовательно, должно устанавливать "справедливое равновесие" между потребностями общества или общим интересом и требованиями защиты фундаментальных прав лица. Необходимость достижения этого равновесия отражена в структуре статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции как таковой, которая должна применяться с учетом общего принципа, изложенного в ее первом предложении. В частности, должно быть достигнуто разумное соотношение пропорциональности между применяемыми средствами и целью, преследуемой мерой, которая лишает лица его имущества или контролирует его использование. Условия компенсации по соответствующему законодательству имеют значение для оценки того, насколько оспариваемая мера учитывает требуемое справедливое равновесие и возлагает ли она несоразмерное бремя на заявителя (см. Постановление Большой Палаты по делу "Бывший король Греции и другие против Греции" (Former King of Greece and Others v. Greece), жалоба № 25701/94, § 89, ECHR 2000-XII).

67. В этой связи изъятие имущества без уплаты суммы, разумно связанной с его стоимостью, обычно составляет несоразмерное вмешательство, которое не может быть оправдано с точки зрения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Однако это положение не гарантирует полной компенсации при всех обстоятельствах, поскольку законный "публичный интерес" может требовать возмещения в меньшем размере по сравнению с полной рыночной стоимостью (см., в частности, Постановление Большой Палаты по делу "Папахелас против Греции" (Papachelas v. Greece), жалоба № 31423/96, § 48, ECHR 1999-II).

68. Хотя статья 1 Протокола № 1 к Конвенции не содержит прямых процессуальных требований, данное разбирательство также должно предоставлять лицу разумную возможность представить свою позицию компетентным органам для цели эффективного оспаривания мер, представляющих вмешательство в права, гарантированные этим положением (см., в частности, Постановление Европейского Суда по делу "Йокела против Финляндии" (Jokela v. Finland), жалоба № 28856/95, § 45, ECHR 2002-IV).

(b) Применение этих принципов в настоящем деле

(i) Наличие "имущества"

69. Европейский Суд отмечает, что заявительница вселилась в квартиру после ее покупки у В. в соответствии с условиями и порядком, предусмотренными законом. Она была признана в качестве законного собственника государством, включая органы регистрации прав на недвижимость и по месту жительства, жилищные органы. Соответственно, это составляло "имущество" для целей статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

(ii) Наличие и природа вмешательства

70. Насколько власти Российской Федерации можно понять как утверждающих, что судебные решения в настоящем деле не составляли вмешательство в права заявительницы, гарантированные статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции, поскольку они представляли всего лишь разрешение спора между лицами в соответствии с частным правом, этот довод был рассмотрен и отклонен Европейским Судом при рассмотрении предварительного возражения (см. § 52 - 59 настоящего Постановления). Он полагает, что обжалуемая ситуация не оставляет сомнений в наличии вмешательства.

71. Что касается природы вмешательства Европейский Суд находит, что сложность правовой ситуации в настоящем деле не позволяет ее точно классифицировать: с одной стороны, заявительница рассматривалась как законная собственница квартиры с момента ее приобретения и ее титул не оспаривался в течение почти трех лет, с другой стороны, суды установили с обратной силой, что Москва всегда оставалась собственницей, что исключало наличие любых других титулодержателей. В любом случае Европейский Суд не считает необходимым разрешать вопрос о применимости к настоящему делу второго предложения первого абзаца статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Последовательная позиция Европейского Суда заключается в том, что ситуация, предусмотренная вторым предложением первого абзаца статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, представляет собой лишь частный случай вмешательства в право на уважение собственности, гарантированное в качестве общего правила первым предложением. Соответственно, Европейский Суд полагает, что обжалуемая ситуация подлежит рассмотрению с точки зрения данного общего правила (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты по делу "Бейелер против Италии", § 106, Постановление Европейского Суда от 13 декабря 2007 г. по делу "Гаши против Хорватии" (*Gashi v. Croatia*), жалоба № 32457/05, § 27 - 31, и Постановление Европейского Суда от 27 мая 2010 г. по делу "Джекич против Боснии и Герцеговины" (*Dokic v. Bosnia and Herzegovina*), жалоба № 6518/04, § 57 - 58).

(iii) Являлось ли вмешательство законным

72. Европейский Суд учитывает, что заявительница оспаривала законность лишения ее права собственности на квартиру. Она, в частности, оспаривала применение пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации и возражала против того, что квартира выбыла из владения Москвы помимо воли Департамента жилищной политики. Если бы это положение не было применено, она пользовалась бы защитой в качестве добросовестного приобретателя.

73. Европейский Суд отмечает, что пункт 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации допускает истребование имущества у добросовестного приобретателя при условии, что оно выбыло из владения собственника или владельца помимо его воли. Толкование Пленума Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда, а также Конституционного Суда (см. их Постановления от 29 апреля 2010 г. и от 27 января 2011 г., соответственно, последнее процитировано в § 37 настоящего Постановления) заключается в том, что для истребования имущества у добросовестного приобретателя первоначальный собственник должен доказать, что имущество было отчуждено помимо его воли. Высшие суды дали судам общей юрисдикции прямое

указание исследовать намерения собственника в качестве самостоятельного вопроса, отличного от вопроса о том, являлся ли действительным договор о переходе права на имущество.

74. Однако ни Черемушкинский районный суд, ни Московский городской суд не рассматривали вопроса о намерениях Департамента жилищной политики при переходе права собственности. Поскольку суды установили факт мошенничества в процессе приватизации, которое делало недействительной эту сделку, они автоматически заключили, что квартира выбыла из владения города в отсутствие намерения ее отчуждения. Фактически на это упущение указали в своих обращениях Уполномоченный по правам человека в Москве и заместитель Генерального прокурора Российской Федерации, которые считали подход, принятый судами, противоречивым, но Верховный Суд не нашел этот вопрос заслуживающим пересмотра.

75. С учетом вышеизложенного Европейский Суд не может исключить наличия определенных недостатков в применении национального законодательства или в качестве закона в связи с его недостаточной ясностью. Однако Европейскому Суду не требуется разрешать данный вопрос, поскольку независимо от законности национального вмешательства оно не отвечает требованию пропорциональности, как будет показано в дальнейшем.

(iv) Законная цель

76. По той же причине Европейский Суд будет исходить из того, что оспариваемая мера преследовала общественный интерес, так как отстаивала интересы очередников на получение социального жилья, как утверждало государство-ответчик. В любом случае Европейский Суд в целом учитывает в таких сферах, как жилищная, оценку законодателя относительно того, что отвечает общим интересам, если эта оценка не является явно необоснованной (см. Постановление Большой Палаты по делу "Иммуobiliаре Саффи" против Италии" (*Immobiliare Saffi v. Italy*), жалоба № 22774/93, § 49, ECHR 1999-V).

(v) Пропорциональность вмешательства

77. Европейский Суд напоминает, что любое вмешательство в имущественное право должно в дополнение к законности и наличию законной цели также удовлетворять требованию пропорциональности. Как неоднократно указывал Европейский Суд, должно быть установлено справедливое равновесие между требованием общего интереса сообщества и требованиями защиты основных прав лица, и установление такого равновесия присуще всей Конвенции. Требуемое равновесие не будет установлено, если на заинтересованное лицо возлагается индивидуальное и чрезмерное бремя (см. Постановление Европейского Суда от 23 сентября 1982 г. по делу "Спорронг и Ленрот против Швеции" (*Sporrong and Lonnroth v. Sweden*), § 69 - 74, Series A, № 52, и Постановление Большой Палаты по делу "Брумэреску против Румынии" (*Brumarescu v. Romania*), жалоба № 28342/95, § 78, ECHR 1999-VII).

78. Как отмечалось выше, титул заявительницы был аннулирован в связи с мошенничеством в рамках процедур, в соответствии с которыми квартира была приватизирована третьим лицом, после обнаружения подложных документов (см. § 24 и 55 настоящего Постановления). Европейский Суд уже подчеркивал, что данные процедуры проводились официальными органами в осуществление полномочий государства (см. § 57 настоящего Постановления). Он также отмечает, что из объяснений властей Российской Федерации не вполне ясно, почему подлог документов был обнаружен в 2008 году, а не в 2004 - 2005 годах, когда соответствующие органы рассматривали заявления Е. о регистрации по месту жительства, предоставлении социального жилья и приватизации. Из материалов дела следует, что подлог мог быть и впоследствии был установлен путем направления простых запросов в орган ЗАГС Калуги, штамп которого был использован для изготовления фальшивого свидетельства о браке, и к московскому нотариусу, который предположительно удостоверил заявление М. Точно так же паспортная служба Москвы могла без труда проверить по базе данных, не числится ли паспорт утраченным. С помощью дополнительного

запроса можно было обратиться в паспортную службу Калуги для подтверждения действительности паспорта Е. и проверки ее регистрации по месту жительства.

79. По мнению Европейского Суда, ничто не препятствовало властям, ответственным за регистрацию, социальный наем и приватизацию Е., в установлении подлинности ее документов до удовлетворения ее заявлений. К исключительной компетенции государства относятся определение условий и порядка отчуждения своего имущества в пользу лиц, которых оно считает имеющими на него право, и контроль соблюдения этих условий. Кроме того, дальнейшие сделки в отношении квартиры также требовали легализации государством, в данном случае Главным управлением Федеральной регистрационной службы по Москве, процедуры, специально направленной на повышение безопасности собственника. При таком количестве регулятивных органов, обеспечивающих чистоту титула Е., ни заявительница, ни иное третье лицо - покупатель квартиры - не должны были оценивать риск прекращения права собственности в связи с недостатками, которые должны были быть устранены в рамках процедур, специально введенных в этих целях. Упущение властей не могло оправдать последующие санкции против добросовестного приобретателя данного имущества.

80. Европейский Суд также отмечает, что заявительница была лишена права собственности без компенсации и что она не могла рассчитывать на получение иного жилья от государства. Он отклоняет утверждение властей Российской Федерации о том, что заявительница каким-либо образом несла ответственность за свое положение вследствие отсутствия надлежащей старательности, недобросовестности или незаконного поведения, как необоснованное и противоречащее их иным объяснениям и выводам национальных судов. Европейский Суд напоминает, что ошибки или просчеты государственных органов должны служить выгоде заинтересованных лиц, особенно в отсутствие иных конфликтующих интересов. Иными словами, риск любой ошибки, допущенной государственным органом, должно нести государство, и ошибки не должны устраняться за счет заинтересованного лица (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Гаши против Хорватии", § 40, и с необходимыми изменениями Постановление Европейского Суда от 24 мая 2007 г. по делу "Радчиков против Российской Федерации" (Radchikov v. Russia), жалоба № 65582/01, § 50 <*>). Таким образом, Европейский Суд заключает, что лишение заявительницы права собственности возложило на нее чрезмерное индивидуальное бремя и что публичный интерес не являлся для этого достаточным оправданием.

<*> Опубликовано в "Бюллетене Европейского Суда по правам человека" № 10/2007.

81. Власти Российской Федерации утверждали, что последствия лишения заявительницы права собственности могли быть смягчены, если бы она предъявила к В. иск о возмещении убытков. Действительно, Европейский Суд признает, что она не была лишена подобного права. Однако при конкретных обстоятельствах дела ясно, что возмещение убытков не могло быть переложено на лицо, допустившее мошенничество, поскольку уголовное расследование до настоящего времени не установило виновного, и шансы его установления фактически отсутствуют, в частности, поскольку основные свидетели, М. и Е., скончались. Власти Российской Федерации по существу полагали, что свое чрезмерное индивидуальное бремя заявительница могла переложить на другого добросовестного индивидуального покупателя, и Европейскому Суду трудно установить, каким образом это могло бы улучшить равновесие между общественным интересом и необходимостью защиты прав отдельных лиц. В то же время Европейский Суд напоминает, что любая компенсация, которую заявительница могла бы получить от В., имела бы значение для оценки ее убытков, потенциально для целей статьи 41 Конвенции (см. § 62 настоящего Постановления).

82. Вышеизложенные соображения являются достаточными для того, чтобы Европейский Суд мог заключить, что условия, при которых заявительница была лишена титула на квартиру, возложили на нее индивидуальное и чрезмерное бремя и что власти не установили справедливого

равновесия между требованиями общественного интереса, с одной стороны, и правом заявительницы на уважение ее собственности, с другой.

83. Соответственно, имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

II. Предполагаемое нарушение статьи 8 Конвенции

84. Заявительница жаловалась на то, что выселение представляет нарушение ее права на уважение жилища. Она ссылаясь на статью 8 Конвенции, которая предусматривает следующее:

"1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц".

A. Доводы сторон

1. Власти Российской Федерации

85. Объяснения властей Российской Федерации в отношении статьи 8 Конвенции были в основном теми же, что и в части статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Они полагали, что выселение заявительницы было законным, преследовало законную цель защиты прав лиц, имеющих право на социальное жилье, и было соразмерно данной цели. Власти Российской Федерации подчеркивали, что заявительнице уже несколько раз продлевался срок освобождения квартиры, и она не была бы лишена жилья, поскольку могла переехать к родителям, которые также проживали в Москве.

2. Заявительница

86. Заявительница поддержала свою жалобу, утверждая, что ее выселение не отвечает публичному интересу. В связи с этим она станет нуждающейся в жилом помещении, поскольку власти отказали ей в социальном жилье. Заявительница также подчеркивала, что Департамент жилищной политики отказал ей в разрешении на проживание на условиях социального найма, вследствие разбирательства о выселении она утратит право законного проживания в Москве и не будет иметь права на социальное жилье в ней. Кроме того, даже если бы она приобрела право постановки на учет, ей пришлось бы ожидать его не менее десяти лет.

87. Кроме того, заявительница утверждала, что ее месячный доход составляет примерно 250 евро, и она не сможет приобрести другую квартиру, поскольку самая дешевая однокомнатная квартира в Москве стоит около 150 000 евро, тогда как аренда ее обойдется не менее чем в 500 евро в месяц. Она не могла бы переехать в другой регион, поскольку не могла бы приобрести себе жилье и в другом месте, хотя оно и дешевле, чем в Москве, и в любом случае ее семья и друзья проживают в Москве, там же находится ее работа, и она не имеет связей в другом месте.

88. Наконец, заявительница утверждала, что продления срока освобождения квартиры существенно не изменили ее ситуацию, поскольку выселение оставалось неизбежным, особенно с учетом того, что последнее ходатайство о продлении срока было отклонено.

В. Мнение Европейского Суда

1. Приемлемость жалобы

89. Власти Российской Федерации не выдвинули возражений против приемлемости жалобы, кроме тех, которые уже были рассмотрены и отклонены с точки зрения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Европейский Суд отмечает, что настоящая жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта "а" пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, жалоба должна быть объявлена приемлемой.

2. Существо жалобы

90. Европейский Суд прежде всего отмечает, что заявительница проживала в квартире со своим несовершеннолетним сыном с момента ее приобретения у В. в сентябре 2005 года. Ее право собственности было зарегистрировано и признано всеми регулятивными органами. Право заявительницы проживать там следовало из ее права собственности. Таким образом, это бесспорно было ее жилищем, и власти Российской Федерации никогда не утверждали обратного.

91. Европейский Суд далее рассмотрит вопрос о том, имело ли место вмешательство в право заявительницы на уважение ее жилища. Он отмечает, что решение, лишившее ее титула, также предусматривало ее выселение из помещения, и данное решение вступило в силу. В этой ситуации заявительница не имела иных средств защиты от решения об освобождении квартиры, и суды отказали ей в дальнейшем приостановлении его исполнения. Европейский Суд напоминает, что само вынесение решения о выселении представляет собой вмешательство в право лица на уважение его жилища независимо от того, исполнено ли оно (см. Постановление Европейского Суда от 9 октября 2007 г. по делу "Станкова против Словакии" (*Stankova v. Slovakia*), жалоба № 7205/02, Постановление Европейского Суда от 13 мая 2008 г. по делу "Макканн против Соединенного Королевства" (*McCann v. United Kingdom*), жалоба № 19009/04, и Постановление Европейского Суда от 15 января 2009 г. по делу "Чосич против Хорватии" (*Cosic v. Croatia*, жалоба № 28261/06). В настоящем деле власти Российской Федерации прямо не оспаривали, что имело место вмешательство в право заявительницы, предусмотренное статьей 8 Конвенции, и при данных обстоятельствах наличие вмешательства не подлежит сомнению.

92. Европейский Суд также отмечает, что законность выселения не оспаривается. Согласно национальному законодательству оно является автоматическим следствием прекращения права собственности. Таким образом, Европейский Суд находит его законным. Обращаясь к вопросу о законной цели, Европейский Суд признает, что выселение заявительницы направлено на защиту прав получателей социальных благ, которым должна быть выделена эта квартира, как это утверждают власти Российской Федерации.

93. Таким образом, Европейский Суд переходит к вопросу о том, было ли вмешательство "необходимо в демократическом обществе". Производя свою оценку, он рассмотрит вопрос о том, отвечало ли оно "неотложной общественной потребности", и, в частности, преследовало ли оно законную цель. Европейский Суд ранее указывал, что пределы усмотрения в жилищных вопросах уже, когда речь идет о правах, гарантированных статьей 8 Конвенции, по сравнению с правами, предусмотренными статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции, ввиду основополагающего значения статьи 8 Конвенции для личности, ее самоопределения, физической и моральной неприкосновенности, поддержания отношений с другими, постоянного и безопасного места в обществе (см. Постановление Европейского Суда от 27 мая 2004 г. по делу "Коннорс против Соединенного Королевства" (*Connors v. United Kingdom*), жалоба № 66746/01, § 81 - 84, и Постановление Европейского Суда от 21 июня 2011 г. по делу "Орлич против Хорватии" (*Orlic v. Croatia*), жалоба № 48833/07, § 63 - 70).

94. Европейский Суд отмечает, что решение о выселении заявительницы было вынесено национальными судами автоматически после того, как они лишили ее права собственности. Они не предприняли дальнейшего анализа пропорциональности меры, примененной к заявительнице, а именно выселения из квартиры, которую они признали государственной собственностью. Однако гарантии Конвенции требуют, чтобы любое вмешательство в право заявителя на уважение жилища не только было основано на законе, но и являлось пропорциональным, согласно пункту 2 статьи 8 Конвенции, законной цели, которую оно преследовало, с учетом конкретных обстоятельств дела. Кроме того, ни одно положение национального законодательства не может толковаться способом, несовместимым с обязательствами государства-ответчика в соответствии с Конвенцией (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Станкова против Словакии", § 24).

95. Европейский Суд также придает значение тому факту, что жилище заявительницы перешло к государству, а не к другому частному лицу, интерес которого в этой конкретной квартире следовало бы учитывать (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Орлич против Хорватии", § 69). Выгодоприобретатели из числа очередников, которым она предположительно предназначалась, не были достаточно индивидуализированы, чтобы их личные обстоятельства могли быть сопоставлены с интересами заявительницы. В любом случае ни один из очередников не имел такой связи с квартирой, как заявительница, или едва ли мог иметь интерес в конкретном помещении по сравнению с аналогичным.

96. Наконец, Европейский Суд учитывает, что обстоятельства заявительницы не давали ей права на замену жилья, и Департамент жилищной политики не проявил доброй воли путем предоставления если не постоянного, то хотя бы временного жилья, в которое она могла бы переехать. Помимо предположения властей Российской Федерации о возможности переезда заявительницы к родителям, власти дали понять, что не намерены участвовать в решении ее жилищного вопроса. Отсюда следует, что права заявительницы, гарантированные статьей 8 Конвенции, полностью не учитывались при сопоставлении ее индивидуальных прав с интересами города Москвы.

97. Соответственно, имело место нарушение статьи 8 Конвенции в настоящем деле.

III. Применение статьи 41 Конвенции

98. Статья 41 Конвенции предусматривает:

"Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

А. Ущерб

99. Заявительница требовала 249 547 долларов США в качестве компенсации материального ущерба, сумму, которая позволила бы ей приобрести сопоставимую квартиру по отношению к той, которую она утратила. Она также требовала 60 000 евро в качестве компенсации морального вреда, который претерпели она и ее сын (30 000 евро каждый), ссылаясь на страх, испытанный ею в связи с грозящей утратой жилья. Она утверждала, что она и ее сын пережили стресс из-за обязанности освободить квартиру и искать новое жилье, из-за отсутствия средств на приобретение нового жилья и судебного разбирательства, которое ей пришлось вести в течение ряда лет с целью оспаривания лишения титула и выселения.

100. Власти Российской Федерации оспаривали эти суммы как незаслуженные, необоснованные и чрезмерные. Они напоминали, что Европейский Суд должен учитывать свою субсидиарную функцию и не должен заменять своими выводы национальных судов в гражданском

споре. Они также отмечали, что заявительница по-прежнему вправе предъявить к В. иск о возмещении убытков, причиненных утратой титула.

101. Власти Российской Федерации также полагали, что, если Европейский Суд присудит компенсацию в пользу заявительницы, она имеет право только на 998 000 рублей, сумму, указанную в качестве основной в договоре купли-продажи, заключенном заявительницей и В. Они утверждали, что справедливая рыночная цена была умышленно не указана сторонами в целях избежания налогообложения. Однако на случай, если Европейский Суд решил бы присудить компенсацию на основе текущей рыночной цены, власти Российской Федерации прилагали официальную оценку рыночной стоимости по местонахождению квартиры, которая на декабрь 2010 года колебалась от 145 000 до 155 000 рублей за кв. м, соответственно, квартира площадью 37,6 кв. м стоила бы от 5 452 000 до 5 828 000 рублей.

102. Власти Российской Федерации также оспаривали требование заявительницы о компенсации морального вреда. Во-первых, они подчеркивали, что сын заявительницы не являлся стороной настоящего разбирательства, и поэтому компенсация в связи его предполагаемыми страданиями не должна присуждаться. Они также отмечали, что данное требование расходится с практикой выплаты компенсаций, ранее присуждавшихся Европейским Судом в аналогичных делах.

103. Что касается довода властей Российской Федерации относительно субсидиарной функции Европейского Суда в вопросах гражданского права, Европейский Суд уже рассматривал его в контексте предварительного возражения (см. § 52 - 59 настоящего Постановления) и заключил, что разбирательство в настоящем деле не может рассматриваться как разрешение частноправового спора. Данный вывод в равной степени применим и здесь.

104. Обращаясь к утверждению властей Российской Федерации о том, что заявительница по-прежнему может предъявить к В. иск о возмещении убытков, Европейский Суд напоминает ранее сделанный вывод о том, что любая компенсация, полученная заявительницей от В., действительно могла быть принята во внимание для целей исчисления материального ущерба в соответствии со статьей 41 Конвенции. Однако стороны не упоминали о какой-либо компенсации, полученной заявительницей, и Европейский Суд не осведомлен о предъявлении такого требования в национальные суды. Следовательно, он исходит из того, что в настоящее время заявительница не получила компенсации от В. Кроме того, Европейский Суд полагает, что, если такие требования будут предъявлены в национальные суды в будущем, последние будут вправе зачесть компенсацию, присужденную Европейским Судом в настоящем Постановлении. Таким образом, он продолжит рассмотрение вопроса о справедливой компенсации.

105. Европейский Суд учитывает вышеизложенный вывод о том, что власти нарушили право заявительницы на уважение собственности, гарантированное статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции, лишив ее титула на квартиру (см. § 83 настоящего Постановления). Он также напоминает свой вывод о том, что выселение заявительницы из квартиры после лишения ее титула нарушило ее право на уважение жилища, предусмотренное статьей 8 Конвенции (см. § 97 настоящего Постановления). Делая данный вывод, Европейский Суд подчеркивает центральное значение права на уважение жилища в конвенционной иерархии прав (см. § 93 настоящего Постановления) и учитывает привязанность заявительницы к этой конкретной квартире (см. § 95 настоящего Постановления). Он полагает, что имеется очевидная связь между установленным нарушением и ущербом, причиненным заявительнице.

106. Европейский Суд напоминает, что обычно приоритетом при применении статьи 41 Конвенции является *restitutio in integrum* <*>, поскольку от государства-ответчика ожидается все осуществимое возмещение последствий нарушения таким способом, чтобы восстановить, насколько это возможно, положение, существовавшее до нарушения (см., в частности, Постановление Европейского Суда от 26 октября 1984 г. по делу "Пьерсак против Бельгии" (*Piersack v. Belgium*) (статья 50), § 12, Series A, № 85, Постановление Европейского Суда от 27 мая 2010 г. по делу "Тчитчинадзе против Грузии" (*Tchitchinadze v. Georgia*), жалоба № 18156/05, § 69,

Постановление Европейского Суда от 15 июня 2010 г. по делу "Фенер Рум Патриклии (Вселенский патриархат) против Турции" (Fener Rum Patrikligi (Ecumenical Patriarchy) v. Turkey) (справедливая компенсация), жалоба № 14340/05, § 35, § 198, и Постановление Европейского Суда от 19 июля 2011 г. по делу "Стойчева против Болгарии" (Stoycheva v. Bulgaria), жалоба № 43590/04). Соответственно, учитывая свои выводы в настоящем деле и, в частности, отметив отсутствие интереса третьего лица или иного препятствия в восстановлении права собственности заявительницы, Европейский Суд полагает, что наиболее целесообразной формой возмещения были бы восстановление титула заявительницы на квартиру и отмена решения о ее выселении. Таким образом, заявительница была бы поставлена, насколько это возможно, в положение, эквивалентное тому, в котором она находилась бы, если бы нарушение статьи 8 Конвенции и статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции не было бы допущено.

<*> Restitutio in integrum (лат.) - восстановление в первоначальное положение, полная реституция, возвращение к первоначальному состоянию, восстановление той ситуации, в которой находилось лицо до нарушения Конвенции (прим. переводчика).

107. Кроме того, Европейский Суд не сомневается в том, что заявительница испытала страдание и разочарование в связи с лишением ее имущества и грозящим выселением из ее жилья. Европейский Суд уже отметил, что власти ничего не сделали для уменьшения ее беспокойства в связи с предстоящей утратой, хотя они признали ее добросовестной стороной. В то время как Европейский Суд принимает довод властей Российской Федерации о том, что сын заявительницы не является стороной настоящего разбирательства, и компенсация не должна ему присуждаться, он полагает, что статус заявительницы как одинокого родителя малолетнего ребенка является относимым фактором, усиливающим ее беспокойство и опасение по поводу выселения. Возникающий моральный вред не может быть адекватно компенсирован только установлением факта нарушения. Оценивая указанные обстоятельства на справедливой основе, Европейский Суд присуждает заявительнице 9 000 евро по данному основанию.

В. Судебные расходы и издержки

108. Заявительница требовала 10 000 евро и 23 343 рубля в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных в разбирательстве дела Европейским Судом, и 224 936 рублей в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных в национальном разбирательстве, включавших судебные расходы, адвокатский гонорар, нотариальные и технические расходы. Заявительница также требовала компенсацию следующих расходов: за услуги почты в размере 583 рублей и 2 611 рублей, 5 150 рублей за экспертную оценку квартиры и 15 000 рублей за услуги по переводу. В общей сложности заявительница требовала 10 000 евро и 271 623 рубля. Она предоставила квитанции и копии соглашений об оказании услуг в поддержку своих требований по данному основанию.

109. Власти Российской Федерации утверждали, что заявительница требовала возмещения судебных расходов и издержек, понесенных от своего имени, а также от имени ее сына. Они просили Европейский Суд отстранить последнего, поскольку он не являлся стороной разбирательства в Европейском Суде. В любом случае они утверждали, что судебные расходы и издержки не были действительно и необходимо понесены и не являлись разумными по размеру. Наконец, адвокат заявительницы И.Ф. Пузанов не поставил свою адвокатскую печать, подтверждающую его право на практику.

110. Власти Российской Федерации просили Европейский Суд отклонить требование о выплате 224 936 рублей, что касается юридических издержек, понесенных заявительницей в национальном разбирательстве, поскольку они считали его не имеющим отношения к делу, рассматриваемому Европейским Судом.

111. Однако власти Российской Федерации согласились с требованиями, относящимися к переводу документов, привлечению эксперта и почтовым расходам.

112. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в той части, в которой они были действительно понесены, являлись необходимыми и разумными по размеру. Европейский Суд принимает к сведению, что И.Ф. Пузанов подписал два соглашения об оказании юридических услуг: одно о представлении интересов заявительницы в разбирательстве дела Европейским Судом, а другое о представлении интересов ее сына. Однако, как правильно указали власти Российской Федерации, только заявительница Гладышева инициировала настоящее дело, а не ее сын. Таким образом, Европейский Суд находит, что часть требований относительно соглашения об оказании услуг сыну заявительницы на сумму 5 000 евро в рамках требования о компенсации судебных расходов и издержек подлежит отклонению. Что касается остальной суммы в связи с юридическими услугами И.Ф. Пузанова, Европейский Суд признает, что он представил существенные объяснения в интересах заявительницы, не оставляя сомнений в том, что он оказывал ей юридические услуги, как это утверждалось заявительницей. Европейский Суд полагает, что заявительнице должны быть возмещены расходы в связи с его услугами по соглашению, независимо от того, поставил ли он адвокатскую печать, требуемую властями Российской Федерации.

113. Далее Европейский Суд полагает, что судебные расходы и издержки, понесенные в национальном разбирательстве, имеют прямое отношение к настоящему делу и также должны быть возмещены, как и остальная часть судебных расходов и издержек, требуемых заявительницей.

114. С учетом вышеизложенного Европейский Суд присуждает заявительнице 11 245 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

115. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО:

- 1) признал жалобу приемлемой;
- 2) постановил, что имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции;
- 3) постановил, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции;
- 4) постановил, что:

(a) государство-ответчик обязано обеспечить соответствующими средствами в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции полное восстановление титула заявительницы на квартиру и отмену решения о ее выселении;

(b) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявительнице следующие суммы, подлежащие переводу в рубли по курсу, который будет установлен на день выплаты:

(i) 9 000 евро (девять тысяч евро), а также любой налог, начисляемый на указанную сумму, в качестве компенсации морального вреда;

(ii) 11 245 евро (одиннадцать тысяч двести сорок пять евро) в качестве компенсации судебных расходов и издержек, а также любой налог, обязанность уплаты которого может быть возложен на заявительницу;

(с) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

5) отклонил оставшуюся часть требований заявительницы о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 6 декабря 2011 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Председатель
Палаты Суда
Н.ВАИЧ

Заместитель Секретаря
Секции Суда
А.ВАМПАШ

Дело "Анна Попова (Anna Popova) против Российской Федерации": Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 октября 2016 года (жалоба № 59391/12)

Доступ:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=495612&dst=1000000001>

Перевод с английского языка Г.А. Николаева.

Настоящее Постановление вступило в силу 4 января 2017 г. в соответствии с положениями пункта 2 статьи 44 Конвенции (примеч. редактора).

По делу "Анна Попова против Российской Федерации" Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая Палатой в составе:

Луиса Лопеса Герра, Председателя Палаты,

Хелены Ядерблом,

Хелены Келлер,

Дмитрия Дедова,

Бранко Лубарды,

Алены Полачковой,

Георгиоса А. Сергидеса, судей,

а также при участии Стивена Филлипса, Секретаря Секции Суда,

рассмотрев дело в закрытом заседании 13 сентября 2016 г.,

вынес в указанный день следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 59391/12, поданной против Российской Федерации в Европейский Суд по правам человека (далее - Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция) гражданкой Российской Федерации Анной Станиславовной Поповой (далее - заявительница) 12 июля 2012 г.

2. Интересы заявительницы, которой была оказана юридическая помощь, представляла М. Самородкина, адвокат, практикующая в г. Москве. Власти Российской Федерации были представлены Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде Г.О. Матюшкиным.

3. Заявительница, в частности, утверждала, что она была лишена квартиры в нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции и что ее выселение составляло нарушение статьи 8 Конвенции.

4. 13 января 2014 г. Председатель Первой Секции решил применить правило 41 Регламента Суда и рассмотреть жалобу в приоритетном порядке и коммуницировал жалобу на нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции и статьи 8 Конвенции властям Российской Федерации. Оставшаяся часть жалобы была признана неприемлемой для рассмотрения по существу.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

5. Заявительница родилась в 1964 году и проживает в г. Челябинске.

А. Предварительная информация о квартире, позднее приобретенной заявительницей

6. В 1971 году фабрика, которой принадлежал жилой дом, предоставила П. квартиру по договору социального найма по адресу: г. Челябинск, ул. Коммуны, 125-56. В 1992 году право на дом было передано администрации г. Челябинска. П. проживал в квартире в качестве нанимателя до своей смерти 3 декабря 2010 г.

7. После смерти П. администрация г. Челябинска начала процедуру регистрации квартиры как свободной для ее предоставления иному лицу, имеющему право на получение жилья по договору социального найма. Однако выяснилось, что согласно документам квартира более не являлась муниципальной собственностью и принадлежала Л. Федеральная служба государственной регистрации кадастра и картографии (Росреестр) (далее - регистрационная служба) направила соответствующие сведения главе администрации 16 февраля 2011 г. Глава администрации предложил региональному прокурору проверить ситуацию с квартирой.

8. Прокурор установил, что квартира была предметом ряда сделок. В соответствии с предоставленными документами 9 ноября 1992 г. фабрика подписала договор о приватизации, на основании которого квартира была передана Х. 3 декабря 1992 г. сделка была зарегистрирована соответствующей регистрационной службой. 25 января 2011 г. Х. продал квартиру Л., который продал ее 21 апреля 2011 г. Я. Эти сделки были также зарегистрированы регистрационной службой.

9. Следователь полиции допросил Х., который отрицал, что имел какое-либо отношение к квартире. Что касается его паспортных данных, указанных в договоре о приватизации, он пояснил, что в 2009 и 2010 годах он дважды терял паспорт и никогда не видел П. или Л. Полиция также установила, что Л., который в то время проходил службу в армии, также потерял свой паспорт в 2009 году.

10. 31 марта 2011 г. прокурор направил ответ главе администрации, сообщив ему следующее:

"Представляется, что лица, которые являлись сторонами сделок с квартирой, совершили преступление в этом отношении. Соответственно, материалы дела переданы в [полицию] для дальнейшей проверки...

[Полиция] сообщит Вам о результатах проверки...

Кроме того, чтобы предотвратить дальнейшие сделки с квартирой, я предложил главному государственному регистратору отказывать в государственной регистрации любых будущих сделок с квартирой".

11. В неустановленную дату полиция возбудила уголовное дело в связи со сделками в отношении квартиры.

12. 22 июня 2011 г. Я. продал квартиру заявительнице.

В. Требования администрации в отношении квартиры

13. 30 июня 2011 г., действуя от имени администрации, прокурор предъявил иск к Х., Л. и Я. об истребовании квартиры из чужого владения и о признании недействительными всех сделок, заключенных в отношении нее. Прокурор утверждал, что Х. никогда не проживал в квартире и что квартира никогда не передавалась ему администрацией в порядке приватизации. Прокурор просил суд признать недействительными договор о приватизации от 9 ноября 1992 г. и последующие сделки в отношении квартиры как не основанные на законе. Центральный районный суд г. Челябинска назначил заседание на 1 сентября 2011 г.

14. 6 июля 2011 г. регистрационная служба выдала свидетельство, подтверждающее приобретение квартиры заявительницей и ее право собственности на нее.

15. 16 сентября 2011 г. Центральный районный суд удовлетворил ходатайство заявительницы и разрешил ей участвовать в разбирательстве, инициированном прокурором. Она утверждала, что

являлась добросовестной приобретательницей квартиры и что администрация не могла изъять у нее квартиру.

16. 5 октября 2011 г. Центральный районный суд вынес определение, запрещающее регистрацию любых сделок в отношении квартиры.

С. Прекращение права собственности заявительницы на квартиру и разбирательство о выселении

17. 23 декабря 2011 г. Центральный районный суд г. Челябинска удовлетворил требования, выдвинутые прокурором от имени администрации города. Право собственности заявительницы на квартиру было прекращено, и квартира была передана администрации. Центральный районный суд также вынес решение о выселении заявительницы. Наконец, он обязал Я. вернуть заявительнице сумму, которую она уплатила за квартиру. Центральный районный суд обосновал решение следующим образом:

"...Статья 302 Гражданского кодекса Российской Федерации предусматривает, что, если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать (добросовестный приобретатель), то собственник вправе истребовать это имущество от приобретателя в случае, когда имущество утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого лица, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли.

В ходе разбирательства было установлено, что данная квартира выбыла из владения администрации города помимо воли последней. Соответственно, квартира... должна быть изъята у [заявительницы] и передана администрации".

18. 5 марта 2012 г. Челябинский областной суд, рассмотрев жалобу, оставил без изменения решение Центрального районного суда от 23 декабря 2011 года. Челябинский областной суд также отметил, что заявительница не могла признаваться добросовестной приобретательницей, учитывая, что она знала, что квартира была трижды перепродана в течение пяти месяцев.

19. 13 декабря 2013 г. Я. умер. Решение Центрального районного суда от 23 декабря 2011 г. в части, касающейся взыскания денежных средств в пользу заявительницы, остается неисполненным.

20. По утверждению властей Российской Федерации, заявительница не была выселена и продолжает проживать в квартире.

Д. Иск заявительницы о возмещении вреда к государству

21. В неустановленную дату заявительница предъявила иск к государству, утверждая, что бездействие местных властей привело к тому, что она приобрела квартиру у лица, которое не имело права продавать ее.

22. 19 декабря 2013 г. Тверской районный суд г. Москвы отклонил иск заявительницы.

23. 16 июня 2014 г. Московский городской суд, рассмотрев жалобу, оставил решение от 19 декабря 2013 г. без изменения.

II. Соответствующее законодательство Российской Федерации и правоприменительная практика

24. Краткий обзор соответствующего законодательства Российской Федерации и правоприменительной практики изложен в Постановлении Европейского Суда по делу "Гладышева против Российской Федерации" (Gladysheva v. Russia) от 6 декабря 2011 г., жалоба № 7097/10 <1>, §§ 35 - 37.

<1> См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 6 (примеч. редактора).

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции

25. Заявительница жаловалась на то, что была лишена имущества в нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, которая в соответствующих частях предусматривает следующее:

"Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения не умаляют права Государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов".

A. Приемлемость жалобы

26. Европейский Суд отмечает, что настоящая жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта "а" пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Следовательно, она должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

B. Существо жалобы

1. Доводы сторон

(а) Власти Российской Федерации

27. Власти Российской Федерации утверждали, что вмешательство в имущественные права заявительницы было законным. По их мнению, квартира выбыла из владения администрации города в результате мошеннических действий неустановленных лиц, которые подделали договор о приватизации. С точки зрения властей Российской Федерации, настоящее дело следует отличать от упомянутого выше дела Гладышевой, в котором у властей были все возможности проверить подлинность документов, заключая договоры социального найма и приватизации жилья с частным лицом. В рассматриваемом деле договор о приватизации, в соответствии с которым квартира была передана в собственность частного лица, был подделан. Администрация города не имела намерения распорядиться своим имуществом. Администрации города стало известно о существовании прав третьего лица в отношении квартиры после смерти нанимателя, который проживал в квартире по договору социального найма.

28. Власти Российской Федерации также полагали, что вмешательство в имущественные права заявительницы преследовало законную цель защиты прав и интересов других лиц, особенно лиц, поставленных на учет для получения жилья. Власти Российской Федерации далее отметили, что возвращение квартиры администрации не возлагало на заявительницу чрезмерного бремени. Она не была выселена и продолжала проживать в квартире. Кроме того, заявительнице принадлежала другая недвижимость, которую она продала сразу же после того, как прокурор предъявил к ней иск в отношении квартиры. Наконец, власти Российской Федерации утверждали, что заявительница была поставлена на учет в качестве лица, нуждающегося в социальном жилье. Кроме того, был удовлетворен ее иск к лицу, которое продало ей квартиру.

(b) Заявительница

29. Заявительница настаивала, что вмешательство в ее имущественные права не соответствовало применимому законодательству. Она добросовестно приобрела квартиру, и в соответствии с законом администрация города была лишена права требовать возвращения квартиры. Заявительница далее утверждала, что утрата имущества представляла собой непропорциональное вмешательство в ее права, предусмотренные статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Власти возложили на нее чрезмерное бремя и не обеспечили справедливое равновесие между своим решением истребовать имущество у заявительницы и ее интересами. Ряд мошеннических сделок с квартирой явился результатом упущений и отсутствия надлежащей заботливости со стороны властей. Осуществляя регистрацию продаж квартиры, регистрационная служба не проверяла подлинность предоставленных документов. Кроме того, властям стало известно о приватизации квартиры мошенническим путем, когда квартира все еще была зарегистрирована в качестве собственности X. Однако они не приняли никаких мер, чтобы обеспечить возвращение квартиры, и предъявили иск об изъятии квартиры из чужого владения несвоевременно. В результате квартира была трижды перепродана. Каждая сделка была зарегистрирована регистрационной службой. Наконец, заявительница отметила, что она не получила никакой компенсации в связи с утратой собственности на квартиру. Ее иск о возмещении вреда, предъявленный к властям, был отклонен. Я. умер, и решение, вынесенное в ее пользу, осталось неисполненным.

2. Мнение Европейского Суда

(a) Общие принципы

30. Общие принципы относительно защиты собственности установлены в прецедентной практике Европейского Суда (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Гладышева против Российской Федерации", §§ 64 - 68).

(b) Применение общих принципов в настоящем деле

31. Европейский Суд отмечает, что сторонами не оспаривается, что квартира являлась имуществом заявительницы и что отмена ее собственности на квартиру составляла вмешательство в ее права, предусмотренные статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Европейский Суд не усматривает оснований для иного вывода.

32. Кроме того, Европейский Суд не считает необходимым в обстоятельствах настоящего дела разрешать вопросы законности отмены титула заявительницы на квартиру или законной цели спорной меры. Эти вопросы будут рассмотрены в §§ 33 - 39 настоящего Постановления в той степени, в которой они имеют значение для оценки соразмерности вмешательства (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Гладышева против

Российской Федерации", §§ 72 - 76, и Постановление Европейского Суда по делу "Столярова против Российской Федерации" (Stolyarova v. Russia) от 29 января 2015 г., жалоба № 15711/13 <1>, §§ 45 - 46).

<1> См.: Российская хроника Европейского Суда. 2015. № 3 (примеч. редактора).

33. Что касается вопроса о том, было ли установлено справедливое равновесие между требованиями общего интереса и защиты основных прав лица, Европейский Суд отвечает на этот вопрос отрицательно. По его мнению, возвращение квартиры администрации города возложило на заявительницу непропорциональное бремя.

34. В этой связи Европейский Суд отмечает, что, как указано властями Российской Федерации, администрация города утратила свое право собственности на квартиру в результате мошенничества, когда неустановленные лица подделали договор о приватизации. Он также признает, что у администрации города отсутствовала возможность узнать о мошеннической передаче титула на квартиру в любое время до освобождения квартиры после смерти нанимателя в 2010 году. Вместе с тем Европейский Суд полагает, что после того, как о мошенничестве стало известно, власти не проявили заботливость или не действовали своевременно для обеспечения возвращения квартиры.

35. Согласно информации, предоставленной властями Российской Федерации, 16 февраля 2011 г. администрация города получила сведения о том, что квартира более не являлась муниципальной собственностью. Действительно, властям требовалось определенное количество времени, чтобы провести проверку по данному вопросу и выяснить обстоятельства дела. Однако к 31 марта 2011 г. прокурор уже сообщил государственной службе регистрации о ситуации с квартирой и просил последнюю отказывать в регистрации любых будущих сделок в отношении квартиры. Власти Российской Федерации, тем не менее, не предоставили какого-либо объяснения относительно того, почему квартира трижды перешла из рук в руки после предупреждения прокурора. Судебный запрет любых сделок с квартирой был установлен лишь в октябре 2011 года, после того, как заявительница приобрела ее.

36. Европейский Суд далее отклоняет довод властей Российской Федерации о том, что заявительница сама несла ответственность за сложившуюся ситуацию, поскольку она приобрела квартиру, которая была предметом двух предыдущих сделок в течение короткого периода времени. Регистрационная служба признала эти сделки соответствующими применимому законодательству и одобрила их. Ни внутригосударственные суды, ни власти Российской Федерации не пояснили, почему при таких обстоятельствах заявительница должна была сомневаться в легитимности этих сделок.

37. Наконец, Европейский Суд отмечает, что заявительница была лишена права собственности без какой-либо компенсации и что она не могла рассчитывать на получение иного жилья от государства. Решение суда в ее пользу, которым Я. был обязан вернуть ее деньги, остается неисполненным до сегодняшнего дня. Ее исковые требования к государству в связи с упущениями регистрационной службы были отклонены.

38. Вышеизложенные соображения являются достаточными для того, чтобы Европейский Суд мог заключить, что условия, при которых заявительница была лишена права собственности на квартиру, возложили на нее индивидуальное и чрезмерное бремя и что власти не установили справедливого равновесия между требованиями общественного интереса, с одной стороны, и правом заявительницы на уважение ее собственности, с другой стороны.

39. Соответственно, имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

II. Предполагаемое нарушение статьи 8 Конвенции

40. Заявительница жаловалась на то, что выселение представляет нарушение ее права на уважение жилища. Она ссылаясь на статью 8 Конвенции, которая гласит:

"1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц".

41. Власти Российской Федерации оспорили данный довод.

42. Заявительница настаивала на своей жалобе.

43. Европейский Суд отмечает, что в этой части жалоба связана с рассмотренной ранее и поэтому должна быть также объявлена приемлемой для рассмотрения по существу. Однако с учетом вывода, сделанного в контексте статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции (см. §§ 30 - 39 настоящего Постановления), и того, что заявительница остается в квартире (см. § 20 настоящего Постановления), Европейский Суд полагает, что отсутствует необходимость рассматривать те же факты с точки зрения статьи 8 Конвенции (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу "Ахвердиев против Азербайджана" (*Akhverdiyev v. Azerbaijan*) от 29 января 2015 г., жалоба № 76254/11, §§ 101 - 105).

III. Применение статьи 41 Конвенции

44. Статья 41 Конвенции гласит:

"Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

A. Ущерб

45. Заявительница требовала выплаты 1 870 000 рублей в качестве компенсации материального ущерба и 48 500 евро в качестве компенсации морального вреда.

46. Власти Российской Федерации считали требования заявительницы чрезмерными и необоснованными.

47. Европейский Суд учитывает, что он установил нарушение прав заявительницы, предусмотренных статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Он полагает, что имеется очевидная причинно-следственная связь между установленным нарушением и ущербом, причиненным заявительнице.

48. Европейский Суд напоминает, что обычно приоритетом при применении статьи 41 Конвенции является *restitutio in integrum* <1>, поскольку от государства-ответчика ожидается принятие всех осуществимых мер для возмещения последствий нарушения таким способом, чтобы восстановить, насколько это возможно, положение, существовавшее до нарушения (см., в частности, Постановление Европейского Суда по делу "Пьерсак против Бельгии" (*Piersack v. Belgium*) (статья 50) от 26 октября 1984 г., § 12, Series A, № 85, Постановление Европейского Суда по делу "Тчитчинадзе против Грузии" (*Tchitchinadze v. Georgia*) от 27 мая 2010 г., жалоба № 18156/05, § 69, Постановление Европейского Суда по делу "Стойчева против Болгарии" (*Stoycheva v. Bulgaria*) от 19 июля 2011 г., жалоба № 43590/04). Соответственно, учитывая свои выводы в настоящем деле, Европейский Суд считает, что наиболее целесообразной формой возмещения были бы восстановление права собственности заявительницы на квартиру и отмена решения о ее выселении. Таким образом, заявительница была бы поставлена, насколько это возможно, в положение, эквивалентное тому, в котором она находилась бы, если бы нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции не было бы допущено.

<1> Restitutio in integrum (лат.) - восстановление в первоначальном положении (примеч. переводчика).

49. Кроме того, Европейский Суд не сомневается в том, что заявительница испытала страдание и разочарование в связи с лишением ее имущества. Оценивая указанные обстоятельства на основе принципа справедливости, Европейский Суд присуждает заявительнице 5 000 евро в качестве компенсации морального вреда, а также любые налоги, подлежащие начислению на указанную сумму.

В. Судебные расходы и издержки

50. Заявительница также требовала выплаты 576 204 рублей и 2 000 евро в качестве возмещения судебных расходов и издержек, понесенных до обращения в Европейский Суд и в Европейском Суде.

51. Власти Российской Федерации указывали, что судебные расходы и издержки заявительницы не являлись необходимыми и что она не доказала, что они вообще были понесены. В частности, заявительница не доказала, что она уплатила 2 000 евро Самородкиной, кроме того, она не предоставила соглашение, заключенное между нею и Пузановым, подавшим жалобу от ее имени.

52. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в той части, в которой они были действительно понесены, являлись необходимыми и разумными по размеру. В настоящем деле сумма в 850 евро уже была выплачена заявительнице в порядке освобождения от оплаты юридической помощи. Учитывая документы, предоставленные заявительницей в поддержку своих требований, и указанные выше критерии, Европейский Суд считает разумным присудить заявительнице 2 000 евро в отношении всех видов издержек.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

53. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО:

- 1) объявил жалобу приемлемой для рассмотрения по существу;
- 2) постановил, что имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции;
- 3) постановил, что отсутствует необходимость в рассмотрении жалобы на основании статьи 8 Конвенции;
- 4) постановил, что:
 - (а) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции обеспечить адекватными средствами реституцию титула заявительницы на квартиру и отмену решения о ее выселении;
 - (б) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявительнице следующие суммы, подлежащие переводу в валюту государства-ответчика по курсу, действующему на день выплаты:
 - (i) 5 000 евро (пять тысяч евро) в качестве компенсации морального вреда, а также любой налог, подлежащий начислению на указанную сумму;

(ii) 2 000 евро (две тысячи евро) в качестве компенсации судебных расходов и издержек, а также любой налог, обязанность уплаты которого может быть возложена на заявительницу в связи с указанной суммой;

(b) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

5) отклонил оставшуюся часть требований заявительницы о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 4 октября 2016 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Председатель
Палаты Суда
ЛУИС ЛОПЕС ГЕРРА

Секретарь
Секции Суда
СТИВЕН ФИЛЛИПС

Дело "Аленцева (Alentseva) против Российской Федерации": Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 ноября 2016 года (жалоба № 31788/06)

Доступ:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=495553&dst=1000000001>

<1> Перевод с английского языка Д.Г. Николаева.

<2> Настоящее Постановление вступило в силу 24 апреля 2017 г. в соответствии с положениями пункта 2 статьи 44 Конвенции (примеч. редактора).

По делу "Аленцева против Российской Федерации" Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в составе:

Андраша Шайо, Председателя Палаты,

Мирьяны Лазаровой Трайковской,

Ханлара Гаджиева,

Паулу Пинту де Альбукерке,

Линос-Александра Сисилианоса,

Эрика Месе,

Дмитрия Дедова, судей,

а также при участии Абела Кампуша, Секретаря Секции Суда,

рассмотрев дело в закрытых заседаниях 13 октября 2015 г., 6 сентября и 11 октября 2016 г.,

вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 31788/06, поданной против Российской Федерации в Европейский Суд по правам человека (далее - Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция) гражданкой Российской Федерации Светланой Александровной Аленцевой (далее - заявительница) 24 мая 2006 г.

2. Интересы заявительницы представлял А. Акопов, адвокат, практикующий в г. Москве. Власти Российской Федерации были представлены Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде Г.О. Матюшкиным.

3. Заявительница, в частности, утверждала, что она была лишена квартиры в нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции и что ее выселение составляло нарушение статьи 8 Конвенции.

4. 7 января 2014 г. Председатель Первой Секции решил применить правило 41 Регламента Суда и рассмотреть жалобу в приоритетном порядке и коммуницировал жалобу заявительницы на нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции и статьи 8 Конвенции властям Российской Федерации. Оставшаяся часть жалобы была признана неприемлемой для рассмотрения по существу.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявительница родилась в 1974 году и проживает в г. Москве.

А. СДЕЛКИ В ОТНОШЕНИИ КВАРТИРЫ, ПОЗДНЕЕ ПРИОБРЕТЕННОЙ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЕЙ

6. До приватизации квартира, расположенная в г. Москве по адресу: Большой Рогожский переулок, 10-3-34, - находилась в собственности города Москвы. Р. проживала там в качестве нанимательницы по договору социального найма с городом. 31 мая 1993 г. право собственности на квартиру было передано Р. в порядке приватизации.

7. 12 августа 1996 года Р. скончалась.

8. В октябре 1999 г. Яр. обратился к нотариусу о признании его наследником Р. В поддержку своего заявления Яр. предоставил завещание, предположительно подписанное Р. 9 февраля 1996 г.

9. 2 июня 2000 г. нотариус удовлетворил заявление и выдал свидетельство, подтверждающее, среди прочего, что Яр. унаследовал квартиру Р.

10. 20 июня 2000 г. Московский городской комитет по регистрации сделок с недвижимостью (далее - городской комитет) зарегистрировал свидетельство, подтверждающее право собственности Яр. на квартиру.

11. 13 июля 2000 г. Яр. продал квартиру заявительнице. В неустановленную дату городской комитет зарегистрировал сделку и выдал соответствующее свидетельство, подтверждавшее право собственности заявительницы на квартиру. Заявительница переехала и проживала в квартире. После рождения дочери в 2004 году она проживала там с дочерью.

В. УГОЛОВНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В ОТНОШЕНИИ ЯР.

12. В неустановленную дату власти возбудили уголовное дело о подделке завещания, выданного от имени Р.

13. 6 июня 2001 г. Таганский районный суд г. Москвы признал Яр. виновным в мошенничестве и приговорил его к пяти годам лишения свободы с конфискацией имущества. В частности, судом было установлено, что Яр., действуя совместно с другими лицами, которые не были установлены, обманным путем приобрел квартиру Р. и продал ее заявительнице на основании поддельного завещания. Приговор вступил в силу 25 июля 2001 г.

С. ПРЕКРАЩЕНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ НА КВАРТИРУ И РАЗБИРАТЕЛЬСТВО О ВЫСЕЛЕНИИ

14. 5 марта 2002 г. прокурор предъявил иск от имени Департамента муниципального жилья г. Москвы (далее - департамент), требуя (1) признания недействительным завещания Р. и права собственности заявительницы на квартиру, (2) выселения заявительницы, (3) возврата квартиры г. Москве и (4) признания недействительным договора купли-продажи между Яр. и заявительницей и возмещения Яр. суммы, которую заявительница заплатила за квартиру.

15. 16 декабря 2003 г. районный суд рассмотрел дело в отсутствие заявительницы и удовлетворил требования прокуратуры в полном объеме. Заявительница обжаловала решение.

16. 16 июня 2004 г. Московский городской суд установил, что районный суд не смог надлежащим образом уведомить заявительницу о дате и времени судебного заседания. Он отменил решение от 16 декабря 2003 г. и направил дело на новое рассмотрение.

17. В новом судебном разбирательстве заявительница предъявила встречный иск против властей г. Москвы, требуя признания ее добросовестной приобретательницей квартиры.

18. 14 ноября 2005 г. районный суд признал недействительными завещание Р. и право собственности Яр. на квартиру. Суд установил, что имущество являлось выморочным, и постановил вернуть его г. Москве. Он также распорядился о выселении заявительницы. Суд отказал в удовлетворении остальной части требований прокурора о признании недействительным договора купли-продажи, заключенного между Яр. и заявительницей, и его обязанности возратить

денежную сумму, уплаченную ему заявительницей. Что касается встречного иска заявительницы, суд признал, что она приобрела квартиру добросовестно. Тем не менее он установил, что, поскольку Яр. приобрел квартиру Р. обманным путем, он по сути похитил ее из собственности г. Москвы, и город имеет право истребовать квартиру у заявительницы, несмотря на то, что она являлась добросовестной приобретательницей.

19. 24 января 2006 г., рассмотрев кассационную жалобу, городской суд оставил в силе решение от 14 ноября 2005 г.

20. 23 марта 2006 г. районной службой судебных приставов было начато исполнительное производство в соответствии с решением от 14 ноября 2005 г.

21. 2 апреля 2008 г. заявительница и ее дочь были выселены из квартиры. Как утверждала заявительница, им пришлось переехать к ее родителям, брату и его семье.

22. По сведениям властей Российской Федерации, 9 апреля 2010 г. квартира была передана Ш., который стоял в очереди на квартиру в течение 25 лет.

D. ПРИЗНАНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ВЛАСТЕЙ ГОРОДА НА КВАРТИРУ

23. 12 мая 2011 г. районный суд признал право собственности властей города на квартиру. В частности, судом было установлено, что Р. скончалась, не оставив завещания и не имея наследников, и что ее квартира должна быть передана государству в собственность как выморочное имущество. Суд также прекратил право собственности заявительницы на квартиру.

24. 22 сентября 2011 г., рассмотрев кассационную жалобу, городской суд оставил в силе решение от 12 мая 2011 г.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

A. ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН "О РЕГИСТРАЦИИ ПРАВ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО И СДЕЛОК С НИМ"

25. Согласно Федеральному закону "О регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним", принятому 21 июля 1997 г. (с изменениями), государство подтверждает возникновение, ограничение (обременение), переход или прекращение прав на недвижимое имущество посредством государственной регистрации (статья 2). После получения органами государственной регистрации заявления о государственной регистрации права на недвижимое имущество они обязаны провести экспертизу в отношении законности сделок, лежащих в основе приобретения, перехода или прекращения права собственности. Они обязаны установить отсутствие противоречий в заявляемых правах на такое имущество и основания для отказа (пункт 1 статьи 13). При подаче заявления на государственную регистрацию стороны сделки, лежащей в основе приобретения, перехода или прекращения прав на недвижимое имущество, стороны должны предъявить действительные документы, удостоверяющие личность. Если заявление подано представителем участника(-ов), то он или она должны представить нотариальную доверенность (части 1 и 2 статьи 16).

B. ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

26. Соответствующие положения Гражданского кодекса Российской Федерации предусматривают следующее:

"...Статья 167. Общие положения о последствиях недействительности сделки

1. Недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения.

2. При недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость в деньгах - если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом.

3. Если из содержания оспоримой сделки вытекает, что она может быть лишь прекращена на будущее время, суд, признавая сделку недействительной, прекращает ее действие на будущее время...

Статья 301. Истребование имущества собственником из чужого незаконного владения
Собственник имеет право истребовать свое имущество из чужого незаконного владения.

Статья 302. Истребование имущества от добросовестного приобретателя

1. Если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать (добросовестный приобретатель), то собственник вправе истребовать это имущество от приобретателя в случае, когда имущество утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли.

2. Если имущество приобретено безвозмездно от лица, которое не имело права его отчуждать, собственник вправе истребовать имущество во всех случаях.

3. Деньги, а также ценные бумаги на предъявителя не могут быть истребованы от добросовестного приобретателя...

Статья 1151. Наследование выморочного имущества

1. В случае, если отсутствуют [наследники по закону или завещанию], либо никто из наследников не имеет права наследовать или все наследники отстранены от наследования, либо никто из наследников не принял наследства, либо все наследники отказались от наследства и при этом никто из них не указал, что отказывается в пользу другого наследника, имущество умершего считается выморочным.

2....Если [выморочное недвижимое имущество] расположено... в городе Москве... оно переходит в собственность [города Москвы]. Жилое помещение... включается в соответствующий жилищный фонд социального использования.

3. Порядок наследования и учета выморочного имущества, переходящего в порядке наследования по закону в собственность Российской Федерации, а также порядок передачи его в собственность субъектов Российской Федерации или в собственность муниципальных образований определяется законом.

Статья 1152. Принятие наследства

1. Для приобретения наследства наследник должен его принять.

Для приобретения выморочного имущества принятие наследства не требуется...

Статья 1154. Срок принятия наследства

1. Наследство может быть принято в течение шести месяцев со дня [смерти лица]...

3. Лица, для которых право наследования возникает только вследствие непринятия наследства другим наследником, могут принять наследство в течение трех месяцев со дня окончания срока, указанного в пункте 1 настоящей статьи..."

С. ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОТНОШЕНИИ ИСТРЕБОВАНИЯ ИМУЩЕСТВА У ДОБРОСОВЕСТНОГО ПРИБРЕТАТЕЛЯ

27. Постановлением от 21 апреля 2003 г. № 6-П <1> Конституционный Суд Российской Федерации истолковал статью 167 Гражданского кодекса как не позволяющую первоначальному собственнику истребовать имущество у добросовестного приобретателя в отсутствие специальной законодательной нормы. Однако на основании статьи 302 Гражданского кодекса Российской

Федерации может быть предъявлен vindикационный иск при наличии условий, указанных в пунктах 1 и 2 этой статьи, в частности, если имущество выбыло из его владения помимо его воли или если имущество приобретено безвозмездно.

<1> Имеется в виду Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2003 г. № 6-П "По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Склиановой, Р.М. Склиановой и В.М. Ширяева" (примеч. редактора).

Д. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА И ВЫСШЕГО АРБИТРАЖНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОТНОШЕНИИ ИСТРЕБОВАНИЯ ИМУЩЕСТВА У ДОБРОСОВЕСТНОГО ПРИОБРЕТАТЕЛЯ

28. Еще одно толкование статьи 302 Гражданского кодекса было сделано Пленумами Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Их совместное Постановление от 29 апреля 2010 г. № 10/22 "О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав" содержит следующее:

"...39. По смыслу пункта 1 статьи 302 ГК РФ собственник вправе истребовать свое имущество... независимо от возражения ответчика о том, что он является добросовестным приобретателем, если докажет факт выбытия имущества из его владения... помимо их воли.

Недействительность сделки... не свидетельствует сама по себе о его выбытии из владения передавшего это имущество [собственника] помимо его воли. Судам необходимо устанавливать, была ли воля собственника на передачу владения [имущества] иному лицу...".

29. В своем Определении от 27 января 2011 г. № 188-О-О <2> Конституционный Суд Российской Федерации основывался на толковании статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации пленумами судов при проверке соответствия указанной статьи Конституции.

<2> Имеется в виду Определение Конституционного Суда Российской Федерации "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Андропова Дмитрия Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 177, статьей 301 и пунктом 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации" (примеч. редактора).

Е. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПОВОДУ НАСЛЕДОВАНИЯ

30. 29 мая 2012 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял Постановление № 9 "О судебной практике по делам о наследовании". Что касается выморочного имущества, то Пленум Верховного Суда Российской Федерации, в частности, постановил следующее:

"...50. Выморочное имущество... переходит в порядке наследования по закону в собственность... города федерального значения Москвы... (выморочное имущество в виде расположенного на соответствующей территории жилого помещения)...

Свидетельство о праве на наследство в отношении выморочного имущества выдается... городу федерального значения Москве... в том же порядке, что и иным наследникам, без вынесения специального судебного решения о признании имущества выморочным...".

Ф. РАССМОТРЕНИЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫМИ СУДАМИ СПОРОВ О ВЫМОРОЧНОМ НЕДВИЖИМОМ ИМУЩЕСТВЕ И ДОБРОСОВЕСТНЫХ ПРИБРЕТАТЕЛЯХ

31. При решении вопроса о том, может ли г. Москва истребовать выморочное имущество у добросовестного приобретателя, суды последовательно устанавливали, что после смерти владельца недвижимости, не оставившего завещания и не имеющего наследников, имущество должно считаться выморочным, и право собственности должно перейти к г. Москве на дату смерти собственника. Выморочное имущество, приобретенное мошенническим путем третьим лицом, считалось украденным у г. Москвы. Исключения, указанные в статье 302 Гражданского кодекса Российской Федерации (см. § 25 настоящего Постановления), позволяли г. Москве истребовать такое имущество у добросовестных приобретателей. Ниже приведены примеры из практики судов по этому вопросу.

1. Отклонение исков городских органов против добросовестных приобретателей

32. И. умер, не оставив наследников. В неустановленную дату Л. приобрел право собственности на квартиру, принадлежавшую И., как наследник И.

33. 24 декабря 2001 г. Л. продал квартиру К.В. Последний 6 марта 2002 г. продал квартиру Б., продавший 9 июля 2002 г. квартиру К.Н., который въехал в нее и проживал там с дочерью и сыном, являвшимся несовершеннолетним.

34. 20 ноября 2009 г. Тимирязевский районный суд Москвы признал Л. виновным в мошенничестве. Судом было установлено, что Л. обманным путем унаследовал квартиру от И., подделав его завещание.

35. В неустановленную дату департамент инициировал гражданское разбирательство, требуя, в частности, признания права собственности города на квартиру и выселения К.Н. и его семьи.

36. 2 августа 2011 г. Тимирязевский районный суд г. Москвы отказал в удовлетворении исковых требований в отношении К.Н. и его семьи. Суд признал К.Н. добросовестным приобретателем квартиры, а также принял во внимание, что К.Н. и его семья проживали в квартире в течение восьми лет и не имели иного жилья. Суд также отметил, что при таких обстоятельствах выселение семьи будет означать нарушение прав человека, охраняемых Конституцией Российской Федерации. Наконец, суд постановил, что департамент пропустил установленный законом срок для предъявления виндикационного иска в отношении К.Н.

37. 24 октября 2011 г. Московский городской суд, рассмотрев кассационную жалобу, оставил решение суда от 2 августа 2011 г. без изменений.

2. Изъятие квартиры, приобретенной в незаконном порядке, г. Москвой у добросовестного приобретателя

38. Спорная квартира принадлежала Л., который скончался 3 ноября 2003 г., не оставив наследников. Б. и Г. подделали договор от 10 октября 2003 г., согласно которому Л. продал квартиру Б.

39. 4 октября 2004 г. городской комитет зарегистрировал указанную сделку.

40. 14 февраля 2008 г. Савеловский районный суд г. Москвы признал Б. и Г. виновными в мошенничестве.

41. В неустановленную дату департамент предъявил иск против Б., требуя изъять у него квартиру.

42. 18 августа 2012 г. Б. продал квартиру А. 3 сентября 2012 г. департамент зарегистрировал сделку и право собственности А. на квартиру.

43. Представляется, что в ходе производства по гражданскому делу об изъятии квартиры департамент предъявил иск против А., требуя не только изъятия квартиры, но и выселения А.

44. 21 июня 2013 г. районный суд отклонил жалобу против А., признав его добросовестным приобретателем.

45. 14 ноября 2013 г. Московский городской суд, рассмотрев жалобу, частично отменил решение суда от 21 июня 2013 года. Московский городской суд установил, в частности, что квартира находилась в собственности города и могла быть изъята у А., хотя он и являлся добросовестным покупателем. Московский городской суд прекратил право собственности А. на квартиру и санкционировал его выселение.

46. 29 января 2014 г. Московский городской суд отклонил ходатайство А. о пересмотре дела в кассационном порядке. Суд постановил, что квартира была похищена и изъята из собственности города против его воли. Соответственно, она могла быть истребована у добросовестного приобретателя А.

Г. ОСНОВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НОТАРИАТЕ

47. Согласно статье 1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате 1993 года с изменениями 2014 года нотариат в Российской Федерации призван обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации.

Н. ПРАВОВЫЕ НОРМЫ В ОТНОШЕНИИ МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО КОМИТЕТА ПО ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ПРАВ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО И СДЕЛОК С НИМ (ДЕЙСТВОВАВШИЕ В ПЕРИОД, ОТНОСЯЩИЙСЯ К ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ ДЕЛА)

48. Согласно пункту 8.4 Распоряжения "О создании Московского городского комитета по государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним", принятого распоряжением мэра г. Москвы от 8 апреля 1998 г. № 341-РМ, обязанности комитета включают в себя правовую экспертизу документов, представляемых для регистрации прав на недвижимое имущество в целях обеспечения соблюдения законодательства Российской Федерации и законности сделки.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 1 ПРОТОКОЛА № 1 К КОНВЕНЦИИ

49. Заявительница жаловалась на то, что она была лишена квартиры в нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, которая предусматривает:

"Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения не умаляют права Государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов".

А. ПРИЕМЛЕМОСТЬ ЖАЛОБЫ

1. Доводы сторон

50. Власти Российской Федерации утверждали, что заявительница не исчерпала имевшиеся в ее распоряжении эффективные внутригосударственные средства правовой защиты. Она могла предъявить иск о компенсации ущерба к лицам, которые продали ей квартиру с мошенническим умыслом. Власти Российской Федерации сослались на иски, предъявленные Пч. и П., которые успешно взыскали у соответствующих продавцов компенсацию ущерба, связанного с недействительными сделками.

51. Заявительница оспорила возражение властей Российской Федерации. Ссылаясь на решение, вынесенное по уголовному делу в отношении Яр. (который продал ей квартиру), заявительница утверждала, что Яр. являлся "всего лишь подставным лицом", а истинные виновники, получившие деньги заявительницы, не были установлены. Соответственно, по ее мнению, предъявлять иск о возмещении ущерба против Яр. было бы бесполезно, поскольку подобный иск не имел бы никаких шансов на успех. Что же касается дел, на которые сослались власти Российской Федерации, она отметила, что ни в одном из них истцы не подавали в суд на лицо, совершившее мошеннические действия в отношении квартиры. Пч. предъявил иск против крупной компании недвижимости, и П. - против предыдущего добросовестного приобретателя квартиры.

2. Мнение Европейского Суда

52. Европейский Суд отмечает, что ранее он уже рассматривал вопрос об исчерпании внутригосударственных эффективных средств правовой защиты в деле, когда заявительница была лишена жилья в результате прекращения ее права собственности на квартиру окончательным и исполнимым решением суда (см. Постановление Европейского Суда по делу "Гладышева против Российской Федерации" (Gladysheva v. Russia) от 6 декабря 2011 г., жалоба № 7097/10 <1>, §§ 60 - 62 и 89). Европейский Суд заключил, что в законодательстве Российской Федерации отсутствовали иные средства защиты, которые потенциально могли восстановить право собственности заявительницы на квартиру. Он также отметил, что возможность предъявления иска о возмещении ущерба при таких обстоятельствах не может лишить заявительницу статуса жертвы в целях подачи жалобы на основании статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Данный иск также не мог рассматриваться как необходимый для соблюдения правила исчерпания внутренних средств правовой защиты в значении пункта 1 статьи 35 Конвенции. Наконец, Европейский Суд полагал, что любой ущерб, возмещения которого могла потребовать заявительница от продавца квартиры, мог учитываться лишь для целей оценки пропорциональности вмешательства и определения материального ущерба, если нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции будет установлено Европейским Судом и если в соответствии со статьей 41 Конвенции будет присуждена компенсация ущерба (см. там же, § 62).

<1> См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 6 (примеч. редактора).

53. Европейский Суд полагает, что эти соображения имеют значение в контексте настоящего дела. Власти Российской Федерации не привели каких-либо фактов или доводов, способных вынудить Европейский Суд прийти к иному выводу в настоящем деле. Соответственно, от заявительницы не требовалось прибегать к средствам правовой защиты, предложенным властями Российской Федерации. Таким образом, возражение властей Российской Федерации в этом отношении подлежит отклонению.

54. Европейский Суд отмечает, что настоящая жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта "а" пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что жалоба не является

неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

В. СУЩЕСТВО ЖАЛОБЫ

1. Общие принципы

55. Общие принципы относительно защиты собственности установлены в прецедентной практике Европейского Суда и могут быть кратко изложены следующим образом (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Гладышева против Российской Федерации"):

"...64. Европейский Суд напоминает свою последовательную прецедентную практику о структуре статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции и порядке применения трех правил, содержащихся в этом положении (см. в числе многих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Дж.А. Пай (Оксфорд) Лтд. и Дж.А. Пай (Оксфорд) Лэнд Лтд. против Соединенного Королевства" (J.A. Pye (Oxford) Ltd and J.A. Pye (Oxford) Land Ltd v. United Kingdom), жалоба № 44302/02, ECHR 2007-III, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Брункрона против Финляндии" (Brunckrona v. Finland) от 16 ноября 2004 г., жалоба № 41673/98, §§ 65 - 69, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Брониовский против Польши" (Broniowski v. Poland), жалоба № 31443/96, § 134, ECHR 2004-V).

65. Он напоминает, что для соответствия общему правилу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции вмешательство должно соблюдать принцип законности и преследовать законную цель средствами, разумно пропорциональными преследуемой цели (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Бейелер против Италии" (Beyeler v. Italy), жалоба № 33202/96, §§ 108 - 114, ECHR 2000-I).

66. Вмешательство в право на уважение собственности, следовательно, должно устанавливать "справедливое равновесие" между потребностями общества или общим интересом и требованиями защиты фундаментальных прав лица. Необходимость достижения этого равновесия отражена в структуре статьи 1 как таковой, которая должна применяться с учетом общего принципа, изложенного в ее первом предложении. В частности, должно быть достигнуто разумное соотношение пропорциональности между применяемыми средствами и целью, преследуемой мерой, которая лишает лица его имущества или контролирует его использование. Условия компенсации по соответствующему законодательству имеют значение для оценки того, насколько оспариваемая мера учитывает требуемое справедливое равновесие, и особенно, возлагает ли она несоразмерное бремя на заявителя (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Бывший король Греции и другие против Греции" (Former King of Greece and Others v. Greece), жалоба № 25701/94, § 89, ECHR 2000-XII).

67. В этой связи изъятие имущества без уплаты суммы, разумно связанной с его стоимостью, обычно составляет несоразмерное вмешательство, которое не может быть оправданным с точки зрения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Однако это положение не гарантирует полной компенсации при всех обстоятельствах, поскольку законный "публичный интерес" может требовать возмещения в меньшем по сравнению с полной рыночной стоимостью размере (см., в частности, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Папахелас против Греции" (Paparhelas v. Greece), жалоба № 31423/96, § 48, ECHR 1999-II).

68. Хотя статья 1 Протокола № 1 к Конвенции не содержит прямых процессуальных требований, данное разбирательство также должно предоставлять лицу разумную возможность представить свою позицию компетентным органам для цели эффективного оспаривания мер, представляющих вмешательство в права, гарантированные этим положением. Определяя, было ли данное условие соблюдено, необходимо всесторонне рассмотреть применимые процедуры (см., в

частности, Постановление Европейского Суда по делу "Йокела против Финляндии" (Jokela v. Finland), жалоба № 28856/95, § 45, ECHR 2002-IV)..."

2. Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

(a) Имело ли место вмешательство

(i) Доводы сторон

56. Власти Российской Федерации не комментировали доводы заявительницы.

57. Власти Российской Федерации не оспаривали тот факт, что квартира, приобретенная заявительницей, составляла ее "имущество". Они далее признавали, что переход квартиры к государству представлял собой вмешательство в ее права, предусмотренные статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции.

(ii) Мнение Европейского Суда

58. Европейский Суд признает, что квартира составляла имущество заявительницы для целей статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции и что отмена права ее собственности на квартиру составляла вмешательство в права заявительницы, предусмотренные статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции.

59. Что касается природы вмешательства, Европейский Суд полагает, что сложность фактической и правовой позиции в настоящем деле не позволяет отнести их к какой-либо категории, охватываемой вторым предложением первого абзаца или вторым абзацем статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Бейелер против Италии" (Beueler v. Italy), жалоба № 33202/96, § 98, ECHR 2000-I). Соответственно, Европейский Суд считает, что обжалуемая ситуация подлежит рассмотрению с точки зрения этого общего правила (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Гладышева против Российской Федерации", § 71).

(b) Соблюдение принципа законности

(i) Доводы сторон

60. Заявительница утверждала, что отсутствовали какие-либо юридические основания для передачи квартиры г. Москве, так как город не принял наследства после смерти Р.

61. Власти Российской Федерации настаивали на том, что вмешательство в имущественные права заявительницы было "предусмотрено законом". Р., владелица квартиры, умерла, не оставив наследников. В соответствии с применимыми положениями Гражданского кодекса Российской Федерации квартира являлась выморочным имуществом, и право собственности на нее должно было быть возвращено государству. Однако Яр. обманным путем приобрел право собственности на квартиру. Его действия привели к утрате права собственности на квартиру г. Москвой против его воли. Соответственно, даже если заявительница являлась добросовестной приобретательницей квартиры, закон позволяет городу истребовать собственность у заявительницы.

(ii) Мнение Европейского Суда

62. Европейский Суд отмечает, что пункт 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации допускает истребование имущества у добросовестного приобретателя при условии, что оно было из владения собственника или владельца помимо его воли. В частности, когда имущество было похищено у владельца.

63. Европейский Суд далее отмечает, что внутригосударственные суды установили, что после смерти собственника квартира стала выморочным имуществом. Однако передаче имущества г. Москву воспрепятствовали мошеннические действия Яр., которые суды сочли потерей квартиры городом против его воли.

64. В этой связи Европейский Суд напоминает, что он имеет ограниченные полномочия для рассмотрения вопроса о соблюдении внутригосударственного законодательства (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты по делу "Бейелер против Италии", § 108, с дальнейшими отсылками), особенно если, как в настоящем деле, ничто не приводит его к выводу, что власти Российской Федерации применили правовые положения явно ошибочно или с тем, чтобы достичь произвольные выводы (там же). Европейский Суд также отмечает, что довод заявительницы о том, что город не принял наследство после смерти Р. и не мог, следовательно, требовать права собственности на квартиру, противоречит соответствующим положениям Гражданского кодекса Российской Федерации, которыми прямо предусмотрено, что государство не обязано заявлять о правопреемстве при аналогичных обстоятельствах. Выморочное имущество автоматически переходит в собственность государства, как это предусмотрено в статьях 1151 и 1152 Гражданского кодекса Российской Федерации.

65. Европейский Суд отмечает, что в некоторых отношениях соответствующим правовым нормам не хватает ясности, особенно в том, что они не требуют от государства принятия каких-либо явных действий в отношении истребования выморочного имущества в собственность и оставляют неопределенный срок для этого. Однако, с точки зрения Европейского Суда, один этот фактор не мог повлечь заключение о том, что данное вмешательство было непредсказуемым или произвольным и потому несовместимым с принципом законности.

66. Тем не менее Европейский Суд должен удостовериться в том, что способ толкования и применения законодательства страны, даже если требования соблюдены, не влечет расхождения с конвенционными стандартами. С этой позиции элемент неопределенности в законе и значительная свобода действий, которую он предоставляет властям, являются материальными соображениями, необходимыми для принятия во внимание при определении того, соблюдает ли обжалуемая мера справедливый баланс (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Бейелер против Италии", § 110).

(с) Цель вмешательства

(i) Доводы сторон

67. Заявительница утверждала, что она не находила какой-либо острой социальной потребности для передачи квартиры городу. Она указала, что после смерти Р. в 1996 году городские власти пренебрегали своим долгом в течение многих лет и практически ничего не делали, чтобы передать квартиру Р. лицу, нуждающемуся в социальном жилье. Кроме того, после ее выселения в 2010 году <1> квартира пустовала в течение еще двух лет. Департамент не передавал ее другой семье до 2012 года.

<1> В действительности заявительница по настоящему делу была выселена в 2008 году, а квартира была распределена в 2010 году, а не в 2012 году (примеч. переводчика).

68. Власти Российской Федерации полагали, что истребование квартиры у заявительницы преследовало законную цель защиты прав и интересов других лиц, особенно лиц, поставленных на учет для получения жилья. Передача квартиры государству не должна была рассматриваться как произведенная только в интересах государства. Город Москва нес ответственность за предоставление доступного жилья лицам с низким уровнем дохода. Соответственно, город истребовал квартиру в интересах этих людей.

(ii) Мнение Европейского Суда

69. Что касается законной цели оспариваемой меры, Европейский Суд принимает к сведению довод властей Российской Федерации и заявляет о том, что по причине непосредственного знания общества и его потребностей внутригосударственные власти находятся в лучшем положении, чем международный суд для оценки того, что отвечает "публичному интересу". В соответствии с системой защиты, установленной Конвенцией, таким образом, власти государства-ответчика осуществляют первичную оценку наличия государственной проблемы, заслуживающей меры, связанной с лишением имущества. Здесь, как и в других областях, в отношении которых распространяются гарантии Конвенции, внутригосударственные власти, соответственно, пользуются определенными пределами усмотрения (см. Постановление Европейского Суда по делу "Столярова против Российской Федерации" (Stolyarova v. Russia) от 29 января 2015 г., жалоба № 15711/13 <1>, § 46, с дальнейшими отсылками). Соответственно, Европейский Суд согласен, что отмена права собственности заявительницы на квартиру преследовала публичный интерес, поскольку отстаивала потребности очередников на получение социального жилья.

<1> См.: Российская хроника Европейского Суда. 2015. № 3 (примеч. редактора).

(d) Было ли установлено справедливое равновесие

(i) Доводы сторон

70. Ссылаясь на выводы Европейского Суда в деле Гладышевой (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Гладышева против Российской Федерации", §§ 77 - 83), заявительница утверждала, что утрата имущества представляла собой непропорциональное вмешательство в ее права, предусмотренные статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Власти возложили на нее чрезмерное бремя. Они не обеспечили справедливое равновесие между своим решением истребовать имущество у заявительницы и ее интересами как добросовестной приобретательницы. Она также утверждала, что государство несло ответственность за мошеннические действия в отношении недвижимости, приобретенной ею позже. Оно было обязано проверить соответствие этих действий законодательству. Однако власти не смогли сделать это своевременно и надлежащим образом, и им удалось истребовать имущество у добросовестной приобретательницы только при грубом пренебрежении интересами последней. Что касается довода властей Российской Федерации о том, что для нее по-прежнему существует возможность предъявить гражданский иск о возмещении ущерба против Яр., заявительница утверждала, что уголовным расследованием было установлено, что Яр. действовал совместно с другими лицами, которых следователям не удалось установить.

71. Власти Российской Федерации утверждали, что вмешательство в имущественные права заявительницы в настоящем деле было пропорциональным преследуемой законной цели. Истребованная квартира была передана Ш. и его семье, стоявшим в очереди на жилье в течение 25 лет. Они также признали, что заявительнице был причинен определенный финансовый ущерб в результате действий государства. Однако этот ущерб был причинен мошенническими действиями других лиц, и заявительница могла потребовать компенсации ущерба за счет предъявления иска. По мнению властей Российской Федерации, утрата недвижимого имущества при таких обстоятельствах не составляла непропорционального бремени для заявительницы. В отличие от дела Гладышевой, где обман был обнаружен с задержкой в четыре года, власти оперативно отреагировали на мошенничество, совершенное Яр. Уголовное дело, возбужденное против него, привело к его осуждению всего через 11 месяцев после того, как заявительница купила квартиру. Наконец, власти

Российской Федерации отметили, что, если заявительница считает себя нуждающейся в социальном жилье, она может подать соответствующее заявление властям, что она еще не сделала.

(ii) Мнение Европейского Суда

72. Европейский Суд отмечает, что заявительница утратила право собственности на квартиру после того, как в ходе судебного разбирательства было установлено, что Яр., продавший квартиру заявительнице, приобрел ее на основании подложного завещания.

73. В этой связи Европейский Суд отмечает, что существовали как минимум два уровня гарантий в деле перед тем, как квартира перешла к Яр. как наследнику Р. в соответствии с внутригосударственным законодательством. Во-первых, существовала обязанность нотариуса убедиться, что переход права собственности на квартиру Яр. произошел в соответствии с законом (см. § 47 настоящего Постановления) при рассмотрении и удовлетворении заявления Яр. о признании его наследником Р. Во-вторых, городской комитет (см. § 48 настоящего Постановления) рассмотрел документы, представленные Яр. для регистрации его права собственности на квартиру, в целях обеспечения соблюдения соответствующего законодательства и законности сделки, а также выдал свидетельство о праве собственности Яр.

74. Европейский Суд отмечает, что власти Российской Федерации не предоставили каких-либо объяснений относительно неспособности нотариуса или городского комитета обнаружить мошенничество в действиях Яр.

75. Европейский Суд далее отмечает, что в своих доводах власти Российской Федерации ничего не говорили о том, когда и как обман был обнаружен, или когда уголовное дело в отношении действий Яр. было возбуждено. Учитывая, что Яр. был признан виновным в мошенничестве 6 июня 2001 г., и его осуждению предшествовали расследование по этому делу и судебное разбирательство, представляется, что уголовное дело о мошенничестве при приобретении Р. квартиры Яр. практически совпало с его признанием в качестве наследника Р. и регистрацией сделки в отношении квартиры, которая состоялась в июне 2000 года. Тот факт, что власти расследовали действия Яр. и в то же время позволили ему продать квартиру заявительнице, является поводом для беспокойства Европейского Суда.

76. Наконец, Европейский Суд отмечает, что заявительница была лишена права собственности на квартиру без компенсации и что она не могла рассчитывать на получение иного жилья от государства. Что касается довода властей Российской Федерации о том, что потеря заявительницей права собственности могла быть смягчена подачей иска в суд о возмещении ущерба против продавца квартиры, Европейский Суд признает, что такая возможность действительно открыта для нее. Однако при конкретных обстоятельствах настоящего дела такое действие было бы лишено какой-либо перспективы на успех, учитывая, что (1) лицо, продавшее квартиру заявительнице, было приговорено к тюремному заключению, а все его имущество было конфисковано в пользу государства, и (2) властями не были установлены до сих пор личности всех причастных к махинациям лиц при приобретении квартиры в 2001 году (см. § 13 настоящего Постановления).

77. Учитывая вышеизложенные факторы, Европейский Суд считает, что органы государственной власти не обеспечили надлежащей экспертизы в отношении законности сделок с недвижимым имуществом. Тем не менее заявительница не должна была предполагать наличие риска того, что право собственности на квартиру может быть прекращено в связи с указанным бездействием со стороны властей в рамках процедур, специально предназначенных для предотвращения мошенничества при совершении сделок с недвижимым имуществом. Европейский Суд напоминает, что ошибки или просчеты государственных органов должны служить выгоде заинтересованных лиц. Иными словами, риск любой ошибки, допущенной государственным органом, должно нести государство, и ошибки не должны устраняться за счет заинтересованного лица (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Столярова против Российской Федерации", § 49, с дальнейшими отсылками). Европейский Суд, таким образом,

приходит к выводу, что прекращение права собственности на квартиру заявительницы и его передача г. Москве при обстоятельствах дела составляли несоразмерное и чрезмерное бремя, возложенное на нее (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановлением Европейского Суда по делу "Гладышева против Российской Федерации", §§ 77 - 83). Соответственно, имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

78. Заявительница жаловалась на то, что выселение представляло нарушение ее права на уважение жилища. Она ссылаясь на статью 8 Конвенции, которая предусматривает следующее:

"1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц".

79. Власти Российской Федерации признали, что решение внутригосударственных судов о выселении заявительницы составляло вмешательство в ее права, предусмотренные статьей 8 Конвенции. Однако они полагали, что данное вмешательство было законным, преследовало законную цель защиты прав лиц на социальное жилье и было соразмерно этой цели. Они также обращали внимание на то, что заявительница проживала в квартире лишь 11 месяцев. Такой короткий срок не мог привести к тесным связям заявительницы с квартирой как с ее домом. Наконец, власти Российской Федерации утверждали, что заявительница имела другое место жительства.

80. Заявительница настаивала на своей жалобе.

81. Европейский Суд отмечает, что в этой части жалоба связана с рассмотренной ранее и поэтому также должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу. Однако с учетом вывода, сделанного в контексте статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции (см. §§ 58 - 77 настоящего Постановления), Европейский Суд полагает, что отсутствует необходимость отдельно рассматривать вопрос о том, имело ли место в настоящем деле нарушение требований статьи 8 Конвенции (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу "Ахвердиев против Азербайджана" (*Akhverdiyev v. Azerbaijan*) от 29 января 2015 г., жалоба № 76254/11, § 101 - 105).

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

82. Статья 41 Конвенции гласит:

"Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

A. УЩЕРБ

83. Заявительница требовала выплатить ей 10 426 983 рубля в качестве компенсации материального ущерба и 100 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

84. Власти Российской Федерации оспаривали эти суммы как чрезмерные, необоснованные и неразумные.

85. Европейский Суд учитывает, что он установил нарушение прав заявительницы, предусмотренных статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Он полагает, что имеется очевидная связь между установленным нарушением и ущербом, причиненным заявительнице.

86. Европейский Суд напоминает, что обычно приоритетом при применении статьи 41 Конвенции является *restitutio in integrum*, поскольку от государства-ответчика ожидается осуществление всех необходимых возмещений последствий нарушения таким способом, чтобы восстановить, насколько это возможно, положение, существовавшее до нарушения (см., в частности, Постановление Европейского Суда по делу "Пьерсак против Бельгии" (*Piersack v. Belgium*) от 26 октября 1984 г. (статья 50), § 12, Series A, № 85, Постановление Европейского Суда по делу "Тчитчинадзе против Грузии" (*Tchitchinadze v. Georgia*) от 27 мая 2010 г., жалоба № 18156/05, § 69, Постановление Европейского Суда по делу "Фенер Рум Патриклии (Вселенский патриархат) против Турции" (*Fener Rum {Patrikligi} <*> (Ecumenical Patriarchy) v. Turkey*) от 15 июня 2010 г. (справедливая компенсация), жалоба № 14340/05, §§ 35, 198, Постановление Европейского Суда по делу "Стойчева против Болгарии" (*Stoycheva v. Bulgaria*) от 19 июля 2011 г., жалоба № 43590/04). Соответственно, учитывая свои выводы в настоящем деле и тот факт, что заявительница не получила какой-либо компенсации при прекращении права собственности на квартиру в период внутригосударственного разбирательства, Европейский Суд полагает, что наиболее целесообразными формами возмещения были бы восстановление права собственности заявительницы на квартиру и отмена решения о ее выселении. Таким образом, заявительница была бы поставлена, насколько это возможно, в положение, эквивалентное тому, в котором она находилась бы, если бы нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции не было бы допущено (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Гладышева против Российской Федерации", § 106). В качестве альтернативы, если власти Российской Федерации более не владеют квартирой, или, если она была отчуждена иным способом, они должны гарантировать, что заявительница получит равноценную квартиру.

 <*> Здесь и далее по тексту слова на национальном языке набраны латинским шрифтом и выделены фигурными скобками.

87. Кроме того, Европейский Суд не сомневается в том, что заявительница испытала страдание и разочарование в связи с лишением ее имущества и выселением из ее жилища. Оценивая указанные обстоятельства на основе принципа справедливости, Европейский Суд присуждает заявительнице 5 000 евро в счет компенсации морального вреда.

В. СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ И ИЗДЕРЖКИ

88. Заявительница также требовала выплаты компенсации судебных расходов и издержек, понесенных в судах страны и в Европейском Суде, которые кратко изложены в таблице (см. ниже).

Таблица

Судебная пошлина	Выдача доверенности	Судебные издержки		Экспертная оценка квартиры	Почта/перевод
		Внутригосударственные разбирательства	Разбирательство в Европейском Суде		

9 233 рубля	1 100 рублей	30 000 долларов США	10 000 евро	3 600 рублей	7 302 рубля 43 копейки/10 120 рублей
----------------	--------------	---------------------	-------------	--------------	--

89. Власти Российской Федерации просили Европейский Суд отклонить требование заявительницы о компенсации судебных расходов и издержек, понесенных во внутрисударственном разбирательстве (юридические и судебные издержки), поскольку они считали их не имеющими отношения к делу, рассматриваемому Европейским Судом. Они отметили, что некоторые из расходов, требуемых для компенсации заявительницей, не были подтверждены соответствующими квитанциями.

90. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в той части, в которой они были действительно понесены, являлись необходимыми и разумными по размеру. В настоящем деле, принимая во внимание предоставленные ему документы и вышеприведенные критерии, Европейский Суд считает необходимым присудить заявительнице по всем ее жалобам 3 200 евро в качестве компенсации понесенных ею судебных расходов и издержек.

С. ПРОЦЕНТНАЯ СТАВКА ПРИ ПРОСРОЧКЕ ПЛАТЕЖЕЙ

91. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Суд:

- 1) объявил единогласно жалобу приемлемой для рассмотрения по существу;
- 2) постановил шестью голосами "за" при одном - "против", что имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции;
- 3) постановил единогласно, что отсутствует необходимость в рассмотрении жалобы на основании статьи 8 Конвенции;
- 4) постановил шестью голосами "за" при одном - "против", что:
 - (a) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции обеспечить адекватными средствами восстановление права собственности заявительницы на квартиру и отмену решения о ее выселении; в качестве альтернативы, если власти более не владеют квартирой, или, если она была отчуждена иным образом, государство-ответчик должно гарантировать, что заявительница получит равноценную квартиру;
 - (b) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявительнице следующие суммы, подлежащие переводу в валюту государства-ответчика по курсу, который будет установлен на день выплаты:
 - (i) 5 000 евро (пять тысяч евро) в качестве компенсации морального вреда, а также любой налог, подлежащий начислению на указанную сумму, подлежащие переводу в рубли по курсу, действующему на дату выплаты;
 - (ii) 3 200 евро (три тысячи двести евро), а также любой налог, обязанность уплаты которого может быть возложена на заявительницу в связи с указанной суммой, в качестве компенсации судебных расходов и издержек;

(b) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

5) отклонил единогласно оставшуюся часть требований заявительницы о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 17 ноября 2016 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Председатель
Палаты Суда
АНДРАШ ШАЙО

Секретарь
Секции Суда
АБЕЛ КАМПУШ

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к Постановлению прилагается особое мнение судьи Андраша Шайо.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ АНДРАША ШАЙО

К сожалению, я вынужден не согласиться с Постановлением по настоящему делу по причинам, изложенным в деле "Поняева и другие против Российской Федерации" (Ponyayeva and Others v. Russia) (жалоба № 63508/11). В данном деле новая информация о мошенничестве была получена только после покупки квартиры заявительницей. Что касается поиска баланса между различными интересами в деле, примечательно, что Европейский Суд вынес постановление о полном восстановлении права собственности заявительницы, хотя лицо, имеющее право на социальное жилье, проживает в квартире с 2010 года. Европейский Суд не указывает, какие органы должны быть привлечены к ответственности, но ссылается только на "множество органов власти, выдавших свидетельство о праве собственности на квартиру" (см. § 53 настоящего Постановления). По сути органы, выдававшие документы, департамент и городской комитет, действовали в официальном качестве. В определенный момент нотариус также принимал участие (выдавший свидетельство о праве на наследство, см. § 9 настоящего Постановления). Настоящее Постановление (хотя и не "родственное" с предыдущим постановлением) ссылается в соответствующем разделе "Соответствующие законодательство Российской Федерации и правоприменительная практика" на Основы законодательства о нотариате 1993 года, которые указывают на то, что нотариус осуществляет нотариальные действия от имени Российской Федерации (см. § 47 настоящего Постановления). Европейский Суд считает достаточным, что нотариус и государственные органы были задействованы в различных решениях, которые привели к тому, что похищенная государственная собственность была продана третьему лицу, добросовестной приобретательнице. Мы не знаем, была ли совершена какая-либо профессиональная ошибка нотариусом, частным специалистом. Меня беспокоит, что это может привести к расширению нотариальной ответственности по всей Европе, а также к расширению ответственности государства согласно международному праву за деяния частных специалистов.

**Дело "Поняева и другие (Ponyayeva and others) против Российской Федерации":
Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 ноября 2016 года (жалоба № 63508/11)**

Доступ:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=495620&dst=1000000001>

Перевод с английского языка Д.Г. Николаева.

Настоящее Постановление вступило в силу 24 апреля 2017 г. в соответствии с положениями пункта 2 статьи 44 Конвенции (примеч. редактора).

По делу "Поняева и другие против Российской Федерации" Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в составе:

Андраша Шайо, Председателя Палаты,

Мирьяны Лазаровой Трайковской,

Ханлара Гаджиева,

Паулу Пинту де Альбукерке,

Линос-Александра Сисилианоса,

Эрика Месе,

Дмитрия Дедова, судей,

а также при участии Абела Кампуша, Секретаря Секции Суда,

рассмотрев дело в закрытом заседании 13 сентября 2015 г., 6 сентября и 11 октября 2016 г.,

вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 63508/11, поданной против Российской Федерации в Европейский Суд по правам человека (далее - Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция) гражданками Российской Федерации Натальей Сергеевной Поняевой, Светланой Александровной и Анастасией Александровной Оленевыми (далее - первая - третья заявительницы соответственно, вместе - заявительницы) 6 октября 2011 г.

2. Интересы заявительниц представляли О. Макаркина, Е. Нахимова и М. Самородкина, адвокаты, практикующие в г. Москве. Власти Российской Федерации были представлены Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде Г.О. Матюшкиным.

3. Заявительницы, в частности, утверждали, что они были лишены квартиры в нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции и что их выселение являлось нарушением статьи 8 Конвенции.

4. 7 января 2014 г. Председатель Первой Секции решил применить правило 41 Регламента Суда и рассмотреть жалобу в приоритетном порядке, коммуницировав жалобы заявителей на нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции и статьи 8 Конвенции властям Российской Федерации. Оставшаяся часть жалобы была объявлена неприемлемой для рассмотрения по существу.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

5. Заявительницами по данному делу являются Наталья Сергеевна Поняева, родившаяся 7 июля 1978 г., и две ее дочери, Светлана и Анастасия Александровны Оленевы, родившиеся 18 марта 2006 г. и 11 июля 2000 г. соответственно. Заявительницы проживают в г. Москве.

А. Сделки в отношении квартиры, позднее приобретенной первой заявительницей

6. До приватизации квартира, расположенная по адресу: г. Москва, улица Свободы, 83-3-4, - находилась в собственности г. Москвы. Ол. проживал там в качестве нанимателя в рамках договора социального найма с городом.

7. 13 августа 2003 г. Ол. был осужден за ложное сообщение об акте терроризма. Он был освобожден от уголовной ответственности и помещен в психиатрическое учреждение для лечения.

8. 3 февраля 2004 г., когда Ол. еще проходил лечение в психиатрическом учреждении, неустановленное лицо обратилось за получением нового паспорта от его имени и попросило нотариуса Б. зарегистрировать две доверенности, уполномочивающие нескольких лиц осуществить действия с квартирой от имени Ол.

9. 9 марта 2004 г. Департамент жилищной политики и жилищного фонда г. Москвы (далее - Департамент жилищной политики) передал право собственности на квартиру Ол. в соответствии с планом приватизации. Договор приватизации от имени Ол. был подписан лицом, действующим на основании доверенности от 3 февраля 2004 г., и впоследствии был зарегистрирован Управлением Федеральной службы государственной регистрации по г. Москве (далее - Управление службы регистрации).

10. 1 апреля 2004 г. Б. и К. купили квартиру у Ол. Управление службы регистрации 13 апреля 2004 г. внесло сведения о сделке в реестр и выдало соответствующий документ, подтверждающий право собственности Б. и К. на квартиру.

11. 12 января 2005 г. Тушинский районный суд г. Москвы удовлетворил иск Б. к Ол. В частности, суд установил что последний утратил право проживать в квартире и аннулировал его регистрацию по месту жительства.

12. 10 марта 2006 г. Б. и К. продали квартиру первой заявительнице. Управление службы регистрации внесло сведения о сделке в реестр и выдало соответствующее свидетельство, подтверждающее право собственности первой заявительницы на квартиру.

В. Отмена права собственности первой заявительницы на квартиру и разбирательство о выселении

13. 31 января 2006 г. в прокуратуру поступило заявление от Н., знакомой Ол., в котором она утверждала, что последнего обманым путем лишили квартиры. 14 марта 2006 г. районный отдел внутренних дел в этой связи возбудил уголовное дело. Как утверждали власти Российской Федерации, расследование все еще продолжается.

14. 14 мая 2008 г. межрайонная прокуратура предъявила иск от имени Ол. и Департамента жилищной политики о признании недействительной приватизации и последующих сделок в отношении квартиры.

15. 2 июля 2010 г. районный суд удовлетворил иск прокурора. В частности, было установлено, что подписи Ол. на доверенности, уполномочивающей третьих лиц действовать от его имени в отношении квартиры, и его подписи на других документах были подделаны. Районный суд признал, что первая заявительница являлась добросовестной приобретательницей квартиры. Тем не менее он

постановил, что дело подпадает под одно из двух исключений из защиты права собственности добросовестного приобретателя, которые требовали, чтобы приоритет был отдан предыдущему владельцу, в данном случае г. Москве. В этой связи районный суд пришел к выводу, что права Ол. могли быть надлежащим образом защищены только путем восстановления права собственности г. Москвы в отношении квартиры. Право собственности первой заявительницы на квартиру было прекращено, и оно перешло к г. Москве. Кроме того, суд признал право Ол. проживать в квартире и распорядился о выселении заявительниц. Заявительницы обжаловали решение.

16. 6 апреля 2011 г. Московский городской суд, рассмотрев кассационную жалобу, оставил по существу в силе решение суда от 2 июля 2010 г.

17. Как утверждали власти Российской Федерации, право собственности на квартиру не было передано г. Москве, и заявительницы продолжали проживать в квартире.

II. Соответствующее законодательство Российской Федерации и правоприменительная практика

A. Федеральный закон "О регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним"

18. Согласно Федеральному закону "О регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним", принятому 21 июля 1997 г. (с изменениями), государство подтверждает возникновение, ограничение (обременение), переход или прекращение прав на недвижимое имущество посредством государственной регистрации (статья 2). После получения органами государственной регистрации заявления о государственной регистрации права на недвижимое имущество они обязаны провести экспертизу в отношении законности сделок, лежащих в основе приобретения, перехода или прекращения права собственности. Они обязаны установить отсутствие противоречий в заявляемых правах на такое имущество и проверить, подлежит ли заявление удовлетворению (пункт 1 статьи 13). При подаче заявления о государственной регистрации стороны сделки, лежащей в основе приобретения, перехода или прекращения прав на недвижимое имущество, должны предъявить действительные документы, удостоверяющие личность. Если заявление подано представителем участника(-ов), то он или она должны представить нотариальную доверенность (пункты 1 и 2 статьи 16).

B. Гражданский кодекс Российской Федерации

19. Соответствующие положения Гражданского кодекса Российской Федерации предусматривают следующее:

"...Статья 167. Общие положения о последствиях недействительности сделки

1. Недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения.

2. При недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость в деньгах - если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом.

3. Если из содержания оспоримой сделки вытекает, что она может быть лишь прекращена на будущее время, суд, признавая сделку недействительной, прекращает ее действие на будущее время...

Статья 302. Истребование имущества от добросовестного приобретателя

1. Если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать (добросовестный приобретатель), то собственник вправе

истребовать это имущество от приобретателя в случае, когда имущество утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли.

2. Если имущество приобретено безвозмездно от лица, которое не имело права его отчуждать, собственник вправе истребовать имущество во всех случаях.

3. Деньги, а также ценные бумаги на предъявителя не могут быть истребованы от добросовестного приобретателя".

С. Прецедентная практика Конституционного Суда Российской Федерации

20. Постановлением от 21 апреля 2003 г. № 6-П <1> Конституционный Суд истолковал статью 167 Гражданского кодекса как не позволяющую первоначальному собственнику истребовать имущество у добросовестного приобретателя в отсутствие специальной законодательной нормы. Однако на основании статьи 302 Гражданского кодекса может быть предъявлен виндикационный иск при наличии условий, указанных в пунктах 1 и 2 данной статьи, в частности, если имущество выбыло из его владения помимо их воли или если имущество приобретено безвозмездно.

<1> Имеется в виду Постановление Конституционного Суда Российской Федерации "По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева" (примеч. редактора).

Д. Постановление Пленума Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации

21. Еще одно толкование статьи 302 Гражданского кодекса было дано Пленумами Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. В их совместном Постановлении от 29 апреля 2010 г. № 10/22 "О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав" указано следующее:

"...39. По смыслу пункта 1 статьи 302 ГК РФ собственник вправе истребовать свое имущество... независимо от возражения ответчика о том, что он является добросовестным приобретателем, если докажет факт выбытия имущества из его владения... помимо их воли.

Недействительность сделки... не свидетельствует сама по себе о его выбытии из владения передавшего это имущество [собственника] помимо его воли. Судам необходимо устанавливать, была ли воля собственника на передачу владения [имущества] иному лицу".

22. В своем Определении от 27 января 2011 г. № 188-О-О <2> Конституционный Суд Российской Федерации основывался на толковании статьи 302 Гражданского кодекса, содержащемся в вышеуказанном постановлении Пленума Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации при проверке соответствия этой статьи Конституции.

<2> Имеется в виду Определение Конституционного Суда Российской Федерации "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Андропова Дмитрия Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 177, статьей 301 и пунктом 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации" (примеч. редактора).

**Е. Обзор судебной практики по делам, связанным
с истребованием жилых помещений от добросовестных
приобретателей, по искам органов государственной власти
и органов местного самоуправления**

23. 1 октября 2014 г. Президиум Верховного Суда Российской Федерации утвердил Обзор судебной практики по делам, связанным с истребованием жилых помещений от добросовестных приобретателей, по искам государственных органов и органов местного самоуправления. Он, в частности, указал следующее:

"...Недействительность сделки по отчуждению жилого помещения сама по себе не свидетельствует о выбытии недвижимого имущества из владения Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования помимо воли собственника.

Например, районным судом было отказано в удовлетворении исковых требований муниципального образования об истребовании у М. жилого помещения и признании права собственности на квартиру по следующим основаниям.

Установлено, что спорная квартира была предоставлена по договору социального найма Л. Л. представил поддельную справку о том, что [у него было право на внеочередное получение социального жилья]. Позднее право собственности на квартиру было передано Л. в порядке приватизации. Впоследствии Л. продал квартиру М.

Поскольку орган муниципального образования являлся стороной не только договора социального найма, но и договора передачи квартиры, имел возможность проверить соответствие действительности представленных Л. документов, однако не проявил должной осмотрительности, суд пришел к правильному выводу о том, что спорное жилое помещение было отчуждено муниципальным образованием и передано во владение Л. по воле собственника жилищного фонда и в силу пункта 1 статьи 302 ГК РФ не могло быть истребовано от добросовестного приобретателя М., приобретшего его у Л. по договору купли-продажи...

Если ответчиком недвижимое имущество приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, и между истцом и ответчиком отсутствуют договорные отношения, то независимо от избранного истцом способа защиты права (то есть заявление требования об истребовании жилого помещения из чужого незаконного владения, либо заявление требования о признании недействительными сделок по отчуждению жилого помещения, либо заявление таких требований одновременно) применяются правила статей 301, 302 ГК РФ.

Так, районным судом было рассмотрено дело по иску прокурора района, действующего в интересах муниципального образования, к М., С., Н. о признании недействительными договора социального найма, договора передачи квартиры в собственность граждан, договора дарения квартиры, договора купли-продажи квартиры, применении последствий недействительности ничтожных сделок, возвращении квартиры в собственность муниципального образования.

Судом установлено, что спорная квартира находилась в муниципальной собственности, была отнесена к специализированному жилищному фонду и подлежала предоставлению только гражданам, признанным нуждающимися в предоставлении специализированного жилого помещения по договору безвозмездного пользования. Однако руководителем управления социальной защиты населения данное жилое помещение было предоставлено по договору социального найма М. и впоследствии ею приватизировано.

М. подарила данную квартиру С., который в свою очередь заключил договор купли-продажи с Н.

Согласно [совместному Постановлению Пленума Верховного Суда и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации] в ситуации, когда предъявлен иск о признании недействительными сделок по отчуждению имущества, в том числе к лицу, приобретшему имущество у лица, которое не имело права его отчуждать, следует иметь в виду правила, установленные статьями 301, 302 ГК РФ.

Поскольку окончательное требование, заявленное истцом, состояло в возврате ему спорного имущества, суд применил при рассмотрении данного дела положения статей 301, 302 ГК РФ. Установив, что спорная квартира была передана собственником в оперативное управление управлению социальной защиты населения и выбыла из владения последнего по его воле, а Н. приобрела спорное имущество у лица, не имевшего права его отчуждать, возмездно и добросовестно, отказал в удовлетворении требований о признании недействительности договора дарения квартиры, договора купли-продажи квартиры (то есть второй и третьей сделок по отчуждению имущества), применении последствий недействительности сделок, возвращении квартиры в собственность муниципального образования.

Вместе с тем... суд признал, что требования прокурора в части признания недействительными договоров социального найма и передачи квартиры в собственность М. являются обоснованными и подлежат удовлетворению, поскольку договоры заключены с нарушением требований законодательства в отношении жилого помещения, входившего в специализированный жилищный фонд.

При этом суд указал, что муниципальное образование имеет законный интерес в признании недействительными указанных ничтожных сделок независимо от отказа в применении последствий их недействительности, поскольку впоследствии оно вправе обратиться в суд с требованиями к лицам, нарушившим право собственности муниципального образования, о возмещении убытков".

**Ф. Рассмотрение дела Гладышевой (см. Постановление
Европейского Суда по делу "Гладышева против Российской
Федерации" (Gladysheva v. Russia) от 6 декабря 2011 г.,
жалоба № 7097/10 <1>)**

<1> См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 6 (примеч. редактора).

24. В неустановленную дату власти города Москвы предъявил иск к Гладышевой и предыдущим владельцам квартиры В. и Е., требуя восстановления права собственности на квартиру, которую приобрела Гладышева, и ее выселения. Вопрос был дважды рассмотрен судами Российской Федерации в двух инстанциях. Краткий обзор соответствующего внутригосударственного законодательства и практики изложен в Постановлении Европейского Суда по делу "Гладышева против Российской Федерации", §§ 18 - 34.

25. 13 мая 2010 г. Московский городской суд, рассмотрев жалобу, оставил решение от 9 июля 2009 г. без изменения.

26. 30 августа 2011 г. Верховный Суд Российской Федерации отменил решения от 9 июля 2009 г. и 13 мая 2010 г., постановив следующее:

"С данным выводом [в постановлениях от 9 июля 2009 г. и 13 мая 2010 г.] согласиться нельзя, поскольку он основан на неправильном применении норм материального права...

Согласно пункту 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации, если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать (добросовестный приобретатель), то собственник вправе истребовать это имущество от приобретателя в случае, когда имущество утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли.

По смыслу вышеназванных норм закона суд должен установить, что имущество выбыло из владения собственника или из владения лица, которому оно было передано собственником во владение, в силу указанных выше обстоятельств, а также то, что приобретатель приобрел имущество возмездно и что он не знал и не мог знать о том, что имущество приобретено у лица, не имевшего права на его отчуждение. Приобретатель не может быть признан добросовестным, если к

моменту совершения возмездной сделки в отношении спорного имущества имелись притязания третьих лиц, о которых ему было известно, и если такие притязания впоследствии признаны в установленном порядке правомерными...

...[Нижестоящими судами]... доказательства, на основании которых сделан вывод о том, что спорное имущество выбыло из владения собственника помимо его воли, не приведены...

...[Районный суд] признал право собственности г. Москвы на спорную квартиру и указал на то, что это имущество выбыло из владения собственника помимо его воли. Однако суд не учел, что переход права собственности состоялся посредством передачи жилого помещения из собственности г. Москвы в собственность Е. Соответственно, [город Москва] являлся участником оспариваемой сделки... и выразил свою волю на ее отчуждение в пользу Е."

27. 10 февраля 2012 г. Черемушкинский районный суд г. Москвы повторно рассмотрел дело. Он отклонил исковые требования Департамента жилищной политики и жилищного фонда против Гладышевой и постановил следующее:

"...Для рассмотрения исков об истребовании имущества [судам] необходимо, в частности, рассмотреть, произошла ли потеря имущества собственником независимо его или ее воли...

...[Департамент муниципального жилья] утверждает, что Е. не состояла в браке с М. и, следовательно, не могла переехать в квартиру в качестве члена семьи и... не имела права на ее приватизацию.

Однако суд считает, что сам по себе этот факт не является существенным для рассмотрения спора, поскольку не подтверждает, что [Департамент жилищной политики и жилищного фонда] не имел намерения передать имущество [Е.].

Судом было установлено... что Е. переехала в квартиру, была там зарегистрирована, заключила договоры социального найма, приватизации, ее право собственности на квартиру было зарегистрировано после разрешения государственных органов, которые обязаны проверять соответствующие документы, представленные сторонами для одобрения их сделок.

...[Д]епартамент не отрицает, что уполномоченные должностные лица проверили документы, представленные Е. для заключения договоров социального найма и приватизации, и что они не сомневались в их подлинности.

Соответственно, передача права собственности на квартиру от города Москвы Е. осуществлялась путем приватизации. [Департамент] был участником этой передачи... и выразил свое согласие на передачу [квартиры] Е.

...Поскольку было установлено, что Департамент добровольно передал право собственности на квартиру [Е.], суд не может согласиться со ссылкой истца на статьи 301 и 203 Гражданского кодекса Российской Федерации... Учитывая, что Е. законно приобрела право собственности на квартиру, отсутствуют основания для признания недействительными [предыдущих действий] в отношении квартиры...

30 марта 2005 г. Департамент добровольно заключил договор социального найма с Е. в отношении квартиры.

При предоставлении квартиры Е. в рамках договора социального найма Департамент был обязан проверить, почему предыдущий наниматель М. выехал из квартиры и почему Е. переехала в квартиру... Однако Департамент не проверил указанные обстоятельства, и, разрешив Е. переехать в квартиру, он прекратил право собственности города на квартиру.

[Районный] суд не принимает довод Департамента, что от него не требовалось проверять [вышеизложенные обстоятельства]. В соответствии с [применимым законодательством] Департамент муниципального жилья обязан проверить, соответствуют ли [сделки с недвижимостью] закону, чего он не сделал...

[Районный] суд [далее] полагает, что Департамент жилья пропустил [трехлетний] срок исковой давности для его требований. Равно как и не представил никаких объяснений относительно этого. Соответственно, [районный] суд соглашается с доводом Гладышевой о применении срока исковой давности.

С учетом вышеизложенного [районный] суд полагает, что требования Департамента жилья... должны быть отклонены".

28. 5 апреля 2012 г. Черемушкинский районный суд г. Москвы оставил без рассмотрения кассационную жалобу Департамента жилищной политики и жилищного фонда на решение от 10 февраля 2012 г. как поданную за пределами применимого срока давности.

29. 29 июня 2012 г. Московский городской суд, рассмотрев жалобу, оставил решение от 5 апреля 2012 г. без изменения.

Г. Применение статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в гражданском споре между Департаментом муниципального жилья и добросовестным приобретателем

30. 3 ноября 2015 г. Верховный Суд Российской Федерации, выступая в качестве суда кассационной инстанции, рассмотрел дело В., чья квартира была возвращена в собственность г. Москвы, несмотря на то, что В. являлся добросовестным приобретателем. Верховный Суд Российской Федерации отменил предыдущие постановления, вынесенные в пользу г. Москвы, и указал следующее:

"...При рассмотрении настоящего дела судами были допущены существенные нарушения норм материального и процессуального права такого характера, которые повлекли за собой вынесение незаконных судебных постановлений, выразившихся в следующем.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования [Департамента жилищной политики и жилищного фонда г. Москвы] [о прекращении права собственности В. на квартиру, выселении семьи В. из спорного жилого помещения], суд исходил из того, что К. [которому квартира была первоначально передана по социальному найму] умер 7 мая 2008 г. Соответственно, все сделки, совершенные в отношении спорной квартиры после его смерти, совершены в отсутствие его волеизъявления и являются ничтожными в силу закона. Поскольку К. не выразил свою волю на приобретение занимаемой им квартиры в собственность, суд пришел к выводу о том, что спорная квартира, являющаяся муниципальным жильем, выбыла из владения г. Москвы помимо воли собственника. Департаменту жилищной политики и жилищного фонда г. Москвы не было и не могло быть известно, что квартира была передана в собственность К. по подложным документам. С учетом изложенного возникла необходимость защиты вещного права города г. Москвы с использованием правового механизма, установленного статьей 302 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Верховный Суд Российской Федерации полагает выводы судов основанными на неправильном применении норм материального права, регулирующих возникшие правоотношения. При разрешении спора судами не были приняты во внимание имеющие значение для правильного разрешения дела обстоятельства, что привело к вынесению незаконных судебных решений.

В соответствии с пунктом 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать (добросовестный приобретатель), то собственник вправе истребовать это имущество от приобретателя в случае, когда имущество утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли.

Как разъяснено в пункте 39 совместного Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 10/22 по смыслу пункта 1 статьи 302 ГК РФ собственник вправе истребовать свое имущество... независимо от возражения ответчика о том, что он является добросовестным приобретателем, если докажет факт выбытия имущества из его владения... помимо их воли.

Недействительность сделки... не свидетельствует сама по себе о его выбытии из владения передавшего это имущество [собственника] помимо его воли. Судам необходимо устанавливать, была ли воля собственника на передачу владения [имущества] иному лицу.

Однако суды не учли разъяснения, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

При разрешении спора судом был установлен факт заключения договора передачи спорной квартиры в собственность К. по поддельным документам, который, по мнению суда, делал данную сделку недействительной. Суд без установления действительной воли собственника спорного жилого помещения по распоряжению принадлежащим ему объектом недвижимости пришел к выводу о том, что квартира выбыла из собственности г. Москвы в отсутствие намерения ее отчуждения.

Между тем данный вывод суда является ошибочным. Являясь стороной не только договоров социального найма, но и договора передачи квартиры в собственность К., Департамент жилищной политики и жилищного фонда г. Москвы был обязан и имел возможность проверить подлинность документов, представленных при заключении соответствующих договоров, но не сделал этого.

Как следует из материалов дела, на момент заключения с К. договоров социального найма квартиры, находящейся по адресу... (1 и 27 октября 2009 г.), и договора приватизации данной квартиры (3 ноября 2009 г.), К. с 14 ноября 2008 г. находился в федеральном розыске, а кроме того, в отношении спорной квартиры был установлен информационный учет.

Вся приведенная выше информация была доступна для должностных лиц Департамента жилищной политики и жилищного фонда г. Москвы. Однако договор передачи жилого помещения в собственность К. был заключен 3 ноября 2009 г., то есть в тот же день, когда от его имени в Управление Департамента жилищной политики и жилищного фонда... поступило заявление о приватизации спорной квартиры. Этот факт свидетельствует об отсутствии надлежащей и обязательной проверки документов, необходимых для [приватизации], со стороны Департамента жилищной политики и жилищного фонда г. Москвы.

Таким образом, не проявление Департаментом жилищной политики и жилищного фонда г. Москвы должной осмотрительности при совершении сделок со спорной квартирой... свидетельствует о наличии воли собственника... на отчуждение спорного жилого помещения.

С учетом изложенного спорное жилое помещение в силу пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации не могло быть истребовано от добросовестного приобретателя В., приобретшего его по договору купли-продажи от 5 августа 2011 г."

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции

31. Заявительницы жаловались на то, что они были лишены имущества в нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, которая в соответствующих частях предусматривает:

"Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения не умаляют права Государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов".

А. Приемлемость жалобы

1. Совместимость *ratione materiae* <1>

<1> *Ratione materiae* (лат.) - ввиду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения", критерий существования обращения, применяемый при оценке приемлемости жалобы Европейским Судом (примеч. переводчика).

32. Власти Российской Федерации утверждали, что единственной собственницей квартиры являлась первая заявительница, и вторая и третья заявительницы не могли считаться жертвами нарушения их прав, гарантированных статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции.

33. Заявительницы не представили своих комментариев.

34. В этой связи Европейский Суд напоминает, что концепция "имущества", отраженная в первом абзаце статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, имеет автономное значение, которое не ограничивается правом собственности в отношении материального имущества и не зависит от формальной классификации по внутригосударственному праву. Как и материальное имущество, некоторые иные права и интересы, представляющие собой активы, могут также рассматриваться как "имущественные права" и, таким образом, как "имущество" по смыслу данного положения. В каждом деле необходимо исследовать вопрос о том, был ли заявитель наделен при обстоятельствах дела, взятых в целом, титулом на действительный интерес, защищаемый статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции (см. в числе недавних примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Компания Centro Europa 7 S.r.l. и Ди Стефано против Италии" (*Centro Europa 7 S.r.l. and Di Stefano v. Italy*), жалоба № 38433/09, § 171, ECHR 2012).

35. Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Европейский Суд отмечает, что, хотя первая заявительница являлась законной владелицей и имела право собственности в отношении квартиры, составлявшей ее "имущество" для целей статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, вторая и третья заявительницы не были собственниками квартиры и проживали там только в качестве дочерей первой заявительницы.

36. Европейский Суд не исключает возможности того, что лицо, которое имеет право на пользование жильем, не являясь его собственником, может иметь имущественные права или интерес, признаваемые в соответствии с внутригосударственным законодательством, в отношении жилья, и такой интерес будет представлять его или ее "имущество", защищаемое статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Однако, по общему правилу, право проживать в определенном недвижимом имуществе, не принадлежащем заявителю, не составляет "имущество" по смыслу указанного положения (см. Решение Европейской комиссии по правам человека по делу "Дурини против Италии" (*Durini v. Italy*) от 12 января 1994 г., жалоба № 19217/91, *Decisions and Reports (DR)* 76B, с. 76 - 79, Решение Европейского Суда по делу "Н.Ф. против Словакии" (*H.F. v. Slovakia*) от 9 декабря 2003 г., жалоба № 54797/00, Решение Европейского Суда по делу "Буньевач против Словении" (*Bunjevac v. Slovenia*) от 19 января 2006 г., жалоба № 48775/09, Решение Европейского Суда по делу "Гачеша против Хорватии" от 1 апреля 2008 г., жалоба № 43389/02, и Решение Европейского Суда по делу "Бабенко против Украины" (*Babenko v. Ukraine*) от 4 января 2012 г., жалоба № 68726/10).

37. Европейский Суд далее отмечает, что в своих пояснениях заявительницы не ссылались на какие-либо положения законодательства Российской Федерации или фактическую информацию, которая позволила бы Европейскому Суду заключить, что их право на проживание представляет собой "имущество" по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции (см. в качестве противоположного примера Постановление Европейского Суда по делу "Маго и другие против Боснии и Герцеговины" (*Mago and Others v. Bosnia and Herzegovina*) от 3 мая 2012 г., жалобы NN 12959/05, 19724/05, 47860/06, 8367/08, 9872/09 и 11706/09, § 78). Соответственно, Европейский Суд

не считает, что эти заявительницы могут требовать, чтобы указанное положение было применимо к их делу. Отсюда следует, что в этой части жалоба, поданная второй и третьей заявительницами, несовместима *ratione materiae* с положениями Конвенции в значении пункта 3 статьи 35 Конвенции и подлежит отклонению в соответствии с пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

2. Исчерпание внутригосударственных средств правовой защиты

(a) Доводы сторон

38. Власти Российской Федерации утверждали, что первая заявительница не исчерпала находившиеся в ее распоряжении существующие внутригосударственные средства правовой защиты. Она могла предъявить иск о компенсации ущерба к лицам, которые продали ей квартиру. Власти Российской Федерации привели в качестве примера дело, в котором П., добросовестный приобретатель, успешно взыскал ущерб с продавца после того, как сделка была аннулирована судами.

39. Первая заявительница не представила каких-либо комментариев.

(b) Мнение Европейского Суда

40. Европейский Суд отмечает, что ранее он уже рассматривал вопрос об исчерпании эффективных средств правовой защиты в деле, когда заявительница была лишена жилья в результате прекращения ее права собственности на квартиру окончательным и исполнимым решением суда (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Гладышева против Российской Федерации", §§ 60 - 62 и 89). Европейский Суд заключил, что при наличии подобного решения в законодательстве Российской Федерации отсутствовали иные средства защиты, которые потенциально могли восстановить титул. Он также отметил, что возможность предъявления иска о возмещении ущерба при таких обстоятельствах не может лишить заявительницу статуса жертвы в целях жалобы на основании статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Этот иск также не мог рассматриваться как необходимый для соблюдения правила исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты в значении пункта 1 статьи 35 Конвенции. Наконец Европейский Суд заключил, что любые убытки, возмещения которых заявительницы могли требовать от продавца квартиры, могут учитываться лишь для целей оценки пропорциональности вмешательства и определения материального ущерба, если нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции будет установлено Европейским Судом и если в соответствии со статьей 41 Конвенции будет присуждена компенсация ущерба (см. там же, § 62).

41. Европейский Суд полагает, что эти соображения имеют значение в контексте настоящего дела. Власти Российской Федерации не привели каких-либо фактов или доводов, способных привести Европейский Суд к иному выводу. Соответственно, от первой заявительницы не требовалось прибегать к средствам правовой защиты, предложенным властями Российской Федерации. Таким образом, возражение властей Российской Федерации в этом отношении подлежит отклонению.

3. Заключение

42. Европейский Суд считает, что жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта "а" пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

В. Существо жалобы

1. Доводы сторон

(i) Первая заявительница

43. Первая заявительница полагала, что решение внутригосударственного суда аннулировать ее право собственности на квартиру и передать ее г. Москве не соответствовало действующему законодательству. Она утверждала, что в нарушение пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации суды не смогли установить, выбыла ли квартира из владения г. Москвы против воли властей города, что являлось условием для того, чтобы вернуть квартиру как утраченное имущество. Как только суды установили факт мошенничества в процессе приватизации квартиры, они автоматически заключили, что квартира выбыла из владения г. Москвы в отсутствие намерения ее отчуждения. Первая заявительница также утверждала, что обстоятельства ее дела имели большое сходство с рассмотренным Европейским Судом делом Гладышевой (упоминавшемся выше). Как и в том деле, истребуя квартиру, которую первая заявительница приобрела, власти возложили на нее чрезмерное бремя. Она приобрела имущество добросовестно, и они не обеспечили справедливое равновесие между своим решением истребовать имущество и интересами первой заявительницы. Первая заявительница также отметила, что государство несло ответственность за мошеннические действия в отношении квартиры. Власти были обязаны проверить соответствие этих сделок соответствующему законодательству. Однако они не смогли сделать это своевременно и надлежащим образом, и им удалось истребовать имущество у добросовестного приобретателя только при грубом пренебрежении интересами последнего.

(b) Власти Российской Федерации

44. Власти Российской Федерации признали, что истребование квартиры первой заявительницы властями г. Москвы и производство о выселении составляли вмешательство в ее права собственности. Они считали, что такое вмешательство было законным, преследовало законную цель защиты прав Ол., уязвимого лица, страдающего психическим заболеванием. Власти Российской Федерации согласились с тем, что первой заявительнице был причинен определенный финансовый ущерб в результате перехода квартиры в собственность г. Москвы. Тем не менее этот ущерб был причинен мошенническими действиями других лиц, и она могла взыскать компенсацию ущерба путем предъявления иска к лицу или лицам, продавшим ей квартиру. По мнению властей Российской Федерации, утрата недвижимого имущества при таких обстоятельствах не составляла непропорциональное бремя для первой заявительницы с учетом того обстоятельства, что она и ее дочери не были выселены и продолжали проживать в квартире. Если она считала себя нуждающейся в социальном жилье, она могла подать соответствующее заявление властям.

2. Мнение Европейского Суда

(a) Общие принципы

45. Общие принципы относительно защиты собственности установлены в прецедентной практике Европейского Суда (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Гладышева против Российской Федерации"):

"...64. Европейский Суд напоминает свою последовательную прецедентную практику о структуре статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции и порядке применения трех правил, содержащихся в этом положении (см. в числе многих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Дж.А. Пай (Оксфорд) Лтд" и "Дж.А. Пай (Оксфорд) Лэнд Лтд" против Соединенного Королевства" (J.A. Pye (Oxford) Ltd and J.A. Pye (Oxford) Land Ltd v. United Kingdom), жалоба № 44302/02, § 52, ECHR 2007-III... Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Брункрона против Финляндии" (Bruncrona v. Finland) от 16 ноября 2004 г., жалоба № 41673/98, §§

65 - 69, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Брониовский против Польши" (Broniowski v. Poland), жалоба № 31443/96, § 134, ECHR 2004-V).

65. Европейский Суд напоминает, что для соответствия общему правилу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции вмешательство должно соблюдать принцип законности и преследовать законную цель средствами, разумно пропорциональными преследуемой цели (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Бейелер против Италии" (Beyeler v. Italy), жалоба № 33202/96, §§ 108 - 114, ECHR 2000-I).

66. Вмешательство в право на уважение собственности, следовательно, должно устанавливать "справедливое равновесие" между потребностями общества или общим интересом и требованиями защиты фундаментальных прав лица. Необходимость достижения этого равновесия отражена в структуре статьи 1 как таковой, которая должна применяться с учетом общего принципа, изложенного в ее первом предложении. В частности, должно быть достигнуто разумное соотношение пропорциональности между применяемыми средствами и целью, преследуемой мерой, которая лишает лица его имущества или контролирует его использование. Условия компенсации по соответствующему законодательству имеют значение для оценки того, насколько оспариваемая мера учитывает требуемое справедливое равновесие, и возлагает ли она несоразмерное бремя на заявителя (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Бывший король Греции и другие против Греции" (Former King of Greece and Others v. Greece), жалоба № 25701/94, § 89, ECHR 2000-XII).

67. В этой связи изъятие имущества без уплаты суммы, разумно связанной с его стоимостью, обычно составляет несоразмерное вмешательство, которое не может быть оправдано с точки зрения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Однако это положение не гарантирует полной компенсации при всех обстоятельствах, поскольку законный "публичный интерес" может требовать возмещения в меньшем размере по сравнению с полной рыночной стоимостью (см., в частности, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Папахелас против Греции" (Papachelas v. Greece), жалоба № 31423/96, § 48, ECHR 1999-II).

68. Хотя статья 1 Протокола № 1 к Конвенции не содержит прямых процессуальных требований, данное разбирательство также должно предоставлять лицу разумную возможность представить свою позицию компетентным органам для цели эффективного оспаривания мер, представляющих вмешательство в права, гарантированные этим положением. Определяя, было ли данное условие соблюдено, необходимо всесторонне рассмотреть применимые процедуры (см., в частности, Постановление Европейского Суда по делу "Йокела против Финляндии" (Jokela v. Finland), жалоба № 28856/95, § 45, ECHR 2002-IV)..."

(b) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

(i) Имелось ли "имущество"

46. Европейский Суд учитывает свои предыдущие выводы относительно приемлемости жалобы (см. §§ 32 - 37 настоящего Постановления) и соглашается с тем, что квартира составляла имущество первой заявительницы для целей статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

47. Европейский Суд также полагает, что сложность фактической и правовой позиций в настоящем деле не позволяет отнести их к какой-либо категории, охватываемой вторым предложением первого абзаца или вторым абзацем статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Бейелер против Италии" (Beyeler v. Italy), жалоба № 33202/96, § 98, ECHR 2000-I). Соответственно, Европейский Суд считает, что обжалуемая ситуация подлежит рассмотрению с точки зрения этого общего правила (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Гладышева против Российской Федерации", § 71).

(ii) Имело ли место вмешательство

48. Европейский Суд отмечает, что сторонами не оспаривается, что отмена титула первой заявительницы на квартиру составляла вмешательство в ее права, предусмотренные статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Европейский Суд не усматривает оснований для иного вывода.

49. Соответственно, задача Европейского Суда в настоящем деле заключается в определении того, отвечало ли вмешательство требованию законности, не являлось ли оно произвольным, и было ли достигнуто справедливое равновесие между требованиями общего интереса и защитой фундаментальных прав лица (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Бейелер против Италии", § 107).

(ii) Являлось ли вмешательство законным

50. В части правомерности отмены права собственности первой заявительницы на квартиру и с учетом ее довода о том, что суды Российской Федерации не смогли установить условия, которые позволили бы властям г. Москве истребовать квартиру, Европейский Суд не исключает, что могут существовать определенные недостатки при применении внутригосударственного законодательства в настоящем деле. Однако к роли Европейского Суда не относятся толкование и определение точного значения законодательства государства-ответчика, эта задача, очевидно, является компетенцией внутригосударственных судов, которые должны определять законность обжалуемого вмешательства на основании национального права, и роль Европейского Суда в этом отношении ограничена (см. Постановление Европейского Суда по делу "Константин Стефанов против Болгарии" (*Konstantin Stefanov v. Bulgaria*) от 27 октября 2015 г., жалоба № 35399/05, § 61). Соответственно, Европейский Суд полагает, что ему не требуется разрешать данный вопрос, поскольку независимо от законности внутригосударственного вмешательства оно не отвечает требованию пропорциональности, как будет продемонстрировано в дальнейшем (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Гладышева против Российской Федерации", §§ 72 - 75).

(iv) Существовала ли законная цель

51. По той же причине Европейский Суд полагает, что, как утверждалось властями Российской Федерации, отмена права собственности первой заявительницы на квартиру преследовала общественный интерес в том, что она обеспечивала удовлетворение потребностей Ол., уязвимого лица, который изначально имел право проживать в квартире согласно договору социального найма. В любом случае Европейский Суд в целом учитывает в таких сферах, как жилищная, оценку законодателя относительного того, что отвечает общим интересам, если эта оценка не является явно необоснованной (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Компания "Иммубилларе Саффи" против Италии" (*Immobiliare Saffi v. Italy*), жалоба № 22774/93, § 49, ECHR 1999-V).

(v) Было ли установлено справедливое равновесие

52. При осуществлении своих полномочий по рассмотрению дела Европейский Суд должен оценить, удовлетворила ли оспариваемая мера требованию соразмерности. Он должен определить, было ли установлено требуемое равновесие способом, согласующимся с правом заявителя на уважение собственности, несмотря на пределы усмотрения, предоставленные государству (см. Постановление Европейского Суда по делу "Росиньский против Польши" от 17 июля 2007 г., жалоба № 17373/02, § 78).

53. Европейский Суд отмечает, что право собственности первой заявительницы было признано недействительным, поскольку приватизация квартиры третьим лицом была проведена мошенническим путем. Европейский Суд замечает в этой связи, что к исключительной компетенции государства относятся определение условий и порядка отчуждения своего имущества в пользу лиц, которых оно считает имеющими на него право, и контроль соблюдения этих условий. К исключительной компетенции государства также относится легализация перехода права собственности на квартиры посредством процедуры регистрации, специально направленной на обеспечение дополнительной безопасности обладателя права собственности. При таком количестве регулятивных органов, обеспечивающих чистоту титула на квартиру, ни первая заявительница, ни иное третье лицо, покупатель квартиры, не были обязаны оценивать риск прекращения права собственности в связи с недостатками, которые должны были быть устранены в рамках процедур, специально введенных для этих целей. Упущение властей не могло оправдать последующие

санкции против первой заявительницы (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Гладышева против Российской Федерации", § 79).

54. Европейский Суд учитывает тот факт, что в настоящем деле судебные органы были обязаны принять во внимание, что оно касалось столкновения частных интересов. В частности, на них была возложена обязанность защищать интересы Ол., который проходил принудительное стационарное лечение в психиатрическом учреждении с 2003 года, а также имел право проживать в квартире в качестве нанимателя по договору социального найма до того, как обманным путем он был лишен его. Как установлено ранее, учитывая, что все контролирующие органы санкционировали сделки, которые привели к утрате Ол. своих имущественных прав, было бы несправедливо исправлять данный недостаток за счет первой заявительницы.

55. Наконец, Европейский Суд отмечает, что первая заявительница была лишена права собственности без какой-либо компенсации и что она не могла рассчитывать на получение иного жилья от государства. В отношении довода властей Российской Федерации о том, что утрата заявительницей права собственности могла быть смягчена посредством подачи иска в суд о возмещении ущерба против продавцов квартиры, Европейский Суд признает, что подобная возможность действительно существовала. Однако при конкретных обстоятельствах дела ясно, что возмещение убытков не могло быть переложено на лицо, допустившее мошенничество, поскольку уголовное расследование, продолжавшееся с 2006 года, не установило виновного. Учитывая, что события происходили в 2004 году, шансы найти виновного практически отсутствуют на данном этапе. Довод властей Российской Федерации может быть истолкован только как предположение о том, что свое чрезмерное индивидуальное бремя заявительница перелагает на других добросовестных индивидуальных покупателей, и Европейскому Суду трудно установить, каким образом это могло бы улучшить равновесие между общественным интересом и необходимостью защиты прав отдельных лиц.

56. Принимая во внимание все вышеизложенные факторы, Европейский Суд считает, что органы государственной власти не обеспечили надлежащей экспертизы в отношении законности сделок с недвижимым имуществом. Однако первая заявительница не должна была предполагать наличие риска того, что ее право собственности на квартиру может быть прекращено в связи с указанным бездействием со стороны государственных органов в рамках процедур, специально предназначенных для предотвращения мошенничества при совершении сделок с недвижимым имуществом. В этой связи Европейский Суд напоминает, что ошибки или просчеты государственных органов должны служить выгоде заинтересованных лиц. Иными словами, риск любой ошибки, допущенной государственным органом, должно нести государство, и эти ошибки не должны устраняться за счет заинтересованного лица (см. Постановление Европейского Суда по делу "Столярова против Российской Федерации" (*Stolyarova v. Russia*) от 29 января 2015 г., жалоба № 15711/13, § 49, с дальнейшими отсылками). Европейский Суд, таким образом, приходит к выводу, что прекращение права собственности первой заявительницы на квартиру и его передача городу Москве при обстоятельствах дела составляли несоразмерное и чрезмерное бремя, возложенное на нее (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Гладышева против Российской Федерации", §§ 77 - 83).

57. Соответственно, имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

II. Предполагаемое нарушение статьи 8 Конвенции

58. Заявительницы жаловались на то, что выселение или решение об их выселении представляет собой нарушение их права на уважение жилища. Они ссылались на статью 8 Конвенции, которая предусматривает следующее:

"1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц".

59. Власти Российской Федерации признали, что решение внутригосударственных судов о выселении заявительниц составляло вмешательство в их права, предусмотренные статьей 8 Конвенции. Они полагали, что такое вмешательство было законным, преследовало законную цель защиты прав лиц, имеющих право на социальное жилье, и было соразмерно этой цели.

60. Заявительницы настаивали на своих жалобах.

61. Однако с учетом вывода, сделанного в контексте статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции (см. §§ 2 - 3 настоящего Постановления), Европейский Суд полагает, что отсутствует необходимость рассматривать вопрос о том, имело ли место в настоящем деле нарушение требований статьи 8 Конвенции (см. *mutatis mutandis* Постановление Европейского Суда по делу "Гюлер и Угур против Турции" от 2 декабря 2014 г., жалобы NN 31706/10 и 33088/10, §§ 58 - 59).

III. Применение статьи 41 Конвенции

62. Статья 41 Конвенции гласит:

"Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

А. Ущерб

63. Первая заявительница требовала выплаты 7 115 000 рублей в качестве компенсации материального ущерба и 30 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

64. Власти Российской Федерации оспаривали эти суммы как излишние, необоснованные и чрезмерные.

65. Европейский Суд учитывает, что он установил нарушение прав первой заявительницы, предусмотренных статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Он полагает, что существует очевидная причинно-следственная связь между установленным нарушением и ущербом, причиненным первой заявительнице.

66. Европейский Суд напоминает, что обычно приоритетом при применении статьи 41 Конвенции является *restitutio in integrum*, поскольку от властей государства-ответчика ожидается осуществление возмещения последствий нарушения таким способом, чтобы восстановить, насколько это возможно, положение, существовавшее до нарушения (см., в частности, Постановление Европейского Суда по делу "Пьерсак против Бельгии" (*Piersack v. Belgium*) (статья 50) от 26 октября 1984 г., § 12, Series A, № 85, Постановление Европейского Суда по делу "Тчитчинадзе против Грузии" (*Tchitchinadze v. Georgia*) от 27 мая 2010 г., жалоба № 18156/05, § 69, Постановление Европейского Суда по делу "Фенер Рум Патриклиги" (Вселенский патриархат) против Турции" (справедливая компенсация) от 15 июня 2010 г., жалоба № 14340/05, § 35, § 198, Постановление Европейского Суда по делу "Стойчева против Болгарии" (*Stoycheva v. Bulgaria*) от 19 июля 2011 г., жалоба № 43590/04). Соответственно, надлежащим образом учитывая свои выводы в настоящем деле и тот факт, что первая заявительница не получила компенсации за утрату права собственности на квартиру во время внутригосударственного разбирательства, Европейский Суд считает, что наиболее целесообразной формой возмещения было бы восстановление титула первой заявительницы на квартиру. Таким образом, первая заявительница была бы поставлена, насколько это возможно, в положение, эквивалентное тому, в котором она находилась бы, если бы нарушение

статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции не было бы допущено (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Гладышева против Российской Федерации", § 106). В качестве альтернативы, если власти Российской Федерации более не владеют квартирой или если она была отчуждена иным образом, они должны гарантировать, что первая заявительница получит равноценную квартиру.

67. Кроме того, Европейский Суд не сомневается в том, что первая заявительница испытала страдание и разочарование в связи с лишением ее имущества. Оценивая указанные обстоятельства на справедливой основе, Европейский Суд присуждает заявительнице 5 000 евро в качестве компенсации морального вреда, а также любые налоги, подлежащие начислению на указанную сумму.

В. Судебные расходы и издержки

68. Первая заявительница также требовала компенсации судебных расходов и издержек, понесенных во внутрисударственных судах и в Европейском Суде. В частности, она утверждала, что судебные издержки, понесенные ею во внутрисударственном разбирательстве, составляли 70 000 рублей, а при разбирательстве дела в Европейском Суде - 6 000 евро. Она также потратила 5 000 рублей на экспертную оценку стоимости квартиры.

69. Власти Российской Федерации просили Европейский Суд отклонить требование заявительницы о компенсации судебных расходов и издержек, понесенных во внутрисударственном разбирательстве, поскольку они считали его не имеющим отношения к делу, рассматриваемому Европейским Судом. Они отметили, что некоторые расходы не были подтверждены соответствующими квитанциями.

70. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в той части, в которой они были действительно понесены, являлись необходимыми и разумными по размеру. В настоящем деле с учетом представленных документов и вышеизложенных критериев Европейский Суд считает разумным присудить первой заявительнице 2 100 евро.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

71. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД:

1) объявил единогласно жалобу Поняевой на нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции приемлемой для рассмотрения по существу, а жалобу, поданную в соответствии с этим положением другими заявительницами - неприемлемой;

2) постановил шестью голосами "за" при одном - "против", что имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции;

3) постановил единогласно, что отсутствует необходимость в рассмотрении приемлемости или существа жалобы на основании статьи 8 Конвенции;

4) постановил шестью голосами "за" при одном - "против", что:

(а) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции обеспечить адекватными средствами полную реституцию титула первой заявительницы на квартиру. В качестве альтернативы, если власти более не владеют квартирой или если она была отчуждена иным образом,

власти государства-ответчика должны гарантировать, что первая заявительница получит равноценную квартиру;

(b) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить первой заявительнице следующие суммы, подлежащие переводу в валюту государства-ответчика по курсу, действующему на день выплаты:

(i) 5 000 евро (пять тысяч евро) в качестве компенсации морального вреда, а также любой налог, подлежащий начислению на указанную сумму, подлежащие переводу в рубли по курсу, действующему на день выплаты;

(ii) 2 100 евро (две тысячи сто евро), а также любой налог, обязанность уплаты которого может быть возложена на первую заявительницу в связи с указанной суммой, в качестве компенсации судебных расходов и издержек;

(b) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

5) отклонил единогласно оставшуюся часть требований первой заявительницы о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 17 ноября 2016 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Председатель
Палаты Суда
АНДРАШ ШАЙО

Секретарь
Секции Суда
АБЕЛ КАМПУШ

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к Постановлению прилагается особое мнение судьи Андраша Шайо.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ АНДРАША ШАЙО

В настоящем деле и схожих с ним (см. Постановление Европейского Суда по делу "Аленцева против Российской Федерации" (*Alentseva v. Russia*), жалоба № 31788/06 <1>, и Постановление Европейского Суда по делу "Пчелинцева и другие против Российской Федерации" (*Pchelintseva and Others v. Russia*), жалоба № 47724/07 и другие <2>) Европейский Суд расширил ответственность органов власти и, соответственно, государства в контексте статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Я испытываю трудности в понимании подобного подхода и поэтому при всем уважении вынужден не согласиться с ним.

<1> См.: Российская хроника Европейского Суда. 2017. № 3 (примеч. редактора).

<2> См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2017. № 11 (примеч. редактора).

В настоящем деле Ол., наниматель жилья, утратил право на проживание в квартире в ходе лечения в психиатрической больнице. Неустановленному лицу, действующему на основании поддельной доверенности, удалось незаконно продать приватизированную квартиру третьим лицам, которые продали ее заявительнице. Эта покупка была аннулирована по решению суда, поскольку первая сделка была мошеннической, иными словами, поскольку Ол. не стал владельцем.

Было вынесено решение о возвращении имущества в собственность города Москвы. Заявительница продолжает проживать в данной квартире.

В предыдущем деле (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Гладышева против Российской Федерации") Европейский Суд установил нарушение в сопоставимом случае. В том деле утверждалось, что, поскольку подделка документов произошла в контексте различных актов государственной регистрации, органы государственной власти должны были обнаружить ее. Поэтому ответственность за приватизацию и другие сделки по передаче имущества, которые в результате привели к лишению имущества первоначального владельца, а именно города Москвы, должно было нести государство, которое не может истребовать обратно свое имущество <3>.

<3> В настоящем деле предполагалось, что О.И., который имел право на проживание и право на получение квартиры в порядке приватизации, также утратил свои права и жилье (см. статью 8 Конвенции в отношении права на жилище).

Такой подход поднимает ряд вопросов:

1. Подход Европейского Суда не учитывает принцип *caveat emptor* <4> и возлагает обязанность на продавца, утверждая, что государство как продавец имеет публичные правовые обязанности. Это, однако, не может изменить правило *caveat emptor*, которое применяется в Российской Федерации. Европейский Суд придерживается иной точки зрения: "первая заявительница не должна была предполагать наличие риска того, что ее право собственности на квартиру может быть прекращено в связи с указанным бездействием со стороны государственных органов в рамках процедур, специально предназначенных для предотвращения мошенничества при совершении сделок с недвижимым имуществом" (см. § 56 настоящего Постановления). Иными словами, Европейский Суд полагает, что правило *caveat emptor* применимо.

<4> *Caveat emptor* (лат.) - пусть покупатель будет осмотрителен (примеч. переводчика).

Из этого следует, что, вопреки прецедентному праву, Европейский Суд берет на себя полномочия определять, что составляет собственность, невзирая на то, что представляет собой имущественное требование во внутригосударственном законодательстве. Это законодательство гласит, что покупатель несет определенные риски, и тот факт, что объем имущественных прав ограничен, не учитывается: Европейский Суд как будто бы говорит, что покупка подразумевает меньшие риски, независимо от внутригосударственного законодательства. Между прочим, при этом он не учитывает более двух тысяч лет традиций римского права.

После этой серии постановлений у Европейского Суда будут возникать трудности при отклонении жалоб недовольных покупателей по всей Европе, которые приобрели имущество у мошенников, и утверждающих, что власти не заметили мошенничества или, возможно, какое-либо введение в заблуждение. Подход, который относится к покупке квартиры, являвшейся однажды собственностью Департамента жилищной политики, будет применяться ко всем актам купли-продажи недвижимости.

2. Статья 302 Гражданского кодекса Российской Федерации признает различные исключения из правила *caveat emptor*, направленные на защиту добросовестных приобретателей. Хотя у меня есть серьезные сомнения в добросовестности некоторых покупателей (приобретающих ниже рыночной цены), мне приходится принимать правовую квалификацию внутригосударственных судов, которые признали заявительницу добросовестной приобретательницей.

Постановление ссылается на толкование статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации Верховным Судом Российской Федерации: "на суд возложена обязанность установить, выразил ли собственник свою волю передать [имущество] другому лицу".

В настоящем деле внутригосударственный суд рассмотрел данный вопрос и выяснил, что владелец не был намерен передавать собственность. Было установлено, что отсутствовали условия применения статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации, как было определено Верховным Судом. Я предполагаю, что статья 302 Гражданского кодекса и ее толкование имеют большое значение в настоящем деле, так как иначе она не была бы упомянута в соответствующем законодательстве Российской Федерации. Однако данный вопрос даже не упоминается в Постановлении.

3. Вместо этого Европейский Суд создал своего рода абсолютную ответственность государственных органов, участвовавших в гражданской и имущественной регистрации. Европейский Суд не ссылался на какой-либо консенсус в Европе в этом вопросе. Я нахожу удивительным предполагать, что очевидные объективные обязанности государства по обеспечению сделок с недвижимостью и регистрации актов гражданского состояния являются позитивным обязательством государства по статье 1 Протокола № 1 к Конвенции. Конечно, "подлинно эффективное осуществление права, гарантированного этим положением, зависит не только от обязанности государства не вмешиваться, но может потребовать принятия позитивных мер защиты, особенно там, где существует прямая связь между мерами, которые заявитель вправе ожидать от властей, и эффективным осуществлением своих прав собственности" (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Енерилдыз против Турции", жалоба № 48939/99, § 134, ECHR 2004-XII).

Однако эти позитивные меры являются в основном мерами общего характера (непринятие мер по обнаружению и регистрации сейсмических волн или других мер общего характера может быть проблемой). Это позитивное обязательство не может отождествляться с позитивными обязательствами государства для защиты жизни или иных обязательств по статье 3 Конвенции в отношении бесчеловечного и унижающего достоинство обращения со стороны частных лиц, а именно для осуществления эффективной правовой системы защиты. Позитивное обязательство иметь эффективную систему расследования уголовного дела (что не влечет обязательство результата, а только средств) не может быть перенесено на защиту права собственности, с повышенными требованиями, включая обеспечение безупречной регистрации при отсутствии каких-либо ошибок.

Кроме того, в этом режиме защиты добросовестных покупателей Европейский Суд принимает на себя обязанность определить ответственность внутригосударственных властей за ошибочную регистрацию (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Гладышева против Российской Федерации") <1>. Европейский Суд не должен выступать в качестве суда первой инстанции и определять факты, или того хуже, рассуждать о фактах и возможностях, особенно, когда существуют внутригосударственные средства правовой защиты, которые могли бы надлежащим образом определить ответственность представителей государства, даже если предположить, что государство несет ответственность по международному праву за такие деяния на основании статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. (Я не предполагаю, что такие вещи вообще могут существовать.)

<1> Лишь один пример подобных спекуляций: "Как следует из материалов дела, подделка могла быть и, в конце концов, была установлена после простого запроса в орган записи актов гражданского состояния в Калуге, чья печать была использована для подделки свидетельства о браке, и нотариусу в Москве, который предположительно удостоверил заявление М."

Параграф 18 настоящего Постановления ссылается на Федеральный закон "О регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним", который предполагает экспертную оценку законности сделок <1>. Властям Российской Федерации не было предложено дать комментарий относительно значения этого положения. Законодательство предусматривает "экспертную оценку". В материалах дела отсутствуют данные, проводилась ли такая оценка или нет. Мы даже не знаем,

может ли данное требование быть удовлетворено экспертизой регистрирующего органа (как во многих внутригосударственных регистрационных системах) или требуется независимая экспертиза.

<1> Согласно письменным пояснениям адвоката по делу "Дергачева против Российской Федерации" (Dergacheva v. Russia), жалоба № 3127/13, статья 9 Федерального закона "О регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним" требует проведения правовой оценки. Обязанность правовой оценки вряд ли означает обязанность пригласить эксперта для проверки подлинности подписей или паспорта, если иное не предусмотрено законодательством или прецедентным правом.

Утверждение, что власти несут ответственность за принятие поддельных документов, не учитывает тот факт, что внутригосударственный суд (Тушинский районный суд) имел возможность ознакомиться с этими документами и не счел их незаконными.

Действительно, в Российской Федерации законодательство требует, чтобы государственные органы проверяли подлинность документов, представляемых при проведении сделок. Однако Верховный Суд Российской Федерации не считает это вопросом строгой ответственности. Наоборот, в деле, рассмотренном Верховным Судом и приведенном в § 30 настоящего Постановления, он принял во внимание тот факт, что информация о мошенничестве имелась в общедоступных публичных источниках (в списке лиц пропавших без вести). Только внутригосударственный суд (или законодательство) имеет возможность определять, какие публичные данные могут быть актуальными для подобных целей.

В настоящем деле отсутствуют выводы внутригосударственных органов, указывающих на недостаток внимания к регистрации сделки, и Европейский Суд не ссылается на это. Фактически отсутствуют свидетельства того, что существовали какие-либо публичные данные, указывающие на недостаток или обман, при которых следовало бы обратиться к властям. Собственно расследование началось через четыре дня после того, как заявительница приобрела квартиру.

Мне непонятно, почему обязанность расследования не относится к заявительницам в соответствии с принципом *caveat emptor*, хотя он является частью внутригосударственного законодательства <2>.

<2> В очередной раз повторяю: предполагаемая обязанность проверки не относится к настоящему делу, поскольку отсутствуют государственный реестр, а также какие-либо данные, которые могли быть внесены в такой реестр перед покупкой.

4. Если Европейский Суд придерживается мнения, что государство несет ответственность за действия государственных органов в вопросах регистрации, заявитель имеет право на правовую защиту в соответствии с законодательством Российской Федерации: он может предъявить иск против этих органов. Статья 53 Конституции Российской Федерации гласит: "Каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц". Как утверждали власти Российской Федерации, первая заявительница фактически подала в суд на ряд государственных органов, однако ее требования были отклонены, поскольку стороны не присутствовали на слушаниях и не просили о проведении заседания в их отсутствие. Следовательно, ее жалоба должна быть отклонена на основании неисчерпания средств внутригосударственной правовой защиты. Данный довод властей Российской Федерации просто не был рассмотрен. Европейский Суд имеет дело только со средствами правовой защиты против окончательных судебных решений и регрессными требованиями в отношении третьих (мошеннических) сторон.

5. Постановление при своей оценке пропорциональности не учитывает интересы Ол., страдающего умственным расстройством и являющегося особенно уязвимым лицом в деле. Европейский Суд признает особый интерес, но оборачивает его в пользу первой заявительницы.

Отсутствие защиты интересов особенно уязвимого лица повышает ответственность государства, и поэтому интересы первой заявительницы должны преобладать над общественными интересами (в отношении социального найма) и интересами первоначального нанимателя. Однако предполагаемое отсутствие ответственности государства в отношении заявителя не снижает общественный интерес! При создании баланса различных интересов и вопреки Постановлению (см. § 56 настоящего Постановления) бремя, возложенное на заявительницу, не должно рассматриваться как наложенное исключительно ради города Москвы как первоначального владельца. Город имел эту собственность для предоставления лицу, нуждавшемуся в социальном найме. Частный интерес Ол. не упоминается при рассмотрении баланса интересов. Европейский Суд утверждал, что было бы "несправедливо" исправлять утрату жилья Ол. за счет первой заявительницы. Однако даже вывод о справедливости нуждается в мотивировке, справедливость в праве не является предметом чистого настроения. Если справедливость - это интуиция, и ей не место в законе, тогда неотрицаемое право особенно уязвимого лица на социальное жилье является, пожалуй, более важным в гуманистическом измерении, чем право на имущество, не признаваемое законом, лица, который приобрел его у мошенников.

Я считаю, что настоящее Постановление поднимает серьезные вопросы европейских положений о праве собственности и свободе усмотрения, относящихся к национальной системе, когда дело доходит до защиты социального жилья. Удивительно, что та потрясающая легкость, с которой Европейский Суд применяет широкую свободу усмотрения в вопросах экономической и социальной политики, отсутствовала в настоящем деле.

Дело "Томина (Tomina and others) против Российской Федерации": Постановление Европейского Суда по правам человека от 1 декабря 2016 года (жалобы № 20578/08, 21159/08, 22903/08, 24519/08, 24728/08, 25084/08, 25558/08, 25559/08, 27555/08, 27568/08, 28031/08, 30511/08, 31038/08, 45120/08, 45124/08, 45131/08, 45133/08, 45141/08, 45167/08 и 45173/08)

Доступ:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=495532&dst=100000001>

<1> Перевод с английского языка Д.Г. Николаева.

<2> Настоящее Постановление вступило в силу 24 апреля 2017 г. в соответствии с положениями пункта 2 статьи 44 Конвенции (примеч. редактора).

По делу "Томина и другие против Российской Федерации" Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая Палатой в составе:

Луиса Лопеса Герра, Председателя Палаты,
Хелен Ядерблом,
Хелен Келлер,
Дмитрия Дедова,
Бранко Лубарды,
Пере Пастора Вилановы,
Георгия А. Сергидеса, судей,
а также при участии Стивена Филлипса, Секретаря Секции Суда,
рассмотрев дело в закрытом заседании 8 ноября 2016 г.,
вынес в указанный день следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано 20 жалобами (№ 20578/08, 21159/08, 22903/08, 24519/08, 24728/08, 25084/08, 25558/08, 25559/08, 27555/08, 27568/08, 28031/08, 30511/08, 31038/08, 45120/08, 45124/08, 45131/08, 45133/08, 45141/08, 45167/08 и 45173/08), поданными против Российской Федерации в Европейский Суд по правам человека (далее - Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция). Данные о них содержатся в Приложении I.

2. Интересы заявителя Андриевского (жалоба № 21159/08) представлял А. Ахмедов, адвокат, практикующий в г. Самаре. Интересы заявительницы Анисимовой (жалоба № 45120/08) представлял В. Леневиц, адвокат, практикующий в г. Самаре. Остальные заявители были представлены М. Исаевой, И. Сергеевой и М. Сучковой, сотрудниками юридической фирмы Threefold Legal Advisors, с офисом, находящимся в г. Москве. Власти Российской Федерации были представлены Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде Г.О. Матюшкиным.

3. Заявители, в частности, утверждали, что они были лишены имущества в нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

4. 23 октября 2013 г. и 18 марта 2014 г. жалобы заявителей на лишение имущества были коммуницированы властям Российской Федерации, а в остальной части были объявлены неприемлемыми для рассмотрения по существу.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

5. Все заявители являются гражданами Российской Федерации. Они являлись владельцами комнат в общежитии г. Самары. Муниципальное образование истребовало здание, и право собственности заявителей на недвижимое имущество было прекращено в результате гражданского разбирательства, возбужденного против них прокурором от имени муниципального образования. Согласно утверждениям властей Российской Федерации решение суда не было исполнено, и заявители продолжают проживать в комнатах, которые они купили.

6. Заявители Васюхины (жалоба № 45173/08) утверждали, что они не смогли въехать в комнаты, поскольку комнаты были заняты другими лицами.

A. Предварительная информация

7. В 1993 году государственное предприятие "Самараавтотранс" было приватизировано и реорганизовано в общество с ограниченной ответственностью "Строитель". План приватизации был утвержден муниципальным образованием, и областной фонд имущества подписал этот план. В соответствии с планом приватизации все жилые здания, находившиеся ранее на балансе "Самараавтотранс", подлежали передаче муниципальному образованию, в то время как административные здания подлежали передаче обществу с ограниченной ответственностью. В плане приватизации указанное здание, расположенное по адресу: г. Самара, проспект Юных пионеров, 61, - значилось как административное здание (использовавшееся как нежилые помещения), и оно было передано "Строителю".

8. В результате ряда реорганизаций общества право собственности на здание перешло к акционерному обществу закрытого типа "Строитель-М". Впоследствии отдельные помещения в здании были перепроданы третьим лицам, в том числе заявителям. Информация о праве собственности заявителей содержится в Приложении I. Согласно правоустанавливающим документам заявители являются собственниками нежилых помещений.

9. Заявители переехали в комнаты и проживали там.

10. 23 августа 2002 г. Арбитражный суд Самарской области признал недействительным план приватизации "Самараавтотранс" и договор от 10 ноября 1993 г., участниками которого являлись областной фонд имущества и "Строитель" и который частично касался передачи права собственности на здание "Строителю".

B. Гражданское разбирательство, возбужденное прокурором

11. В неустановленную дату прокуратура Промышленного района г. Самары, действуя в интересах муниципального образования, обратилась с иском против "Строителя", "Строителя-М" и собственников помещений в бывшем здании общежития, в том числе заявителей. Ссылаясь на признание недействительной приватизации "Самараавтотранса", прокурор утверждал, что последующие сделки в отношении здания также являются недействительными, и просил суд вернуть права на здание муниципальному образованию.

12. Как утверждают заявители, 27 - 28 октября 2003 г. Промышленный районный суд г. Самары (далее - районный суд) отклонил иск прокуратуры. 20 января 2004 г. Самарский областной суд (далее - областной суд) отменил решение и направил дело в районный суд на новое рассмотрение.

13. 14 июня 2005 г. районный суд отклонил жалобу прокурора. 2 августа 2005 г. областной суд оставил решение от 14 июня 2005 г. без изменений.

14. 18 мая 2006 г. президиум областного суда отменил решения от 14 июня и 2 августа 2005 г. в порядке надзора и направил дело на новое рассмотрение в районный суд. Президиум областного суда отметил, что суд нижестоящей инстанции ошибочно применил материальные и процессуальные нормы при рассмотрении дела.

15. 14 - 19 ноября 2007 г. районный суд удовлетворил иск прокурора в полном объеме. Хотя районный суд признал, что владельцы комнат являлись добросовестными приобретателями, он распорядился о передаче права собственности на здание муниципальному образованию. Городской округ, настоящий собственник здания, не давал согласия на покупку комнат в здании их текущими владельцами. Соответственно, продажа здания в отсутствие разрешения муниципального образования означала, что оно утратило право собственности против своей воли и могло истребовать свое имущество от добросовестных приобретателей.

16. 12 февраля 2008 г. областной суд, рассмотрев кассационную жалобу, оставил в силе решение районного суда от 14 - 19 ноября 2007 г.

С. Жалоба № 45173/08

17. Заявители по данной жалобе, Виталий и Дарья Васюхины, являлись несовершеннолетними в период, относящийся к обстоятельствам дела.

18. В неустановленную дату, действуя от их имени, мать заявителей подала в суд иск о компенсации ущерба против Б. (человека, который продал комнаты заявителям).

19. 10 декабря 2010 г. и 16 июня 2011 г. Октябрьский районный суд г. Самары удовлетворил ее иск и присудил выплатить ей компенсацию ущерба в размере 600 000 рублей каждому заявителю. 10 февраля и 4 июля 2011 г. областной суд оставил вышеуказанные решения в силе.

20. В неустановленную дату судебный пристав возбудил исполнительное производство. 4 марта 2014 г. исполнительное производство было прекращено вследствие невозможности установить местонахождение Б. или определить размер его имущества, если таковое имелось.

21. Представляется, что исполнительное производство в отношении решения от 16 июня 2011 г. еще продолжается.

II. Соответствующее законодательство Российской Федерации и правоприменительная практика

А. Гражданский кодекс Российской Федерации

22. Соответствующие положения Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) предусматривают следующее:

"...Статья 167. Общие положения о последствиях недействительности сделки

1. Недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения.

2. При недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость в деньгах, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом.

3. Если из содержания оспоримой сделки вытекает, что она может быть лишь прекращена на будущее время, суд, признавая сделку недействительной, прекращает ее действие на будущее время...

Статья 302. Истребование имущества от добросовестного приобретателя

1. Если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать (добросовестный приобретатель), то собственник вправе

истребовать это имущество от приобретателя в случае, когда имущество утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли.

2. Если имущество приобретено безвозмездно от лица, которое не имело права его отчуждать, собственник вправе истребовать имущество во всех случаях.

3. Деньги, а также ценные бумаги на предъявителя не могут быть истребованы от добросовестного приобретателя".

В. Прецедентная практика Конституционного Суда Российской Федерации

23. Постановлением от 21 апреля 2003 г. № 6-П <1> Конституционный Суд Российской Федерации истолковал статью 6 ГК РФ как не позволяющую первоначальному собственнику истребовать имущество у добросовестного приобретателя в отсутствие специальной законодательной нормы. Однако виндикационный иск на основании статьи 302 ГК РФ может быть предъявлен при наличии условий, указанных в пунктах 1 и 2 указанной статьи, в частности, если имущество выбыло из его владения помимо его воли или если имущество приобретено безвозмездно.

<1> Так в тексте. По-видимому, имеется в виду Постановление Конституционного Суда Российской Федерации "По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева" (примеч. редактора).

С. Постановление Пленума Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации

24. Еще одно толкование статьи 302 ГК РФ было дано Пленумом Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. В их совместном Постановлении от 29 апреля 2010 г. № 10/22 "О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав" указывается следующее:

"...39. По смыслу пункта 1 статьи 302 ГК РФ собственник вправе истребовать свое имущество... независимо от возражения ответчика о том, что он является добросовестным приобретателем, если докажет факт выбытия имущества из его владения... помимо его воли.

Недействительность сделки... не свидетельствует сама по себе о его выбытии из владения передавшего это имущество [собственника] помимо его воли. Судам необходимо устанавливать, была ли воля собственника на передачу владения [имущества] иному лицу...".

25. В своем Определении от 27 января 2011 г. № 188-О-О <2> Конституционный Суд Российской Федерации основывался на толковании статьи 302 ГК РФ вышеуказанным Пленумом при проверке соответствия указанной статьи Конституции.

<2> Так в тексте. По-видимому, имеется в виду Определение Конституционного Суда Российской Федерации "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Андропова Дмитрия Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 177, статьей 301 и пунктом 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации" (примеч. редактора).

**Д. Обзор судебной практики по делам, связанным
с истребованием жилых помещений от добросовестных
приобретателей, по искам органов государственной
власти и органов местного самоуправления**

26. 1 октября 2014 г. Президиум Верховного Суда Российской Федерации утвердил "Обзор судебной практики по делам, связанным с истребованием жилых помещений от добросовестных приобретателей, по искам государственных органов и органов местного самоуправления". Он, в частности, указал следующее:

"Недействительность сделки по отчуждению жилого помещения сама по себе не свидетельствует о выбытии недвижимого имущества из владения Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования помимо воли собственника.

Например, районным судом было отказано в удовлетворении исковых требований муниципального образования об истребовании у М. жилого помещения и признании права собственности на квартиру по следующим основаниям.

Установлено, что спорная квартира была предоставлена по договору социального найма Л., представившему в орган муниципального образования не соответствующую действительности справку... что [у него было право на внеочередное получение жилой площади]. Затем право собственности на квартиру было передано Л. по договору передачи. Впоследствии Л. продал данную квартиру М.

Поскольку орган муниципального образования являлся стороной не только договора социального найма, но и договора передачи квартиры, имел возможность проверить соответствие действительности представленных Л. документов, однако не проявил должной осмотрительности, суд пришел к правильному выводу о том, что спорное жилое помещение было отчуждено муниципальным образованием и передано во владение Л. по воле собственника жилищного фонда и в силу пункта 1 статьи 302 ГК РФ не могло быть истребовано от добросовестного приобретателя М., приобретшего его у Л. по договору купли-продажи...

Если ответчиком недвижимое имущество приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, и между истцом и ответчиком отсутствуют договорные отношения, то независимо от избранного истцом способа защиты права (т.е. заявление требования об истребовании жилого помещения из чужого незаконного владения, либо заявление требования о признании недействительными сделок по отчуждению жилого помещения, либо заявление таких требований одновременно) применяются правила статей 301, 302 ГК РФ.

Так, районным судом было рассмотрено дело по иску прокурора района, действующего в интересах муниципального образования, к М., С., Н. о признании недействительными договора социального найма, договора передачи квартиры в собственность граждан, договора дарения квартиры, договора купли-продажи квартиры, применении последствий недействительности ничтожных сделок, возвращении квартиры в собственность муниципального образования.

Судом установлено, что спорная квартира находилась в муниципальной собственности, была отнесена к специализированному жилищному фонду и подлежала предоставлению только гражданам, признанным нуждающимися в предоставлении специализированного жилого помещения по договору безвозмездного пользования. Однако руководителем управления социальной защиты населения данное жилое помещение было предоставлено по договору социального найма М. и впоследствии ею приватизировано.

М. подарила данную квартиру С., который в свою очередь заключил договор купли-продажи с Н.

Согласно [совместному Постановлению Пленума Верховного Суда и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации] в ситуации, когда предъявлен иск о признании недействительными сделок по отчуждению имущества, в том числе к лицу, приобретшему

имущество у лица, которое не имело права его отчуждать, следует иметь в виду правила, установленные статьями 301, 302 ГК РФ.

Поскольку окончательное требование, заявленное истцом, состояло в возврате ему спорного имущества, суд применил при рассмотрении данного дела положения статей 301, 302 ГК РФ. Установив, что спорная квартира была передана собственником в оперативное управление управления социальной защиты населения и выбыла из владения последнего по его воле, а Н. приобрела спорное имущество у лица, не имевшего права его отчуждать, возмездно и добросовестно, отказал в удовлетворении требований о признании недействительности договора дарения квартиры, договора купли-продажи квартиры (то есть второй и третьей сделок по отчуждению имущества), применении последствий недействительности сделок, возвратении квартиры в собственность муниципального образования.

Вместе с тем... суд признал, что требования прокурора в части признания недействительными договоров социального найма и передачи квартиры в собственность М. являются обоснованными и подлежат удовлетворению, поскольку договоры заключены с нарушением требований законодательства.

При этом суд указал, что муниципальное образование имеет законный интерес в признании недействительными указанных ничтожных сделок независимо от отказа в применении последствий их недействительности, поскольку впоследствии оно вправе обратиться в суд с требованиями к лицам, нарушившим право собственности муниципального образования, о возмещении убытков".

ПРАВО

I. Объединение жалоб для рассмотрения в одном производстве

27. Принимая во внимание схожие фактические и правовые основы жалоб, Европейский Суд считает возможным рассмотреть их в одном производстве в соответствии с пунктом 1 правила 42 Регламента Суда.

II. Предполагаемое нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции

28. Заявители жаловались на то, что они были лишены имущества в нарушение [статьи 1](#) Протокола № 1 к Конвенции, которая в соответствующих частях предусматривает следующее:

"Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения не умаляют права Государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов".

A. Приемлемость жалобы

29. Европейский Суд считает, что жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта "а" пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

В. Существо жалобы

1. Доводы сторон

30. Власти Российской Федерации считали, что вмешательство в имущественные права заявителей было предусмотрено законом и преследовало законную цель защиты прав и интересов других лиц. В частности, власти Российской Федерации утверждали, что согласно внутригосударственному законодательству здание могло находиться только в собственности муниципального образования, и комнаты в здании могли быть переданы людям только в связи с их трудоустройством. Соответственно, приватизация здания и все последующие сделки были признаны недействительными. Муниципальное образование, являясь законным владельцем здания, по праву истребовало свое имущество от заявителей. Наконец, власти Российской Федерации повторили выводы внутригосударственных судов о том, что муниципальное образование не давало разрешения на сделки, связанные с помещениями в здании. Таким образом, продажа здания в отсутствие такого разрешения означала, что муниципальное образование утратило имущество против своей воли и как законный владелец имело право вернуть свою собственность. Власти действовали в соответствии с общественным интересом. Они защищали права других лиц, работавших в "Строителе" и нуждавшихся в социальном жилье.

31. Заявители настаивали, что вмешательство в их имущественные права не соответствовало применимому законодательству. Они утверждали, что судебные решения внутригосударственных судов были приняты в нарушение статьи 302 ГК РФ. В то время как судами было установлено, что заявители являлись добросовестными приобретателями имущества, они не смогли предоставить им защиту, как того требует статья 302 ГК РФ. Утвердив план приватизации и передав здание частному лицу в рамках принятого плана, муниципальное образование явно продемонстрировало намерение лишения себя имущества. Соответственно, суды Российской Федерации ошибочно установили что передача здания была осуществлена в отсутствие необходимого намерения со стороны муниципального образования. Заявители также настаивали, что муниципальное образование лишилось права на истребование имущества с учетом срока исковой давности, который не был применен внутригосударственными судами. Наконец, заявители утверждали, что суды Российской Федерации не смогли установить справедливый баланс между защитой прав заявителей и интересами муниципального образования в сфере социального жилья.

2. Мнение Европейского Суда

(a) Общие принципы

32. Общие принципы относительно защиты собственности уже установлены в прецедентной практике Европейского Суда (см. Постановление Европейского Суда по делу "Гладышева против Российской Федерации" (*Gladysheva v. Russia*) от 6 декабря 2011 г., жалоба № 7097/10 <1>, §§ 64 - 68).

<1> См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 6 (примеч. редактора).

(b) Применение общих принципов в настоящем деле

(i) Имело ли место вмешательство в имущество заявителей

33. Европейский Суд отмечает, что сторонами не оспаривалось, что комнаты составляли имущество заявителей и что отмена их права собственности на комнаты составляла вмешательство

в их права, предусмотренные статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Европейский Суд не усматривает каких-либо оснований для иного вывода.

34. Задача Европейского Суда в настоящем деле, соответственно, заключается в определении того, отвечало ли вмешательство требованию законности, являлось ли оно произвольным, и было ли достигнуто справедливое равновесие между требованиями общего интереса и защиты фундаментальных прав лица (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Бейелер против Италии" (*Beyleler v. Italy*), жалоба № 33202/96, § 107).

(ii) Являлось ли вмешательство законным

35. Что касается законности отмены титула заявителей на комнаты, Европейский Суд напоминает свой прежний вывод о том, что законодательство Российской Федерации, регулирующее истребование имущества у добросовестного приобретателя, могло быть недостаточно ясным (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Гладышева против Российской Федерации", §§ 72 - 75). Однако Европейскому Суду не требуется разрешать данный вопрос, поскольку независимо от законности внутригосударственного вмешательства оно не отвечает требованию пропорциональности, как будет разъяснено в дальнейшем.

(iii) Цель вмешательства

36. Что касается правомерности цели оспариваемой меры, по мнению Европейского Суда, эти вопросы тесно связаны с более широким вопросом о том, было ли вмешательство в права заявителей необходимым в демократическом обществе. Учитывая анализ, приведенный в §§ 37 - 73 настоящего Постановления, Европейский Суд не считает необходимым решать, имелся ли вопрос публичной озабоченности, требующий лишения имущества.

(iv) Было ли достигнуто справедливое равновесие

37. Европейский Суд далее должен рассмотреть вопрос о том, установило ли вмешательство в право на уважение собственности требуемое справедливое равновесие между потребностями общего интереса и требованиями защиты фундаментальных прав лица или оно возложило непропорциональное и чрезмерное бремя на заявителей.

38. С учетом особых обстоятельств настоящего дела Европейский Суд полагает, что истребование комнат муниципальными властями составляло непропорциональное бремя для заявителей.

39. Прежде всего Европейский Суд отмечает, что, как это установлено внутригосударственными судами, заявители приобрели комнаты добросовестно. Обоснованность их права собственности, а также права собственности предыдущего владельца квартир были проверены и согласованы государственными регистрационными органами. В этой связи Европейский Суд напоминает, что ошибки или просчеты государственных органов должны служить выгоде заинтересованных лиц, особенно в отсутствие иных конфликтующих интересов. Другими словами, ответственность за любую ошибку, допущенную государственными органами, должно нести государство, и эти ошибки не должны устраняться за счет заинтересованного лица (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Гладышева против Российской Федерации", § 80).

40. Европейский Суд также отмечает, что муниципальное образование одобрило первичную передачу общежития от государства частной компании в 1993 году. Власти Российской Федерации не предоставили объяснений тому, почему, вопреки общественному интересу в обеспечении потребностей нуждающихся в социальном жилье, власти г. Самары предпочли перевести

общежитие в состав административных зданий и передать его коммерческой организации. Кроме того, власти Российской Федерации не разъяснили причину того, почему муниципальным властям понадобились почти девять лет, чтобы признать недействительным план приватизации и истребовать общежитие обратно в свое владение.

41. Наконец, Европейский Суд отмечает, что заявители были лишены права собственности без компенсации или предоставления иного жилья со стороны государства. Что касается возможности для заявителей смягчить убытки путем предъявления иска в суд по гражданским делам о возмещении ущерба против продавцов комнат, Европейский Суд признает, что такая возможность действительно была им доступна. Двое заявителей (жалоба № 45173/08) успешно получили соответствующие решения в свою пользу в 2011 году. Однако эти решения остаются неисполненными до настоящего времени. Даже если предположить, что в какой-то момент решения были бы исполнены, и заявители получили бы компенсацию, Европейскому Суду трудно установить, каким образом это могло бы улучшить равновесие между общественным интересом и необходимостью защиты прав отдельных лиц, поскольку заявители переложили бы свое чрезмерное бремя на других добросовестных приобретателей комнат (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Гладышева против Российской Федерации", § 81).

42. Вышеизложенные соображения являются достаточными для того, чтобы Европейский Суд мог заключить, что условия, при которых заявители были лишены имущества, возложили на них индивидуальное и чрезмерное бремя и что власти государства-ответчика не установили справедливое равновесие между требованиями общественного интереса, с одной стороны, и правом заявителей на уважение их собственности, с другой стороны.

43. Соответственно, имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

III. Применение статьи 41 Конвенции

44. Статья 41 Конвенции гласит:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

А. Ущерб

45. Заявители требовали выплаты различных сумм в качестве компенсации материального ущерба и морального вреда, которые приведены в таблице:

Номер жалобы	Требование о компенсации материального ущерба	Требование о компенсации морального вреда (евро)
20578/08	Восстановление права собственности заявителя на имущество	10 000
21159/08	900 000 рублей с целью покупки другого эквивалентного жилья	Отсутствует
22903/08		20 000

24519/08		30 000	
24728/08		30 000	
25084/08		30 000	
25558/08		20 000	
25559/08	Восстановление права собственности заявителя на имущество	30 000	
27555/08		20 000	
27568/08		20 000	
28031/08		30 000	
30511/08		30 000	
31038/08		100 000	
45120/08		30 000 евро	100 000
45124/08		Восстановление права собственности заявителей на имущество	30 000
45131/08			50 000
45133/08			30 000
45133/08	60 000		
45133/08	10 000		
45133/08	600 000 рублей каждому заявителю		40 000

46. Власти Российской Федерации полагали, что требования Андриевского (жалоба № 21159/08) и Анисимовой (жалоба № 45120/08) являлись чрезмерными. Они также утверждали, что остальные заявители не могут требовать восстановления права собственности на недвижимость.

47. Европейский Суд учитывает, что в настоящем деле он установил нарушение прав заявителей, предусмотренных статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Он полагает, что имеется очевидная причинно-следственная связь между установленным нарушением и ущербом, причиненным заявителям.

1. Материальный ущерб

48. Что касается компенсации материального ущерба, Европейский Суд напоминает, что обычно приоритетом при применении статьи 41 Конвенции является *restitutio in integrum*, поскольку от властей государства-ответчика ожидается осуществление возмещения последствий нарушения таким способом, чтобы восстановить, насколько это возможно, положение, существовавшее до нарушения (см., в частности, Постановление Европейского Суда по делу "Пьерсак против Бельгии" (*Piersack v. Belgium*) (статья 50) от 26 октября 1984 г., § 12, Series A, № 85, Постановление Европейского Суда по делу "Тчитчинадзе против Грузии" (*Tchitchinadze v.*

Georgia) от 27 мая 2010 г., жалоба № 18156/05, § 69, Постановление Европейского Суда по делу "Фенер Рум Патриклиги (Вселенский патриархат) против Турции" (справедливая компенсация) от 15 июня 2010 г., жалоба № 14340/05, § 35, Постановление Европейского Суда по делу "Стойчева против Болгарии" (Stoycheva v. Bulgaria) от 19 июля 2011 г., жалоба № 43590/04).

49. Европейский Суд отмечает, что все заявители, за исключением Андриевского (жалоба № 21159/08), Анисимовой (жалоба № 45120/08) и Васюхиных (жалоба № 45173/08), просили о восстановлении права собственности на их комнаты. Соответственно, учитывая свои выводы в настоящем деле и тот факт, что заявители по-прежнему проживают в этих помещениях, Европейский Суд полагает, что наиболее целесообразной формой возмещения было бы восстановление права собственности заявителей на комнаты. Таким образом, заявители были бы поставлены, насколько это возможно, в положение, эквивалентное тому, в котором они находились бы, если бы нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции не было бы допущено (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Гладышева против Российской Федерации", § 106).

50. Европейский Суд считает, что аналогичный вывод справедлив в отношении Андриевского и Анисимовой, которые требовали выплаты определенных сумм с целью купить для себя сопоставимое жилье (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Гладышева против Российской Федерации", там же, где Европейский Суд постановил, что заявительница должна оказаться, насколько это возможно, в ситуации, аналогичной той, в которой она находилась бы, если бы отсутствовало нарушение ее прав, даже если заявительница обратилась за денежной компенсацией).

51. Что касается заявителей Васюхиных (жалоба № 45173/08), Европейский Суд полагает, что вопрос применения статьи 41 Конвенции не готов к разрешению, насколько это касается материального ущерба (пункт 1 правила 75 Регламента Суда). Соответственно, он оставляет без рассмотрения данный вопрос и дальнейшую процедуру и предлагает властям Российской Федерации и заявителям представить в течение четырех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции объяснения по этому вопросу и, в частности, уведомить Европейский Суд о любом соглашении, которое может быть ими достигнуто.

2. Моральный вред

52. Европейский Суд отмечает, что заявитель Андриевский (жалоба № 21159/08) не представил требований в отношении выплаты компенсации морального вреда. Соответственно, Европейский Суд полагает, что отсутствуют основания для присуждения ему какой-либо суммы по этому основанию.

53. Что касается остальных жалоб, Европейский Суд не сомневается в том, что заявители испытали страдание и разочарование в связи с лишением их имущества. Оценивая указанные обстоятельства на основе принципа справедливости, Европейский Суд присуждает каждому из заявителей по 5 000 евро в качестве компенсации морального вреда, а также любые налоги, подлежащие начислению на указанную сумму.

В. Судебные расходы и издержки

54. Заявители Андриевский (жалоба № 21159/08) и Кобина (жалоба № 2555/08) не требовали выплаты компенсации судебных расходов и издержек. Соответственно, Европейский Суд полагает, что отсутствуют основания для присуждения им какой-либо суммы в этой связи.

55. Заявительница Анисимова (жалоба № 45120/08) требовала возмещения судебных расходов и издержек, понесенных в ходе разбирательства в судах Российской Федерации и в Европейском Суде в размере 8 009 рублей 40 копеек и 4 000 рублей соответственно. Она также требовала

компенсации почтовых расходов (509 рублей 40 копеек), расходов на услуги переводчика (3 000 рублей) и расходов, понесенных для получения справки о состоянии ее зрения (500 рублей).

56. Остальные заявители требовали выплаты 16 800 евро в качестве компенсации совместных судебных расходов и издержек, понесенных в ходе разбирательства в Европейском Суде. Согласно предоставленным документам их представители потратили 156 часов на работу по делу.

57. Заявители Русскова (жалоба № 45141/08) и Большаков (жалоба № 45167/08) также требовали компенсации почтовых расходов в сумме 2 470 и 1 715 рублей соответственно.

58. Фирма Threefold Legal Advisors требовала компенсации 328 евро за вычитку ее меморандума и 3 010 рублей в качестве компенсации почтовых расходов, понесенных при отправке форм доверенностей заявителям.

59. Власти Российской Федерации утверждали, что расходы, понесенные Анисимовой при получении медицинской справки, не были связаны с ее жалобой в Европейский Суд. Также она не имела права на компенсацию судебных расходов и издержек, понесенных в Европейском Суде, поскольку она заключила предварительное соглашение с ее адвокатом, а такой договор является недействительным в соответствии с законодательством Российской Федерации. Власти Российской Федерации также утверждали, что гонорар, выплаченный заявителями фирме Threefold Legal Advisors, являлся чрезмерным и необоснованным.

60. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в той части, в которой они были действительно понесены, являлись необходимыми и разумными по размеру. В настоящем деле, принимая во внимание представленные документы и вышеприведенные критерии, Европейский Суд считает необходимым присудить заявителям следующие суммы в качестве возмещения юридических расходов и издержек:

Номер жалобы	Присужденные суммы (евро)
20578/08	280
22903/08	280
24519/08	280
24728/08	280
25084/08	280
25084/08	280
25084/08	280
27568/08	280
25084/08	280
30511/08	280
31038/08	280
45120/08	310

45124/08	280
45131/08	280
45133/08	280
45133/08	330
45133/08	315
45133/08	280

С. Процентная ставка при просрочке платежей

61. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО:

- 1) решил объединить жалобы для рассмотрения в одном производстве;
- 2) объявил жалобы на нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции приемлемыми для рассмотрения по существу;
- 3) постановил, что имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции;
- 4) постановил, что в отношении жалобы № 45173/08 вопрос о применении статьи 41 Конвенции в части требования о компенсации материального ущерба не готов к разрешению, и, соответственно,
 - (а) отложил рассмотрение указанного вопроса;
 - (б) предложил властям Российской Федерации и заявителям представить в течение четырех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции письменные объяснения по данному вопросу и, в частности, уведомить Европейский Суд о любом соглашении, которое может быть ими достигнуто;
 - (с) отложил дальнейшее разбирательство дела и поручил Председателю Палаты возобновить его при необходимости;
- 5) постановил в отношении остальных заявлений, что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции обеспечить целесообразными средствами реституцию титула заявителей на комнаты в здании;
 - б) постановил, что:
 - (а) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителям суммы, указанные в Приложении II, а также любые налоги, начисляемые на указанные суммы.
 - (б) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;
 - 7) отклонил оставшуюся часть требований заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 1 декабря 2016 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Председатель
Палаты Суда
ЛУИС ЛОПЕС ГЕРРА

Секретарь
Секции Суда
СТИВЕН ФИЛЛИПС

Приложение I

Информация по жалобам

№ п/п	Номер жалобы	Дата подачи жалобы	Заявитель(-ница), дата рождения	Характеристика недвижимого имущества	Дата регистрации права на собственность заявителей	Представитель
1	20578/08	06.08.2008	Валентина Ивановна Томина, 05.11.1949	Комнаты № 22, 23, 60 и 61, 5-й этаж, площадь 22,6 кв. м	03.11.2006	Threefold Legal Advisors
2	21159/08	09.04.2008	Юрий Анатольевич Андриевский, 09.01.1968	Комната № 4, 4-й этаж, площадь 18,50 кв. м, комната № 5, 4-й этаж - 18,50 кв. м, комната № 1, 10-й этаж - 36,60 кв. м, комната № 20 - 16,10 кв. м, комната № 23 - 10,80 кв. м	16.01.2004 и 02.10.2007. Заявитель не предоставил копии свидетельств на право собственности в отношении комнат № 20 и 23	А. Ахмедов
3	22903/08	10.04.2008	Светлана Александровна Марахтанова, 01.09.1974	Комната № 21, 4-й этаж, площадь 12,20 кв. м	13.09.2002	Threefold Legal Advisors
4	24519/08	08.04.2008	Элеонора Валерьевна Астапова, 25.02.1972	Комнаты № 1 - 3, 4-й этаж, площадь 22,90 кв. м	06.05.2003	
5	24728/08	24.04.2008	Сергей Александрович Дешин, 20.01.1976	Комната № 14, 1-й этаж, площадь 20,80 кв. м	12.07.2002	

6	25084/08	12.04.2008	Владимир Сергеевич Приколотин, 07.05.1972	Комнаты № 12, 63 и 64, 3-й этаж, площадь 18,20 кв. м	19.07.2007	
7	25558/08	10.04.2008	Анна Александровна Кобина, 14.02.1976	Комната № 22, 4-й этаж, площадь 12,20 кв. м	13.09.2002	
8	25559/08	10.04.2008	Ольга Валерьевна Литвинова, 11.09.1971	Комнаты № 30, 31, 70 и 71, 3-й этаж, площадь 25,30 кв. м	27.11.2006	
9	27555/08	24.04.2008	Александр Вячеславович Кривко, 30.04.1953	Комнаты № 20 - 22, 2-й этаж, площадь 40,70 кв. м, комната № 49, 2-й этаж, площадь 10,20 кв. м, и комната № 50, 2-й этаж, площадь 6,80 кв. м	28.04 и 23.08.2001	
10	27568/08	24.04.2008	Андрей Леонидович Медведев, 09.02.1961	Комнаты № 18, 19, 23, 24, 47 и 48, 2-й этаж, площадь 74,4 кв. м	28.04.2001	
11	28031/08	10.04.2008	Павел Иванович Сисигин, 04.11.1977	Комната № 34, 5-й этаж, площадь 13,10 кв. м (12,50 кв. м согласно решению от 14 - 19 ноября 2007 г.)	28.11.2002	
12	30511/08	10.04.2008	Вячеслав Викторович Диткин, 08.12.1959	Комната № 20, 5-й этаж, площадь 15,50 кв. м	26.03.2003	Threefold Legal Advisors
13	31038/08	17.04.2008	Ирина Борисовна Мазур, 09.06.1958	Комнаты № 11 и 44, 1-й этаж, площадь 35,40 кв. м, комната № 30, 1-й этаж, площадь 9,8 кв. м, комнаты № 32, 34, 35 и 42, 1-й этаж, площадь 92,10 кв. м	04.04.2003	
14	45120/08	21.06.2008	Светлана Ипполитовна Анисимова, 06.12.1960	Комната № 8, 4-й этаж, площадь 18,40 кв. м	24.04.2007	В. Линевич

15	45124/08	08.05.2008	Наталья Владимировна Строкина, 04.06.1964	Комната № 20, 3-й этаж, площадь 16,40 кв. м	20.03.2003	Threefold Legal Advisors
16	45131/08	18.04/2008	Елена Васильевна Шитова, 23.11.1955	Комната № 19, 5-й этаж, площадь 23,60 кв. м	19.11.2002	
17	45133/08	15.04.2008	Ирина Петровна Сирота (Федорова), 29.07.1980	Комната № 14, 2-й этаж, площадь 18,00 кв. м	12.12.2005	
18	45141/08	28.04.2008	Вера Николаевна Русскова, 22.01.1964	Комнаты № 47 и 48, 1-й этаж, площадь 37,10 кв. м	07.10.2003	
19	45167/08	19.05.2008	Геннадий Сергеевич Большаков, 26.07.1953	Комната № 30, 2-й этаж, площадь 13,10 кв. м, комната № 31, 2-й этаж, площадь 13,10 кв. м	25.07.2001	
20	45173/08	28.04.2008	Виталий Александрович Васюхин, 11.05.1995, Дарья Александровна Васюхина, 18.08.2006, г. Самара	Заявитель: комната № 29, 3-й этаж, площадь 12,80 кв. м, заявительница: комната № 28, 3-й этаж, площадь 12,90 кв. м	Заявитель - 01.10.2007, заявительница - 02.10.2007	

Приложение II

**Суммы, присужденные Европейским Судом
на основании статьи 41 Конвенции**

№ п/п	Номер жалобы и имя заявителя	Моральный вред (евро)	Судебные расходы и издержки (евро)
1	20578/08, Томина	5 000	280

2	21159/08, Андриевский	Требования не представлены	Требования не представлены
3	22903/08, Марахтанова	5 000	280
4	24519/08, Астапова	5 000	280
5	24728/08, Дешин	5 000	280
6	25084/08, Приколотин	5 000	280
7	25558/08, Кобина	5 000	Требования не представлены
8	25559/08, Литвинова	5 000	280
9	27555/08, Кривко	5 000	280
10	27568/08, Медведев	5 000	280
11	28031/08, Сисигин	5 000	280
12	30511/08, Диткин	5 000	280
13	31038/08, Мазур	5 000	280
14	45120/08, Анисимова	5 000	310
15	45124/08, Строкина	5 000	280
16	45131/08,	5 000	280

	Шитова		
17	45133/08, Сирота (Федорова)	5 000	280
18	45141/08, Русскова	5 000	330
19	45167/08, Большаков	5 000	315
20	45173/08, Виталий и Дарья Васюхины	По 5 000 каждому	280

Дело "Биджиева (Bidzhiyeva) против Российской Федерации": Постановление Европейского Суда по правам человека от 5 декабря 2017 года (жалоба № 30106/10)

Доступ:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=577407&dst=1000000001>

Перевод с французского языка А.С. Новиковой.

Настоящее Постановление вступило в силу 5 марта 2018 г. в соответствии с положениями пункта 2 статьи 44 Конвенции (примеч. редактора).

По делу "Биджиева против Российской Федерации" Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая Палатой в составе:

Хелены Ядерблом, Председателя Палаты,

Бранко Лубарды,

Луиса Лопеса Герра,

Дмитрия Дедова,

Пере Пастора Вилановы,

Алены Полачковой,

Жольены Шуккинг, судей,

а также при участии Фатош Арачи, заместителя Секретаря Секции Суда,

рассмотрев дело в закрытом заседании 14 ноября 2017 г.,

вынес в указанный день следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 30106/10, поданной против Российской Федерации в Европейский Суд по правам человека (далее - Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция) гражданкой Российской Федерации Ханифой Султановной Биджиевой (далее - заявительница).

2. Формуляр жалобы, датированный 14 мая 2010 г., был получен Европейским Судом 18 мая 2010 г. Поскольку конверт был потерян, жалоба была зарегистрирована как поданная 14 мая 2010 г.

3. Интересы заявительницы представляла Т. Лукашонок, юрист, практикующая в г. Пятигорске. Власти Российской Федерации первоначально были представлены Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде Г.О. Матюшкиным, а затем его преемником на этой должности М.Л. Гальпериным.

4. Заявительница жаловалась, в частности, на то, что признание судом недействительным ее права собственности на земельный участок было произведено с нарушением статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

5. 3 июня 2015 г. жалоба была коммуницирована властям Российской Федерации.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

6. Заявительница родилась 19 октября 1974 г. и проживает в деревне Подкумок (район Предгорный, Ставропольский край).

А. Предыстория дела

7. В 1980 - 1990-х годах власти деревни Подкумок бесплатно предоставили в собственность семьи заявительницы один или несколько земельных участков для строительства. В частности, в 1993 году мать заявительницы получила участок по следующему адресу: улица Учебная, дом 3. Она построила на нем дом и стала жить в нем с семьей.

8. По словам заявительницы, 10 октября 1992 г. глава муниципальной администрации выдал отцу заявительницы свидетельство о праве собственности на землю в отношении участка, расположенного на улице Учебной, дом 3, а заявительнице - свидетельство о праве собственности в отношении участка, расположенного по следующему адресу: улица Учебная, дом 3б (далее - свидетельства, выданные в 1992 году). Площадь каждого из двух участков составляла 1 200 кв. м.

9. В 1993 году глава администрации выдал заявительнице разрешение на строительство индивидуального дома "на улице Учебной". Заявительница указывала, что она возвела на спорном участке фундамент с целью построить дом, не уточняя, когда это было сделано. Из материалов, которые содержатся в деле, следует, что участок, находившийся на улице Учебной, дом 3б, не был ни огорожен, ни обустроен.

10. 30 августа 1997 г. заявительница и ее отец получили два новых свидетельства о праве собственности (далее - свидетельства, выданные в 1997 году) в отношении тех же участков взамен утраченных свидетельств, выданных в 1992 году, которые были случайно уничтожены.

11. 21 сентября 2007 г. по ходатайству заявительницы Федеральная служба земельного кадастра составила кадастровый план участка по улице Учебная, дом 3б, с целью регистрации права собственности заявительницы в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним. В данном плане указывалось, что площадь участка являлась ориентировочной и что границы участка необходимо установить в процессе межевания, а также что на тот момент было невозможно идентифицировать участок как недвижимое имущество.

12. 16 октября 2007 г. в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним было зарегистрировано право собственности заявительницы и ее отца на участки под NN 3б и 3а соответственно.

13. В июне 2008 года заявительница обратилась к муниципальной администрации с требованием провести межевание на участке под № 3б. Глава администрации отказал в удовлетворении ее требования на том основании, что адрес "улица Учебная, дом 3б" уже в течение длительного времени был присвоен водонасосной станции.

В. Уголовные дела о подделке и подлоге документов

14. 11 июля 2008 г. по заявлению муниципальной администрации было возбуждено уголовное дело в отношении отца заявительницы по подозрению в использовании поддельных документов. Отца заявительницы подозревали в том, что он воспользовался свидетельством о праве собственности, выданным в 1997 году в отношении участка под номером 3а, предположительно подложным, чтобы зарегистрировать свое право собственности на данный участок в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

15. В ходе расследования по уголовному делу были допрошены несколько лиц. Человек, занимавший в 1997 году должность главы администрации, пояснил, что он действительно подписывал свидетельства, выданные в 1997 году, но не знал, кем они были составлены. Согласно заключению почерковедческой экспертизы не исключалось, что свидетельства были составлены отцом заявительницы.

16. Человек, занимавший должность главы администрации в 1992 году, утверждал, что он не выдавал свидетельств о собственности ни заявительнице, ни ее отцу. Он уточнил, что в то время лицам могло предоставляться право временного пользования, но не право собственности и не в отношении участков площадью 1 200 кв. м. Этот человек также добавил, что в 1992 году

заявительница являлась несовершеннолетней, а ее отец официально проживал в другом районе, что исключало возможность предоставления им земельных участков. Наконец, он пояснил, что спорные земельные участки находились в охраняемой зоне в районе водонасосной станции и электростанции, где было запрещено любое строительство.

17. Лица, работавшие топографами в 1992 - 1998 годах, дали такие же показания, как и глава администрации, занимавший эту должность в 1992 году (см. § 16 настоящего Постановления). Также были опрошены иные лица, работавшие в муниципальной администрации в период, относившийся к обстоятельствам дела. Они утверждали, что все свидетельства о собственности, выданные в 1997 году, имели очевидные признаки подделки.

18. 11 января 2009 г. следователь вынес постановление о прекращении уголовного дела в отношении отца заявительницы по причине отсутствия доказательств того, что последний знал о подделке свидетельства о праве собственности на участок под № 3а. Данным постановлением было также возбуждено уголовное дело о подделке свидетельств о праве собственности на участки под NN 3а и 3б в отношении неустановленного лица. 10 апреля 2013 г. дело было прекращено по истечении срока давности привлечения к уголовной ответственности.

С. Признание права собственности заявительницы недействительным в судебном порядке

19. 11 июня 2009 г. администрация Предгорного района обратилась в суд с иском к заявительнице и муниципальной администрации. Как орган, осуществляющий управление и контроль за землями района, администрация Предгорного района требовала признания права собственности заявительницы на участок под № 3б недействительным на основании того, что свидетельство о собственности в 1997 году было получено с нарушением положений действовавшего в тот период законодательства.

20. В ходе разбирательства дела в Предгорном районном суде г. Ставрополя интересы заявительницы представлял адвокат. После завершения каждого судебного заседания составлялись протоколы. В них указывалось, что стороны были извещены об их праве знакомиться с данными протоколами и подавать на них замечания.

21. Лица, допрошенные в ходе расследования уголовного дела о подделке документов, также дали показания суду, за исключением главы администрации, занимавшего эту должность в 1992 году. Их показания совпадали с теми, которые они ранее дали по уголовному делу (см. §§ 15 - 17 настоящего Постановления). Суд также принял во внимание другую информацию, полученную от районного отделения полиции.

22. 15 сентября 2009 г. районный суд признал недействительным свидетельство о праве собственности заявительницы и ее право собственности на участок под № 3б, указав следующее:

"Свидетельство о праве собственности от 30 августа 1997 г. было получено [заявительницей] с нарушением процедуры, установленной положениями закона, и было незаконным".

23. Ссылаясь на статью 61 Земельного кодекса Российской Федерации (см. раздел "Соответствующее законодательство Российской Федерации и правоприменительная практика" настоящего Постановления), районный суд счел, что были нарушены права и интересы администрации в сфере использования земель.

24. Заявительница подала апелляционную жалобу. Она указала, в частности, что иск был подан по истечении срока исковой давности и что суд не рассмотрел данный аргумент.

25. 17 ноября 2009 г. Ставропольский краевой суд, рассмотрев апелляционную жалобу, оставил решение в силе, отметив следующее:

"...из материалов дела следует, что документы, подтверждающие право собственности, не были выданы [заявительнице] с соблюдением условий, предусмотренных законом".

26. Ставропольский краевой суд отклонил без рассмотрения по существу довод заявительницы об истечении срока исковой давности на основании того, что в протоколах заседаний

суда первой инстанции не был упомянут данный аргумент, а заявительница не подавала замечаний на протоколы.

D. Аренда участка, принадлежащего муниципальным властям, и иск арендатора против заявительницы и ее отца

27. В 2008 году предприниматель Г. обратился в администрацию района с заявлением о предоставлении ему на праве аренды участка по улице Учебной с целью размещения там магазина и кафе. Был выбран свободный участок, проведено межевание и получен кадастровый план участка.

28. 26 марта 2009 г. администрация района и Г. заключили договор аренды в отношении данного участка. Договор был зарегистрирован в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним. В договоре указывалось, что на участке не было никаких постоянных строений или насаждений.

29. Впоследствии оказалось, что данный земельный участок частично включал в себя те, на которые претендовали заявительница и ее отец. Узнав о существовании договора аренды, последние разместили на спорном участке строительные материалы и поставили забор. Г. подал на них в суд с целью устранения препятствий в пользовании земельным участком.

30. 23 июля 2010 г. районный суд удовлетворил иск Г., ссылаясь на решение от 15 сентября 2009 г. (см. § 22 настоящего Постановления). Данное решение вступило в силу и было исполнено в принудительном порядке.

E. Иск заявительницы о признании приобретения права собственности путем приобретательной давности

31. В течение 2011 года заявительница обращалась в суд с исками к муниципальной администрации и администрации района с требованием о признании приобретения ею права собственности на участок под № 3б в силу приобретательной давности.

32. 14 июля 2011 г. районный суд отказал заявительнице в иске на основании того, что она присвоила спорный участок самовольно, не имея на то законных оснований. 6 сентября 2011 г. Ставропольский краевой суд оставил это решение в силе. Суды обеих инстанций сослались на выводы, сделанные в решениях от 15 сентября 2009 г. (см. § 22 настоящего Постановления) и от 23 июля 2010 г. (см. § 30 настоящего Постановления).

F. Иные обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения дела

33. В своих замечаниях по делу власти Российской Федерации сообщили Европейскому Суду следующую информацию, подтвержденную документально. 22 марта 2010 г. администрация района и заявительница заключили договор аренды, согласно которому заявительнице был предоставлен земельный участок в деревне площадью 720 кв. м для целей индивидуального строительства. Первоначальный срок действия договора составлял пять лет. Договор мог быть расторгнут в случае неиспользования участка для строительства, в противном случае мог продлеваться автоматически на неопределенный срок. Арендная плата составляла 288 рублей в год (что на тот момент равнялось примерно 7 евро). Согласно утверждениям заявительницы договор не был продлен.

II. Соответствующие законодательство Российской Федерации и правоприменительная практика

A. Приобретение права собственности и его регистрация в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним

34. Согласно статье 36 Земельного кодекса Российской Федерации в ее редакции, действовавшей до 1 марта 2015 г., граждане и юридические лица - собственники зданий, строений, сооружений, расположенных на земельных участках, находящихся в муниципальной собственности, имели исключительное право на приватизацию данных участков.

35. В соответствии со статьей 2 Федерального закона от 3 июля 1997 г. № 122-ФЗ "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним" в редакции, действовавшей с 28 января 1998 г. до 1 января 2017 г., зарегистрированное право на недвижимое имущество могло быть оспорено только в судебном порядке. В силу статьи 4 данного закона обязательной государственной регистрации подлежали права на недвижимое имущество, правоустанавливающие документы на которое были оформлены после введения в действие данного закона.

36. Статья 25.2 упомянутого выше закона определяла порядок регистрации права собственности на земельные участки, предоставленные до вступления в силу Земельного кодекса Российской Федерации (29 октября 2001 г.) для индивидуального строительства или ведения личного подсобного хозяйства. Согласно данной статье, изложенной в редакции, действовавшей в период, относившийся к обстоятельствам дела, регистрация права собственности на такие земельные участки осуществлялась на основании кадастрового плана, а также удостоверяющего документа (например, свидетельства о праве собственности), выданного государственными органами в соответствии с законодательством. Данная статья также предусматривала, что отметка на кадастровом плане о том, что границы участка не определены или подлежат определению в ходе межевания, не являлась препятствием для регистрации права собственности.

37. Согласно статье 13 названного закона в редакции, действовавшей в период, относившийся к обстоятельствам дела, после получения заявления о регистрации права собственности и подтверждающих документов орган, уполномоченный осуществлять государственную регистрацию прав, проводил правовую экспертизу данных документов.

B. Признание недействительными некоторых актов государственных органов

38. Статья 61 Земельного кодекса Российской Федерации устанавливает, что акты и решения органов местного самоуправления могут быть признаны судом недействительными, если они не соответствуют закону или иным нормативным правовым актам и нарушают права и охраняемые законом интересы физических или юридических лиц в области пользования и охраны земель (пункт 1). Убытки, причиненные гражданину или юридическому лицу в результате издания такого акта, подлежат возмещению в соответствии с гражданским законодательством (пункт 2 данной статьи).

C. Исковая давность

39. Согласно статье 196 Гражданского кодекса Российской Федерации общий срок исковой давности составляет три года. В соответствии со статьей 199 данного кодекса истечение срока исковой давности является основанием к вынесению судом решения об отказе в иске при условии, что о ее применении заявлено стороной в споре до вынесения судом решения. Пленумы Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации подтвердили

данное положение в своем совместном Постановлении от 20 февраля 1995 г. № 2/1, отметив, что заявление стороны в споре о применении срока исковой давности могло быть сделано на любой стадии процесса до вынесения решения судом первой инстанции и что пропуск указанного срока должен был быть подтвержден материалами дела (см. пункт 12 указанного постановления).

D. Протокол судебного заседания

40. В соответствии со статьей 229 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее - ГПК РФ) протокол судебного заседания должен отражать все существенные сведения о разбирательстве дела. В нем должны быть указаны, помимо прочего, сведения о разъяснении лицам, участвующим в деле, их прав на ознакомление с протоколом и подачу на него замечаний.

41. Согласно статьям 231 и 232 ГПК РФ лица, участвующие в деле, их представители вправе ознакомиться с протоколом и в течение пяти дней со дня его подписания подать в письменной форме замечания на протокол с указанием на допущенные в нем неточности и (или) на его неполноту. Судья рассматривает замечания в течение пяти дней. В случае согласия с замечаниями судья удостоверяет их правильность, а при несогласии с ними выносит мотивированное определение об их полном или частичном отклонении. Во всех случаях замечания приобщаются к делу.

ПРАВО

I. Возражения властей Российской Федерации о неприемлемости жалобы для рассмотрения по существу

42. Власти Российской Федерации полагали, что заявительницей не был соблюден шестимесячный срок для подачи жалобы, течение которого началось с момента вынесения Ставропольским краевым судом апелляционного определения 17 ноября 2009 г. Власти Российской Федерации считали, что ввиду отсутствия конверта с почтовой отметкой, указывающей на дату отправления жалобы, датой подачи жалобы должна считаться дата ее получения Европейским Судом, а именно 18 мая 2010 г.

43. Заявительница возражала против этого довода, настаивая, что жалоба была отправлена 14 мая 2010 г. В подтверждение своих слов она предоставила квитанцию, выданную отправителем, в которой указана эта дата. Все остальные данные, находившиеся на квитанции, разобрать невозможно.

44. Европейский Суд отмечает, что жалоба была доставлена почтой в Секретариат Европейского Суда 18 мая 2010 г. Он считает, что жалоба была отправлена не позднее 17 мая 2010 г. При данных обстоятельствах Европейский Суд полагает, что шестимесячный срок, который начался 18 ноября 2009 г. и истек 17 мая 2010 г. в полночь, был соблюден (см. Постановление

Большой Палаты Европейского Суда по делу "Сабри Гюнеш против Турции" (Sabri v. Turkey) от 29 июня 2012 г., жалоба № 27396/06, §§ 44 и 60). Таким образом, Европейский Суд отклоняет возражение властей Российской Федерации о неприемлемости жалобы для рассмотрения по существу.

II. Предполагаемое нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции

45. Заявительница утверждала, что признание судом недействительным ее права собственности на земельный участок под № 3б нарушило ее право на защиту собственности, гарантированное статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции, которая гласит:

"Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Преыдушие положения не умаляют права Государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов".

46. Власти Российской Федерации возражали против этого довода.

A. Приемлемость жалобы

1. Исчерпание внутригосударственных средств правовой защиты

47. Власти Российской Федерации отмечали, что заявительница не обращалась в суд с заявлением, предусмотренным в пункте 2 статьи 61 Земельного кодекса Российской Федерации и позволяющим возместить вред, причиненный незаконными действиями властей (см. § 38 настоящего Постановления). Следовательно, она не исчерпала внутригосударственные средства правовой защиты.

48. Чтобы доказать эффективность данного средства правовой защиты, власти Российской Федерации в своих дополнительных замечаниях по делу предоставили копии девяти судебных решений. В делах, по которым были вынесены данные судебные решения, власти заключили с частными лицами договоры аренды или купли-продажи земельных участков. Арендаторы или покупатели начали использовать данные участки, затем договоры были признаны недействительными по разным причинам. Арендаторы или покупатели затем получили через суд компенсацию расходов, понесенных в связи с использованием земельных участков. Власти Российской Федерации указали, что в отличие от истцов по приведенным ими делам заявительница не понесла никаких расходов в связи с использованием земельного участка под № 3б и ничего на нем не построила. Вместе с тем власти Российской Федерации полагали, что данный вопрос должен был быть рассмотрен внутригосударственными судами по заявлению, поданному в соответствии с пунктом 2 статьи 61 Земельного кодекса Российской Федерации.

49. Заявительница оспорила доводы властей Российской Федерации. Она считала, что благоприятный для нее исход такого дела зависит от соблюдения двух условий, которым ее ситуация не соответствует. По ее мнению, первое условие предполагает наличие доказательств виновности муниципальной администрации в правонарушении, связанном с выдачей свидетельства о праве собственности. Заявительница утверждала, что в настоящем деле она не смогла бы это доказать, поскольку, по ее словам, судами было установлено, что ее свидетельство о праве собственности не было выдано администрацией, а было подделано неизвестным лицом. По мнению заявительницы, второе условие предполагает, что истец по делу должен доказать нарушение его или ее прав в сфере пользования земельным участком. В этой связи заявительница указывала, что внутригосударственными судами было установлено лишь нарушение прав администрации.

50. Европейский Суд напоминает, что заявители должны исчерпать только те внутригосударственные средства правовой защиты, которые находились в их распоряжении и были эффективными не только в теории, но и на практике в соответствующий период времени, то есть были доступными, способными привести к удовлетворению жалоб и представляли разумные

перспективы успеха (см. среди многих прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Паксас против Литвы" (*Paksas v. Lithuania*) от 6 января 2011 г., жалоба № 34932/04, § 75).

51. В настоящем деле Европейский Суд полагает, что вопрос о том, могла ли заявительница претендовать на компенсацию в случае подачи жалобы на основании пункта 2 статьи 61 Земельного кодекса Российской Федерации, предполагает определение того, понесла ли заявительница какие-либо расходы в отношении земельного участка. Данный вопрос тесно связан с вопросом о соразмерности вмешательства в права заявительницы и, следовательно, с существом дела. В связи с этим Европейский Суд принимает решение рассмотреть одновременно жалобу по существу и возражение властей Российской Федерации о неприемлемости жалобы.

2. Совместимость жалобы *ratione materiae* <1>

<1> *Ratione materiae* (лат.) - по причинам существа, ввиду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения. По общему правилу Европейский Суд принимает к рассмотрению жалобы относительно предполагаемых нарушений лишь тех прав человека, которые закреплены в Конвенции (примеч. редактора).

52. Власти Российской Федерации утверждали, что заявительница не обладала "имуществом" по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Ссылаясь на выводы решения от 15 сентября 2009 г. (см. §§ 22 - 23 настоящего Постановления) и на материалы, предоставленные в рамках расследования по уголовным делам (см. §§ 15 - 17 настоящего Постановления), власти Российской Федерации отмечали, что заявительница никогда не являлась "законной" собственницей спорного земельного участка и что ее свидетельство о праве собственности было подделано. В своих замечаниях по делу власти Российской Федерации, таким образом, по всей видимости, подразумевали, что жалоба заявительницы несовместима со статьей 1 Протокола № 1 Конвенции *ratione materiae*.

53. Заявительница оспорила этот довод. Заявительница настаивала, что она являлась собственницей участка под № 3б и что последний являлся ее "имуществом" по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Она указывала, что ее право собственности на данный земельный участок появилось у нее в 1992 году и было зарегистрировано в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним в 2007 году.

54. Европейский Суд полагает, что данный довод властей Российской Федерации тесно связан с существом дела. В связи с этим Европейский Суд рассмотрит данный аргумент в соответствующей части (см. похожий подход в Постановлении Европейского Суда по делу "Мхчян против Российской Федерации" (*Mkhchyan v. Russia*) от 7 февраля 2017 г., жалоба № 54700/12 <1>, § 44).

<1> См.: Российская хроника Европейского Суда. 2017. № 4 (примеч. редактора).

3. Заключение

55. Установив, что жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта "а" пункта 3 статьи 35 Конвенции и не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям, Европейский Суд объявляет ее приемлемой для рассмотрения по существу.

В. Существо жалобы

1. Доводы сторон

56. Власти Российской Федерации полагали, что, даже если предположить, что у заявительницы было "имущество" в значении статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, вмешательство в ее права соответствовало этому положению, оно было осуществлено с соблюдением условий, предусмотренных законодательством, и в интересах общества. Что касается соразмерности вмешательства, власти Российской Федерации отмечали, что настоящее дело отличается от дела "Гладышева против Российской Федерации" (см. Постановление Европейского Суда по делу "Гладышева против Российской Федерации" (Gladysheva v. Russia) от 6 декабря 2011 г., жалоба № 7097/10 <1>), в котором заявительница приобрела квартиру, вселилась в нее и вносила за квартиру все соответствующие платежи. Власти Российской Федерации считали, что в настоящем деле заявительница получила земельный участок под № 3б безвозмездно и не пользовалась им, поэтому они полагали, что в любом случае вмешательство не привело к возложению на заявительницу чрезмерного бремени.

<1> См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 6 (примеч. редактора).

57. Заявительница признала, что вмешательство было осуществлено в интересах общества, но оспаривала его "законность" и соразмерность. В частности, она обвиняла внутригосударственные суды в признании недействительным свидетельства о праве собственности, выданного в 1997 году. По утверждениям заявительницы, это решение не было основано ни на одном положении законодательства, действовавшем в тот период. Она полагала, что глава администрации 1997 года выдал ее свидетельство о праве собственности, действуя в рамках своих полномочий. Заявительница считала, что, таким образом, свидетельство о праве собственности являлось документом, соответствующим законодательству.

58. Заявительница также отмечала, что то, пользовалась ли она земельным участком, не имеет значения для дела и что она была лишена данного участка без какой-либо компенсации. Полагая, что настоящее дело схоже с упоминавшимся выше делом "Гладышева против Российской Федерации", она утверждала, что признание недействительным ее права собственности на земельный участок под № 3б по причине ошибок, допущенных властями, привело к тому, что на нее было возложено чрезмерное и неразумное бремя. Она отмечала, что власти Российской Федерации не должны исправлять за ее счет свои ошибки, допущенные ими, по мнению заявительницы, в трех сферах. В первую очередь заявительница имела в виду формальные нарушения, допущенные главой администрации в 1997 году в процессе выдачи свидетельства о праве собственности. Во-вторых, речь идет об отсутствии указания точного адреса земельного участка в разрешении на строительство, выданном 1 марта 1993 г. (см. § 9 настоящего Постановления). Наконец, в-третьих, если предположить, что свидетельство о праве собственности, выданное в 1997 году, было подделано, органы, уполномоченные осуществлять регистрацию прав на недвижимое имущество, должны были выявить это в 2007 году в процессе обработки поданного ею заявления.

2. Мнение Европейского Суда

(а) Наличие "имущества" и вмешательства в права заявительницы

59. Европейский Суд напоминает, что понятие "имущество" имеет автономное значение, которое не зависит от формальных классификаций, закрепленных во внутригосударственном законодательстве. Важно то, можно ли в обстоятельствах определенного дела, взятых в совокупности, считать заявителя имеющим существенный интерес, подпадающий под защиту

статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Енерилдыз против Турции" от 30 ноября 2004 г., жалоба № 48939/99, § 124).

60. Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле между сторонами существует разногласие относительно того, являлся ли спорный земельный участок "имуществом" заявительницы в значении статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Однако власти зарегистрировали право собственности заявительницы на данный участок в 2007 году и, соответственно, официально признали ее собственницей. Следовательно, заявительница обладала "имуществом" в значении статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Гладышева против Российской Федерации", § 69, и Постановление Европейского Суда по делу "Сосьедад Анонима дель Усьеса против Испании" от 4 ноября 2014 г., жалоба № 38963/08, §§ 78 - 79). В связи с этим Европейский Суд отклоняет довод властей Российской Федерации о несовместимости жалобы с Конвенцией *ratione materiae*.

61. В отношении характера вмешательства Европейский Суд отмечает, что последствием решения от 15 сентября 2009 г. было окончательное признание недействительным права собственности заявительницы на ее имущество. Таким образом, Европейский Суд считает, что данная мера представляла собой лишение имущества в значении второго выражения первого пункта статьи 1 Протокола № 1.

(b) Обоснованность вмешательства в права заявительницы

(i) Законность и правомерная цель вмешательства

62. Европейский Суд напоминает, что стороны расходятся во мнениях относительно законности вмешательства в право заявительницы в результате вынесения судебного решения. В этой связи Европейский Суд отмечает, что в его задачу не входит переоценка толкования законодательства внутригосударственными судами страны, за исключением случаев очевидного произвола. В настоящем деле отсутствуют доказательства, которые позволили бы Европейскому Суду прийти к выводу о том, что решения судов Российской Федерации о признании недействительным права собственности заявительницы были произвольными или явно неразумными. Таким образом, следует считать, что вмешательство в право заявительницы было произведено "на условиях, предусмотренных законом" в значении статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

63. Европейский Суд далее отмечает, что сторонами не оспаривалось, что данная мера была принята в интересах общества, а именно в интересах защиты муниципального имущества органами местного самоуправления. Следовательно, остается определить, был ли соблюден баланс между публичными и частными интересами в результате признания права собственности заявительницы недействительным.

(ii) Соразмерность вмешательства

64. Европейский Суд повторяет, что соразмерность вмешательства предполагает наличие ясного баланса между требованиями общественного интереса и целью защиты основных прав. Данный баланс нарушается, если в результате вмешательства на лица, чьи интересы затронуты, возлагается "индивидуальное и непомерное бремя" (см., например, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Мхчян против Российской Федерации", § 67, а также приведенные в нем дела). Европейский Суд также напоминает, что проверка соблюдения баланса требует общего анализа различных затрагиваемых интересов и может предполагать рассмотрение действий сторон, мер, принятых властями, и способа их реализации, в частности, обязательство властей действовать оперативно, правильно и последовательно (см., например, Постановление Европейского Суда по делу "Осипковс и другие против Латвии" (*Osipkovs and Others v. Latvia*) от 4 мая 2017 г., жалоба № 39210/07, § 80).

65. В настоящем деле Европейский Суд прежде всего отмечает, что в отличие от упоминавшегося выше дела "Гладышева против Российской Федерации" заявительница по

настоящему делу не приобретала спорное имущество у частного лица после приватизации, а получила его безвозмездно от органов местного самоуправления.

66. Европейский Суд также констатирует, что внутригосударственные суды приняли во внимание тот факт, что заявительница получила свидетельство о праве собственности с нарушением законодательства, действовавшего на тот момент, что данное свидетельство было недействительным и незаконным и что заявительница стала владелицей земельного участка, не имея на него каких-либо прав (см. §§ 22, 25 и 32 настоящего Постановления).

67. Европейский Суд также отмечает, что власти Российской Федерации приняли соответствующие меры своевременно и последовательно: в июле 2008 года было возбуждено уголовное дело об использовании поддельного свидетельства о праве собственности (то есть через месяц после того, как заявительница обратилась к муниципальной администрации с требованием провести межевание земельного участка), а в июне 2009 года районная администрация подала заявление о признании права собственности заявительницы недействительным (см. для сравнения Постановление Европейского Суда по делу "Анна Попова против Российской Федерации" (*Anna Popova v. Russia*) от 4 октября 2016 г., жалоба № 59391/12 <1>), в котором Европейский Суд счел, что власти не проявили должного усердия и не среагировали вовремя, допустив несколько перепродаж квартиры после выявления факта мошенничества).

<1> См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2018. № 2 (примеч. редактора).

68. Однако Европейский Суд особенно отмечает, что, кроме возведения фундамента, по поводу которого заявительница не уточнила ни стоимость работ, ни время их проведения, она не обустроила предназначенный для строительства участок и проявляла к нему мало интереса (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу "Мальфатто и Мией против Франции" (*Malfatto and Mieille v. France*) от 6 октября 2016 г., жалобы NN 40886/06 и 51946/07, §§ 69 - 71, и приведенные в нем дела, а также *a contrario* Постановление Европейского Суда по делу "Пирантиене против Литвы" (*Pyrantien v. Lithuania*) от 12 ноября 2013 г., жалоба № 45092/07, §§ 6 и 62, в котором до возвращения земельного участка властям заявительница выращивала на нем овощи и продавала их на рынке, что являлось для нее основным источником дохода).

69. При таких обстоятельствах, учитывая отсутствие вложений, сделанных заявительницей в отношении спорного земельного участка, Европейский Суд полагает, что, даже если бы заявительнице удалось доказать вину муниципальной администрации или нарушение ее собственных прав (см. § 49 настоящего Постановления), обращение в суд на основании пункта 2 статьи 61 Земельного кодекса Российской Федерации не позволило бы ей получить компенсацию. Таким образом, было бы неразумно требовать от нее начинать в нарушение принципов разумной длительности процедуры и надлежащего отправления правосудия такой безуспешный процесс, не способный привести к восстановлению прав, на нарушение которых жаловалась заявительница. Следовательно, Европейский Суд отклоняет довод властей Российской Федерации о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты.

70. Наконец, Европейский Суд принимает во внимание тот факт, что в 2010 году между заявительницей и районной администрацией был заключен договор аренды другого земельного участка, предназначенного для индивидуального строительства, причем по более чем символической цене (см. § 33 настоящего Постановления). Если бы заявительница построила дом на данном участке, она могла бы или добиться продления договора, либо получить исключительное право на приватизацию участка (см. § 34 настоящего Постановления, а также *a contrario* Постановление Европейского Суда по делу "Альбергас и Арлаускас против Литвы" (*Albergas and Arlauskas v. Lithuania*) от 27 мая 2014 г., жалоба № 17978/08, в котором власти отклонили требование заявителя о предоставлении земельного участка взамен того, купля-продажа которого была признана недействительной, и не выплатили какой-либо компенсации).

71. Принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд полагает, что признание судом недействительным права собственности заявительницы на земельный участок под № 36 не привело к тому, что заявительница была вынуждена нести чрезмерное бремя, и не нарушило баланс между защитой прав, гарантированных статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции, и интересами общества.

72. Таким образом, Европейский Суд приходит к выводу, что в настоящем деле не было допущено нарушения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Ввиду данного заключения отсутствует необходимость рассматривать иные доводы сторон.

II. Предполагаемое нарушение статьи 6 Конвенции

73. Заявительница жаловалась на то, что районный суд не рассмотрел ее аргумент об истечении срока исковой давности, чем нарушил ее право на справедливое судебное разбирательство. Она ссылаясь на пункт 1 статьи 6 Конвенции, который в соответствующей части гласит:

"Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях... имеет право на справедливое... разбирательство дела... судом...".

74. Власти Российской Федерации не согласились с этой жалобой.

A. Доводы сторон

75. Власти Российской Федерации указывали, что судья по протоколам заседаний суда первой инстанции заявительница не подавала ходатайств о применении исковой давности и что суд не мог рассмотреть данный вопрос по собственной инициативе.

76. Заявительница возражала против такого довода, указывая, что, хотя в протоколах судебных заседаний это и не отмечено, она заявляла о применении исковой давности устно. Она признала, что не подавала замечаний на протоколы в этой связи, но считала, что суд все равно бы с ними не согласился. По ее мнению, согласие суда с такими замечаниями значило бы то, что суд забыл рассмотреть довод, являющийся основанием для отказа в иске, и что решение суда могло быть отменено. Заявительница также утверждала, что она не знала о своем праве подать замечания на протоколы судебных заседаний, но уточнила, что она заявляла о применении исковой давности в суде апелляционной инстанции.

B. Мнение Европейского Суда

77. Европейский Суд напоминает, что пункт 1 статьи 6 Конвенции предполагает, что суды должны мотивировать свои постановления и что в случаях, когда довод стороны является решающим для дела, он требует отдельного и ясно выраженного ответа со стороны суда (см. Постановление Европейского Суда по делу "Руиз Ториха против Испании" (Ruiz Torija v. Spain) от 9 декабря 1994 г., жалоба № 18390/91, §§ 29 - 30). Однако для того, чтобы суд мог ответить на решающий для дела аргумент, необходимо, чтобы последний был ясно и точно сформулирован.

78. Европейский Суд отмечает, что в соответствии с законодательством Российской Федерации довод об истечении срока исковой давности должен быть заявлен в суде первой инстанции до вынесения решения по существу дела (см. § 39 настоящего Постановления). Аргумент, сформулированный устно, должен быть отражен в протоколе судебного заседания, в противном случае заинтересованная сторона имеет право подать замечания на протокол. Последние могут быть одобрены или отклонены судом, но в любом случае приобщаются к делу (см. §§ 40 и 41 настоящего Постановления).

79. Европейский Суд констатирует, что в настоящем деле суд апелляционной инстанции отклонил без рассмотрения довод заявительницы об истечении срока исковой давности на

основании отсутствия доказательств того, что она выдвигала данную жалобу в суде первой инстанции.

80. Европейский Суд отмечает, что стороны разошлись во мнении относительно того, было ли подано ходатайство о применении исковой давности в суде первой инстанции. Европейский Суд полагает, что, обнаружив, что ее требование о применении срока исковой давности, заявленное устно, не было отражено в протоколе судебного заседания, заявительница, которая пользовалась помощью адвоката, должна была сделать замечание на этот счет, тем более, что она была уведомлена об этом праве (см. § 20 настоящего Постановления). Однако заявительница не оспорила ни то, что она была проинформирована об этом праве, ни точность протокола судебного заседания. Она также не утверждала о наличии каких-либо препятствий для нее или ее адвоката, чтобы оспорить содержание протокола. По мнению Европейского Суда, если бы заявительница подала замечания на протокол, это позволило бы ей по крайней мере доказать тот факт, что она ходатайствовала о применении исковой давности в суде первой инстанции. В отсутствие каких-либо подтверждений этого обстоятельства в деле краевой суд мог только отклонить данный аргумент заявительницы.

81. Европейский Суд считает, что заявительница не воспользовалась процессуальной возможностью, которая была ей предоставлена, и тем самым сама поставила себя в невыгодное положение. В связи с этим Европейский Суд приходит к выводу, что жалоба на нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции является явно необоснованной и должна быть отклонена на основании подпункта "а" пункта 3 статьи 35 Конвенции.

IV. Иные предполагаемые нарушения Конвенции

82. Ссылаясь на пункт 1 статьи 6 Конвенции, заявительница жаловалась на оценку судами Российской Федерации фактов и доказательств по делу, а также на отсутствие беспристрастности судов.

83. Принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении материалы, а также в той части, в которой эти жалобы относятся к его юрисдикции, Европейский Суд считает, что они не содержат признаков нарушения прав и свобод, установленных Конвенцией и Протоколами к ней. Следовательно, в этой части жалоба должна быть отклонена как явно необоснованная в соответствии с подпунктом "а" пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1) отклонил возражение властей Российской Федерации о несоблюдении шестимесячного срока для подачи жалобы;

2) объединил рассмотрение возражения властей Российской Федерации о несовместимости жалобы на нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции *ratione materiae* и о неисчерпании внутрисударственных средств правовой защиты и существа дела и отклонил их;

3) объявил жалобу заявительницы на нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции приемлемой для рассмотрения по существу, а в остальной части - неприемлемой;

4) постановил, что по делу не было допущено нарушения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

Совершено на французском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 5 декабря 2017 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Председатель
Палаты Суда
ХЕЛЕНА ЯДЕРБЛОМ

К настоящему Постановлению в соответствии пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда прилагается отдельное мнение судьи Дмитрия Дедова.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ДМИТРИЯ ДЕДОВА

Принимая во внимание материалы дела, я считаю, что заявительница не обладала "имуществом" в значении статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции по нижеследующим причинам.

Прежде всего спорный земельный "участок" не был разграничен ни на кадастровом плане, ни на местности. Его географические координаты или физические границы не были уточнены. К тому же у "участка" не было почтового адреса. Помимо этого, согласно законодательству Российской Федерации данный "объект" не мог являться предметом какой-либо сделки. Наконец, заявительница не пользовалась этим участком (в судах Российской Федерации не было доказано, что она возвела на нем фундамент для строительства дома).

В связи с этим я полагаю, что жалобу следовало отклонить как несовместимую с Конвенцией *ratione materiae*, что исключало необходимость применения теста на соразмерность вмешательства.

Дело "Саргсян (Sargsyan) против Азербайджана": Постановление Европейского Суда по правам человека от 12 декабря 2017 года (жалоба № 40167/06)

Доступ:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=562459&dst=1000000001>

Перевод с английского языка Д.Г. Николаева.

Настоящее Постановление вступило в силу 28 сентября 2017 г. в соответствии с положениями пункта 1 статьи 44 Конвенции (примеч. редактора). В настоящее Постановление могут быть внесены редакционные правки.

По делу "Саргсян против Азербайджана" Европейский Суд по правам человека, заседая Большой Палатой в составе:

Гвидо Раймонди, Председателя Большой Палаты,

Ангелики Нуссбергер,

Линос-Александра Сисилианоса,

Анны Юдковской,

Роберта Спано,

Луиса Лопеса Герра,

Небойши Вучинича,

Пауля Лемменса,

Кшиштофа Войтычека,

Ксении Туркович,

Эгидиуса Куриса,

Юлии Моток,

Бранко Лубарды,

Мартиньша Митса,

Армена Арутюняна,

Лятифа Гусейнова,

Жольены Шуккинг, судей,

а также при участии Йохана Каллеварта, заместителя Секретаря Большой Палаты, рассмотрев дело в закрытом заседании 28 сентября 2017 г.,

вынес в указанный день следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 40167/06, поданной против Азербайджанской Республики в Европейский Суд по правам человека (далее - Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция) гражданином Армении Минасом Саргсяном (далее - заявитель) 11 августа 2006 г. Заявитель скончался в 2009 году. Впоследствии жалобу поддержали его вдова Лена Саргсян, родившаяся в 1936 году, его сын Владимир Саргсян и его дочери Цовинар и Нина Саргсяны, родившиеся в 1957, 1959 и 1966 годах соответственно. Лена Саргсян скончалась в 2014 году. Владимир и Цовинар Саргсяны продолжили разбирательство от имени заявителя.

2. Интересы заявителя, которому была оказана юридическая помощь, представляли Н. Гаспарян и К. Оханян, адвокаты, практикующие в г. Ереване, и Филип Лич (Philip Leach), директор

Европейского центра защиты прав человека. Власти Азербайджанской Республики были представлены их Уполномоченным при Европейском Суде Ч. Асгаровым.

3. В Постановлении, вынесенном 16 июня 2015 г. (далее - основное Постановление), Большая Палата отклонила предварительные возражения властей Азербайджана относительно неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты, отсутствия юрисдикции и ответственности, отсутствия компетенции суда *ratione temporis* <3> и отсутствия статуса жертвы у заявителя в отношении его жалоб, касающихся могил его родственников. Большая Палата Европейского Суда постановила, что имело место длящееся нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Она также установила длящееся нарушение статей 8 и 13 Конвенции и заключила, что в настоящем деле не возникает обособленного вопроса в отношении статьи 14 Конвенции. В частности, относительно статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции Большая Палата Европейского Суда, что касается периода, относящегося к ее юрисдикции, то есть с 15 апреля 2002 г., пришла к следующему выводу: несмотря на то, что невозможность для заявителя получить доступ к своему имуществу в селе Гюлистан была оправдана соображениями безопасности, отсутствие со стороны ответчика каких-либо альтернативных мер для восстановления его имущественных прав или предоставления ему компенсации за утрату возможности использовать их возлагало и возлагает на него чрезмерное бремя (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Саргсян против Азербайджана" (*Sargsyan v. Azerbaijan*), жалоба № 40167/06 <1>, ECHR 2015).

<3> *Ratione temporis* (лат.) - ввиду обстоятельств, связанных со временем, критерий времени, применяемый при оценке приемлемости жалобы Европейским Судом (примеч. переводчика).

<1> См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 9 (примеч. редактора).

4. В соответствии со статьей 41 Конвенции заявитель добивался выплаты справедливой компенсации материального ущерба и морального вреда, причиненных в результате нарушений, выявленных в настоящем деле, а также возмещения расходов и издержек, понесенных в ходе разбирательства дела в Европейском Суде.

5. Поскольку вопрос о применении статьи 41 Конвенции не был готов к разрешению, Европейский Суд отложил его рассмотрение и предложил властям Азербайджана и заявителю представить в течение трех месяцев свои письменные объяснения по этому вопросу и, в частности, уведомить Европейский Суд о любом соглашении, которого они могут достичь (см. § 283 основного Постановления и пункт 9 его резолютивной части).

6. Не достигнув соглашения, заявитель подал объяснения 16 июня и 13 декабря 2016 г., а власти Азербайджана - 16 сентября и 24 декабря 2016 г.

7. Состав Большой Палаты Европейского Суда был определен в соответствии с положениями пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правила 24 Регламента Суда.

ПРАВО

8. Статья 41 Конвенции гласит:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

А. Ущерб

1. Доводы сторон

(а) Заявитель

9. Заявитель, армянин по национальности, 1929 года рождения, был женат и имел четверых детей. Его семья проживала в селе Гюлистан Шаумяновского района Азербайджанской ССР (ныне Горанбойский район Азербайджана), где у заявителя были двухэтажный дом, хозяйственные постройки и 2 160 кв. м земли, из которых 1 500 кв. м были заняты фруктовым садом и огородом. Он получал доход, работая учителем в средней школе, а также за счет земледелия и животноводства, которыми он занимался на своей земле. Его жена, Лена Саргсян, работала в колхозе. Заявитель и его жена прожили в селе Гюлистан большую часть своей жизни, и их четверо детей выросли там. Они были вынуждены бежать из села в июне 1992 года, когда оно подверглось нападению во время военного этапа Нагорно-Карабахского конфликта. Впоследствии заявитель и его жена жили в качестве беженцев в г. Ереване. В 2002 году заявитель получил гражданство Армении. Он умер 13 апреля 2009 г. (см. §§ 29 и 34 - 40 основного Постановления).

10. В своих доводах от 21 мая 2012 г. до слушания по существу дела заявитель обратился с просьбой о реституции своего имущества, включая право на возвращение его имущества и дома в селе Гюлистан, о компенсации материального ущерба и морального вреда, а также о возмещении расходов и издержек, понесенных в ходе разбирательства дела в Европейском Суде (см. § 281 основного Постановления). В своих замечаниях, представленных после вынесения основного Постановления, он подтвердил свои требования о компенсации, но отметил практическую невозможность возвращения в село из-за недавних боевых действий и неустойчивого соглашения о прекращении огня. Он добавил, что суммы, рассчитанные в долларах США, были конвертированы в евро по курсу, действовавшему на дату подачи первоначальной жалобы, и просил Европейский Суд принять во внимание существенное изменение обменного курса между этими двумя валютами при вынесении окончательной оценки.

11. Заявитель потребовал в общей сложности выплаты 374 814 евро в качестве компенсации за материальный ущерб, понесенный в результате его насильственного перемещения из села Гюлистан в июне 1992 года и невозможности вернуться к своему имуществу.

12. Требования о возмещении материального ущерба состояли из компенсаций за утрату следующего имущества: его дома и подсобных строений (16 654 евро), мебели (12 824 евро), скота и фруктовых деревьев (1 644 евро), вкладов в Сберегательном банке Азербайджана на его счетах и счетах его жены (1 564 евро), дохода (151 260 евро за период с 1992 по 2012 год, а именно утрату заработной платы его и его жены и его пенсии в размере 3 388 евро в год и утрату доходов от аренды его земли, находящейся в селе Гюлистан в размере 4 175 евро в год), - а также возмещения дополнительных расходов на аренду и проживание (на общую сумму в размере 99 447 евро за период с 1992 по 2012 год), за вычетом денежных средств, поступивших в качестве пенсионных и семейных пособий от властей Армении. Кроме того, он заявил об утрате будущих доходов и стоимости проживания для своей жены Лены Саргсян (91 421 евро).

13. В отношении дома заявитель сослался на выводы Европейского Суда, содержащиеся в основном Постановлении, согласно которым его дом все еще существует (см. там же, §§ 197 - 198). Он представил три различные оценки: во-первых, оценку в рублях СССР, содержащуюся в техническом паспорте дома, датированном маем 1991 года, конвертированную в доллары США по ставкам июня 1992 года, во-вторых, оценку Лены Саргсян, основанную на том, что вследствие девальвации рубля СССР в 1991 году кадастровая стоимость в техническом паспорте, конвертированная в доллары США в июне 1992 года, не точно отражала стоимость, и в-третьих, оценку по кадастру недвижимости Армении, предоставленную в апреле 2012 года, в которой дом

заявителя сравнивался с аналогичными домами в схожем селе в Армении и оценивался в 21 403 доллара США (или 16 654 евро на момент подачи требований в мае 2012 года).

14. В отношении утраты дохода, полученного от его земли в селе Гюлистан, заявитель указал, что он содержал скот, выращивал фрукты и овощи на своей земле. Часть продукции предназначалась для собственного потребления семьей, а часть продавалась. Он оценил убыток по этому основанию в размере 4 175 евро в год, пересчитав стоимость продукции из рублей СССР в доллары, а затем в евро. Что касается дополнительных расходов на аренду и проживание, то он представил ряд квитанций об оплате жилья за квартиру в общежитии в г. Ереване. Согласно показаниям Лены Саргсян, приложенным к требованиям от 21 мая 2012 г., эта квартира была выделена заявителю и ей в 2001 году Комитетом Армении по делам беженцев, и впоследствии они смогли приватизировать ее. Кроме того, заявитель предоставил счета за электроэнергию и воду, а также перечень социальных услуг, предоставляемых в Армении в виде выплаты пенсий и семейных пособий с 2003 по 2012 год. В отношении других оснований возмещения материального ущерба заявитель также предоставил подробную информацию о методе расчета и ряд подтверждающих документов.

15. Кроме того, заявитель отметил, что Европейский Суд также дал указания в отношении метода и принципа возмещения материального ущерба, причиненного физическим лицам, находящимся в положении заявителя, ссылаясь на соответствующие международные стандарты, в частности, на "принципы Организации Объединенных Наций по вопросам реституции жилья и имущества беженцев и перемещенных лиц" (далее - Принципы Пиньейру) и Резолюцию № 178 (2010) Парламентской Ассамблеи Совета Европы "О решении имущественных вопросов беженцев и перемещенных лиц" (см. § 238 основного Постановления).

16. В отношении морального вреда близкие родственники заявителя, поддержавшие жалобу после его смерти, утверждали, что это требование было предъявлено от их имени и от имени заявителя. Они потребовали в общей сложности выплаты 190 000 евро, ссылаясь на страдания и чувства беспомощности и разочарования, испытываемые ими самими и заявителем многие годы, в течение которых они не могли пользоваться своим имуществом и домом в селе Гюлистан и посещать могилы своих родственников.

17. Наконец, заявитель оспорил мнение властей Азербайджана о том, что невозможность доступа к его имуществу и дому была обусловлена оккупацией Арменией значительных частей территории Азербайджана, отметив, что это мнение расходится с выводами Европейского Суда, содержащимися в основном Постановлении (см. там же, §§ 134 - 137 и 151).

(b) Власти Азербайджана

18. Со своей стороны, власти Азербайджана утверждали, что в настоящем деле реституция невозможна. Они сослались на вывод Европейского Суда о том, что заявитель по-прежнему имеет дом в селе Гюлистан (см. §§ 197 - 198 основного Постановления), но подчеркнули, что, по оценке Европейского Суда, отказ в предоставлении заявителю или любому гражданскому лицу доступа в село был оправдан ситуацией, связанной с личной безопасностью (см. там же, § 233). Соответственно, они не могут обеспечить реституцию имущества заявителя, но должны принять альтернативные меры для обеспечения его имущественных прав (см. там же, § 234).

19. Власти Азербайджана, ссылаясь на вывод Европейского Суда, содержащийся в основном Постановлении, согласно которому при оценке соразмерности рассматриваемых действий и бездействия должны приниматься во внимание практические трудности при осуществлении ими полномочий в селе Гюлистан (см. там же, § 150), утверждали, что аналогичный подход должен учитываться при оценке выплаты справедливой компенсации. Присуждаемые суммы компенсации должны быть разумно пропорциональными по отношению к степени их ответственности за нарушения имущественных прав заявителя. Кроме того, при оценке требований заявителя

необходимо было учесть меры, принятые властями Азербайджана в пользу огромного количества вынужденных переселенцев.

20. Что касается материального ущерба, то власти Азербайджана утверждали, что часть требований заявителя касается фактов, которые выходят за рамки компетенции Европейского Суда *ratione temporis*. В частности, власти Азербайджана считали, что они не могут нести ответственность за перемещение заявителя в июне 1992 года или за любой ущерб, причиненный дому или другому его имуществу во время вооруженного конфликта.

21. На основе этих положений власти Азербайджана детально оспорили требования заявителя по различным пунктам требования о компенсации материального ущерба. Они, в частности, утверждали, что заявитель требовал компенсации стоимости самого дома, однако, по их мнению, он не представил требований в отношении продолжающегося нарушения его имущественных прав в связи с утратой права пользования его имуществом в селе Гюлистан.

22. Что касается требований в связи с утратой дохода, то власти Азербайджана отметили, что Лена Саргсян, вдова заявителя, сама не была заявительницей по жалобе в Европейский Суд. Следовательно, утрата ее дохода не может быть заявлена обоснованно. Кроме того, требования в связи с утратой дохода заявителя не могли рассматриваться после его смерти. Власти Азербайджана также оспорили иски о возмещении дополнительных доходов от аренды и расходов на проживание и будущих расходов, указывая на то, что согласно заявлению Лены Саргсян, приложенному к доводам заявителя от 21 мая 2012 г., ей и заявителю в 2001 году была предоставлена квартира в Армении, и они получали пенсии и пособия на семью от властей Армении.

23. Что касается морального вреда, власти Азербайджана утверждали, что установление факта нарушения Конвенции само по себе является достаточной справедливой компенсацией. Они признали, что беженцам был причинен материальный ущерб из-за невозможности получить доступ к их имуществу, их домам и могилам их родственников. Однако в настоящем деле отсутствие этой возможности было неразрывно связано с оккупацией значительной части территории Азербайджана и возобновлением в апреле 2016 года боевых действий вдоль линии соприкосновения, включая интенсивные обстрелы городов и сел, в том числе в Горанбойском районе, где находится село Гюлистан.

24. Кроме того, власти Азербайджана поставили под сомнение право оставшихся в живых членов семьи добиваться присуждения компенсации за моральный вред от своего имени и выразили мнение о том, что любое требование о возмещении морального вреда от имени заявителя было аннулировано после его смерти.

2. Мнение Европейского Суда

(а) Краткое введение

25. Оставляя вопрос о справедливой компенсации для рассмотрения в будущем, Европейский Суд в основном Постановлении сослался на исключительный характер данного дела (см. § 283).

26. Этот исключительный характер обусловлен рядом особенностей. Одна из них заключается в том, что настоящее дело касается продолжающейся конфликтной ситуации. Активная фаза военных действий в Нагорно-Карабахском конфликте имела место в 1992 - 1994 годах, но, несмотря на соглашение о прекращении огня, заключенное в мае 1994 года, и переговоры, проведенные в рамках Минской группы Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, мирного соглашения достигнуто не было (более подробное описание предыстории и текущей ситуации см. в §§ 14 - 28 основного Постановления). Двадцать три года спустя продолжают иметь место нарушения соглашения о прекращении огня. Как отметили обе стороны в своих замечаниях о выплатах справедливой компенсации, в последнее время вдоль линии соприкосновения наблюдается эскалация насилия, особенно во время военных столкновений в начале апреля 2016 года.

27. Другой конкретный аспект дела заключается в том, что, хотя события, которые вынудили заявителей покинуть свое имущество и дома, произошли в июне 1992 года, власти Азербайджана ратифицировали Конвенцию спустя 10 лет, 15 апреля 2002 г. Таким образом, не имея юрисдикции *ratione temporis* в отношении событий, предшествовавших 15 апреля 2002 г., Европейский Суд пришел к выводу, что заявители по-прежнему имеют действительные права собственности на землю и дом в районе села Гюлистан (см. §§ 198 и 205 основного Постановления). С даты вступления Конвенции в силу он признал власти Азербайджана ответственными за продолжающиеся нарушения прав заявителя в соответствии со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции, а также статьями 8 и 13 Конвенции (см. §§ 241 - 242, 260 - 261 и 273 - 274 основного Постановления).

28. Таким образом, Европейский Суд рассматривает длящуюся ситуацию, истоки которой заложены в неурегулированном конфликте вокруг Нагорного Карабаха и прилегающих к нему территориях, и которая по-прежнему затрагивает большое количество лиц. Более тысячи индивидуальных жалоб, поданных лицами, которые были перемещены в период конфликта, находится на рассмотрении Европейского Суда, из них чуть более половины поданы против Армении, а оставшаяся часть - против Азербайджана. Заявители в этих делах являются лишь небольшой частью лиц, численность которых, по оценкам, превысила один миллион человек, которые были вынуждены бежать во время конфликта и с тех пор не могут вернуться в свои дома или получить какую-либо компенсацию за утрату возможности пользоваться ими.

29. В этой связи Европейский Суд считает целесообразным вновь подчеркнуть принцип субсидиарности. В данном случае он имеет как политический, так и правовой аспект.

30. Что касается политического аспекта, Европейский Суд уже ссылался на обязательства, взятые властями Армении и Азербайджана до их вступления в Совет Европы, их приверженность мирному урегулированию Нагорно-Карабахского конфликта (см. § 76 основного Постановления). К настоящему времени прошло около 15 лет с момента ратификации Конвенции Арменией и Азербайджаном без политического решения конфликта. Европейский Суд может лишь подчеркнуть, что на властях этих двух государств лежит ответственность за поиск решения на политическом уровне (см., *mutatis mutandis*, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по

делу "Ковачич и другие против Словении" (*and Others v. Slovenia*) от 3 октября 2008 г., жалоба № 44574/98 и две другие, §§ 255 - 256, и Решение Большой Палаты Европейского Суда по делу "Демопулос и другие против Турции" (*Demopoulos and Others v. Turkey*), жалоба № 46113/99 и семь других, § 85, ECHR 2010).

31. Переходя к правовому аспекту, Европейский Суд повторяет, что принцип субсидиарности лежит в основе системы Конвенции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по

делу "Курич и другие против Словении" (*and Others v. Slovenia*) (справедливая компенсация), жалоба № 26828/06, § 134, ECHR 2014, и приведенные в нем примеры). Данный принцип закреплен в статье 1 Конвенции, согласно которой Договаривающиеся Государства обеспечивают права и свободы, гарантируемые Конвенцией, каждому человеку, находящемуся под их юрисдикцией, в то время как в соответствии со статьей 19 Конвенции именно Европейский Суд обеспечивает соблюдение обязательств, взятых на себя государствами согласно Конвенции и Протоколам к ней. Кроме того, этот принцип лежит в основе требования об исчерпании заявителями внутригосударственных средств правовой защиты в силу пункта 1 статьи 35 Конвенции и обязательства государств в соответствии со статьей 13 Конвенции предоставлять эффективные средства правовой защиты в случае нарушений Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу "Акдивар и другие против Турции" (*Akdivar and Others v. Turkey*) от 16 сентября 1996 г., § 65, Reports of Judgments and Decisions 1996-IV, упоминавшееся выше Решение Большой Палаты Европейского Суда по делу "Демопулос и другие против Турции", § 69). Принцип субсидиарности также определяет подход Европейского Суда к рассмотрению системных нарушений Конвенции при применении пилотной процедуры вынесения постановления, разработанной в соответствии со

статьей 46 Конвенции (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Алишич и другие против Боснии и Герцеговины, Хорватии, Сербии, Словении и Македонии", жалоба № 60642/08 <1>, § 143, ECHR 2014).

<1> См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 1 (примеч. редактора).

32. Кроме того, как и в других делах, связанных с неурегулированными конфликтами или выявлением системных нарушений, Европейский Суд вынужден повторить, что он не является судом первой инстанции. Европейский Суд не имеет возможности, и это нецелесообразно для его функции международного суда, разрешать большое количество дел, требующих установления основных фактов или расчета денежной компенсации, которые в принципе и на практике должны являться сферой деятельности внутригосударственных судов (см. упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу "Демопулос и другие против Турции", § 69, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Алишич и другие против Боснии и Герцеговины, Хорватии, Сербии, Словении и Македонии", §§ 142 - 143).

33. Именно неисполнение властями своих обязательств по вступлению в Совет Европы, а также обязательств согласно Конвенции обязывает Европейский Суд в настоящем деле действовать в качестве суда первой инстанции, устанавливая соответствующие факты, многие из которых произошли много лет назад, исследуя доказательства в отношении имущественных требований и, наконец, оценивая денежную компенсацию. Все изложенное следует рассматривать на фоне того, что настоящая жалоба является ведущим делом, в то время как сотни аналогичных дел против Азербайджана поданы в Европейский Суд.

34. Без ущерба для какого-либо возмещения, присуждаемого в качестве справедливой компенсации в настоящем деле, эффективное и конструктивное исполнение основного Постановления требует принятия общих мер на внутригосударственном уровне. Руководящие указания в отношении надлежащих мер содержатся в основном Постановлении, в котором Европейский Суд, в частности, заявил, что "до подписания всестороннего мирного соглашения представляется особенно важным установить механизм предъявления имущественных требований, который должен быть легкодоступным и обеспечивать процедуры, предусматривающие гибкие стандарты доказывания, позволяющие заявителю и иным лицам в его положении восстановить свои имущественные права и получить компенсацию в связи с утратой возможности пользования ими" (см. § 238 основного Постановления).

(b) Общие принципы о выплате справедливой компенсации

35. Европейский Суд напоминает, что согласно его прецедентной практике постановление, в котором Европейский Суд устанавливает нарушение, возлагает в связи с этим положением на власти государства-ответчика правовое обязательство прекратить нарушение и устранить его последствия таким образом, чтобы восстановить, насколько это возможно, положение, существовавшее до нарушения (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Курич и другие против Словении", § 79). Договаривающиеся Государства, являющиеся сторонами по делу, в принципе свободны в выборе средств, с помощью которых соблюдается постановление, в котором Европейский Суд установил нарушение. Это усмотрение в отношении способа исполнения постановления отражает свободу выбора, сопутствующую первичному обязательству Договаривающихся Государств согласно статье 1 Конвенции обеспечить права и свободы, определенные в Конвенции. Если характер нарушения допускает полное восстановление положения, существовавшего до нарушения, власти государства-ответчика обязаны осуществить его, Европейский Суд не имеет ни полномочий, ни практической возможности сделать это сам. Если, с другой стороны, внутригосударственное законодательство не допускает или допускает лишь частично исправление последствий нарушения, статья 41 Конвенции

дает Европейскому Суду полномочие предоставить потерпевшей стороне такое возмещение, которое представляется уместным (см. Постановление Европейского Суда по делу "Папамихалопулос и другие против Греции" (Paramichalopoulos and Others v. Greece) (статья 50) от 31 октября 1995 г., § 34, Series A, № 330-B, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Курич и другие против Словении", § 80, и приведенные в нем дела). В этой связи следует подчеркнуть роль Комитета министров Совета Европы в соответствии с пунктом 2 статьи 46 Конвенции по надзору за исполнением решений суда (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Ассоциация против промышленного разведения животных в Швейцарии (VGT) против Швейцарии (№ 2)" (Verein gegen Tierfabriken Schweiz (VgT) v. Switzerland) (№ 2), жалоба № 32772/02, §§ 84 - 88, ECHR 2009). Тем не менее Европейский Суд учитывает то обстоятельство, что некоторые ситуации, особенно связанные с давними конфликтами, фактически не подлежат полному возмещению.

36. Что касается материального ущерба, практика Европейского Суда устанавливает, что между ущербом, на который ссылается заявитель, и нарушением Конвенции должна существовать непосредственная причинно-следственная связь. В соответствующих случаях это может включать компенсацию в отношении утраты доходов (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Курич и другие против Словении", § 81).

37. В отношении убытков, связанных с недвижимым имуществом, где отсутствовала конфискация имущества, но заявителю было отказано в доступе к нему и, следовательно, возможность владеть и пользоваться им, общий подход Европейского Суда заключается в оценке потерь, понесенных со ссылкой на годовую земельную ренту, рассчитываемую как процент от рыночной стоимости имущества, которая могла быть получена в течение соответствующего периода (см. Постановление Европейского Суда по делу "Лоизиду против Турции" (Loizidou v. Turkey) (статья 50) от 28 июля 1998 г." § 33, Reports 1998-IV).

38. Точный расчет сумм, необходимых для полного возмещения с учетом материальных потерь, понесенных заявителем, может быть затруднен неопределенным по своей природе характером ущерба, являющегося следствием данного нарушения. Вместе с тем компенсация может быть присуждена, несмотря на множество не поддающихся точному учету факторов, связанных с подсчетом будущих убытков, хотя со временем связь между нарушением и наступившим ущербом становится все менее четкой. Вопрос, требующий разрешения в таких делах, касается размера справедливой компенсации с учетом ущерба, который необходимо возместить заявителю и который должен быть установлен Европейским Судом по его усмотрению на основе принципа справедливости (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Курич и другие против Словении", § 82).

39. Кроме того, Европейский Суд напоминает об отсутствии прямого положения о материальном ущербе или моральном вреде. В Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу "Варнава и другие против Турции" (Varnava and Others v. Turkey), жалоба № 16064/90 и восемь других, § 224, ECHR 2009, и в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу "Кипр против Турции" (Cyprus v. Turkey) (справедливая компенсация), жалоба № 25781/94, § 56, ECHR 2014, Европейский Суд подтвердил следующие принципы, которые постепенно развиваются в его прецедентной практике. Ситуации, когда заявителю была причинена очевидная травма, будь то физическая или психологическая, он испытал боль и страдания, мучение, беспокойство, разочарование, чувства несправедливости или унижения, при затянувшейся неопределенности, разрушении жизни или реальной утраты возможности, следует отличить от тех случаев, когда публичное возмещение вреда, причиненного заявителю, согласно решению суда, имеющего обязательную силу для Договаривающегося Государства, само по себе является адекватной формой возмещения. В некоторых ситуациях, когда какие-либо закон, процедура или практика не соответствуют конвенционным стандартам, этого достаточно, чтобы исправить положение. В то же время в других ситуациях последствия нарушения могут рассматриваться как имеющие характер и степень, которые настолько существенно повлияли на моральное состояние заявителя, что могут

потребовать принятия больших мер. Такие элементы не поддаются явному расчету или точной количественной оценке. Роль Европейского Суда также не аналогична роли внутригосударственного деликтного механизма в суде при распределении вины и компенсационных убытков между гражданскими сторонами. Руководящим принципом Европейского Суда является справедливость, которая включает гибкость и объективное рассмотрение того, что является справедливым и разумным при всех обстоятельствах дела, включая не только положение заявителя, но и общий контекст, в котором имело место нарушение. Компенсация морального вреда служит признанию того факта, что моральный вред причинен в результате нарушения основных прав человека, и отражает в широчайшем смысле тяжесть ущерба.

40. Наконец, Европейский Суд отмечает, что исходя из особых обстоятельств настоящего дела, возможно, было бы целесообразно вынести совокупное решение о возмещении материального ущерба и морального вреда (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Компания Centro Europa 7 S.r.l. и Ди Стефано против Италии" (*Centro Europa 7 S.r.l. and Di Stefano v. Italy*), жалоба № 38433/09, §§ 218 - 222, ECHR 2012).

(с) Компенсация ущерба в настоящем деле

(i) Общие соображения

41. Установив, что имеет место продолжающееся нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, Европейский Суд признал, что отказ гражданским лицам, включая заявителя, в доступе в село Гюлистан был оправдан соображениями безопасности, поскольку оно находилось в районе боевых действий. Однако Европейский Суд полагает, что, пока доступ к имуществу невозможен, государство обязано принять альтернативные меры для обеспечения имущественных прав (см. §§ 233 - 234 основного Постановления). Он отмечает, что, хотя необходимость обеспечивать потребности большого количества внутренне перемещенных лиц является важным фактором, который должен быть принят во внимание при установлении равновесия интересов, защита этой группы не освобождает полностью власти Азербайджана от их обязательств по отношению к иной группе, а именно по отношению к армянам, как заявитель, которые вынуждены были бежать в ходе конфликта (см. там же, §§ 239 - 240). Тем не менее невозможность получения заявителем доступа к его имуществу в селе Гюлистан без принятия властями Азербайджана альтернативных мер для восстановления его имущественных прав или предоставления ему компенсации за это лишение возложила и продолжает возлагать на него чрезмерное бремя (см. там же, § 241). Европейский Суд исходит из тех же соображений, считая, что имеет место продолжающееся нарушение статьи 8 Конвенции, с учетом невозможности получения заявителем доступа к его жилищу и могилам его родственников в селе Гюлистан без принятия властями Азербайджана альтернативных мер для восстановления его прав или, по крайней мере, предоставления компенсации за их лишение возложило и продолжает возлагать на него чрезмерное бремя (см. там же, §§ 259 - 261). Наконец, в отношении этих нарушений не было обеспечено и не обеспечивается никаких эффективных средств правовой защиты (см. § 273 основного Постановления).

42. Заявитель первоначально просил о реституции его имущества, включая право на возвращение его имущества и жилища в селе Гюлистан, но не подтвердил это требование после вынесения основного Постановления, отметив невозможность возвращения в село из-за сложившейся ситуации в плане безопасности (см. § 10 настоящего Постановления). Таким образом, присуждение денежной суммы является надлежащей справедливой компенсацией в настоящем деле.

43. Европейский Суд повторяет, что именно его заключение о том, что заявитель по-прежнему имеет действительные имущественные права в отношении его дома и земли в селе Гюлистан, отнесло дело к компетенции Европейского Суда *ratione temporis* (см. §§ 205 и 215 основного Постановления) с 15 апреля 2002 г. Из этого следует, во-первых, что почти 10-летний период, в

течение которого существовала обжалуемая продолжающаяся ситуация, выходит за рамки временной компетенции Европейского Суда и что любой ущерб, причиненный заявителю до 15 апреля 2002 г., непосредственно не связан с нарушениями, установленными Европейским Судом, и поэтому не может быть компенсирован в соответствии со статьей 41 Конвенции. Во-вторых, поскольку заявитель не был лишен своих имущественных прав, компенсация не может быть присуждена за утрату его дома и земли как таковой, а только за утрату права пользования его имуществом.

(ii) Материальный ущерб

(альфа) Жилище заявителя

44. Что касается дома заявителя, Европейский Суд отмечает, что согласно его выводам в основном Постановлении дом все еще существовал в апреле 2002 года, когда Конвенция вступила в силу в отношении Азербайджана, но в сильно ухудшившемся состоянии (см. §§ 197 - 198 основного Постановления). Заявитель требовал выплаты компенсации за стоимость дома в том виде, в каком он находился, когда ему пришлось бежать из села Гюлистан в июне 1992 года. Однако Европейский Суд не может присудить заявителю компенсацию за ущерб, причиненный его дому до вступления в силу Конвенции (см. в качестве противоположного примера Постановление Европейского Суда по делу "Доган и другие против Турции" (Dogan and Others v. Turkey) (справедливая компенсация) от 13 июля 2006 г., жалобы № 8803/02 и 14 других, §§ 52 - 53, в котором Конвенция действовала на момент выселения заявителей из их села на юго-востоке Турции, и Европейский Суд присудил им компенсацию за ухудшение состояния домов в последующие годы, в течение которых они не могли туда вернуться). Соответственно, Европейский Суд не присуждает заявителю компенсации по данному основанию.

(бета) Утрата мебели, домашнего скота и плодовых деревьев

45. Поскольку заявитель требовал выплаты компенсации в связи с утратой мебели, скота и фруктовых деревьев, Европейский Суд отмечает, что между бегством заявителя из села Гюлистан в июне 1992 года и вступлением в силу Конвенции в апреле 2002 года прошли почти 10 лет. В течение такого значительного периода любая мебель была бы, по крайней мере, сильно повреждена, если бы она вообще была пригодна для использования. То же самое касается скота, который должен был умереть задолго до вступления в силу Конвенции, и плодовых деревьев, которые, вероятно, значительно пострадали из-за отсутствия ухода за ними в течение 10 лет. В деле отсутствуют основания для иного вывода. Таким образом, в отношении этих предметов отсутствует прямая причинно-следственная связь между заявленным ущербом и продолжающимися нарушениями, установленными в основном Постановлении. Соответственно, Европейский Суд не присуждает заявителю компенсации по данному основанию.

(гамма) Утрата заработной платы, пенсии и сбережений

46. Кроме того, заявитель требовал выплаты компенсации за утрату дохода в виде заработной платы и пенсий с 1992 года. Компенсация не может быть присуждена за период до 15 апреля 2002 г. Что касается периода после вступления Конвенции в силу, Европейский Суд не усматривает наличия причинно-следственной связи между установленным нарушением в основном Постановлении и предполагаемым материальным ущербом. Заявленный ущерб не связан непосредственно с невозможностью для заявителя восстановить свои имущественные права или получить компенсацию за утрату возможности пользоваться ими, а скорее связан с его перемещением из села Гюлистан в 1992 году и с общими последствиями конфликта. Аналогичным

образом отсутствует причинно-следственная связь между потерей сбережений, депонированных в Сберегательном банке Азербайджана, и нарушениями, установленными в основном Постановлении. Более того, эти потери не являлись предметом жалобы. Они были впервые упомянуты в требованиях заявителя о выплате справедливой компенсации от 21 мая 2012 г. Таким образом, заявителю не может быть присуждена компенсация в отношении утраты заработной платы, пенсии или сбережений.

(дельта) Утрата дохода от земли заявителя и дополнительные расходы на аренду и проживание

47. Европейский Суд полагает, что компенсация материального ущерба в принципе может быть присуждена в отношении утраты дохода от земли заявителя за период после вступления в силу Конвенции в отношении Азербайджана. Он также признает, опять же в отношении данного периода, что заявитель понес определенные дополнительные расходы на аренду и проживание, хотя в расчет должны быть приняты денежные средства, полученные в Армении. Тем не менее Европейский Суд отмечает, что оценка материального ущерба по этим статьям также сопряжена со значительной неопределенностью и трудностями.

48. Некоторые из этих трудностей связаны с тем, что основной конфликт все еще не урегулирован, а также с конкретной ситуацией в селе Гюлистан. С момента вступления Конвенции в силу и до настоящего времени село Гюлистан является обезлюдившимся, и большинство зданий в нем обветшали. Оно расположено между противостоящими силами Азербайджана и Нагорно-Карабахской Республики (см. §§ 134 и 197 основного Постановления). При таких обстоятельствах невозможно получить какие-либо реальные данные об утрате права пользования имуществом заявителя. Представляется также нецелесообразным оценивать утрату права пользования в отношении годовой арендной платы за землю, рассчитываемой в процентах от рыночной стоимости имущества, которая могла быть получена в период после вступления Конвенции в силу (см. в качестве противоположного примера упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Лоизиду против Турции", § 33).

49. Еще одна трудность, тесно связанная с первой, заключается в отсутствии или недоступности документации. Основным документом, предоставленным заявителем в отношении его дома и земли в селе Гюлистан, является технический паспорт дома, выданный в мае 1991 года (см. §§ 154 и 192 основного Постановления), то есть еще во времена Советского Союза. В техническом паспорте отсутствует оценка стоимости земельного участка. Отчасти это можно объяснить тем фактом, что в то время, когда земельный участок предоставлялся заявителю, в советской правовой системе не существовало частной собственности на землю, а вместо этого ему предоставлялось "право пользования" (более подробное описание прав на землю в то время см. в §§ 201 - 203 основного Постановления). Что касается периода, относящегося к компетенции Европейского Суда *ratione temporis*, то отсутствуют какие-либо документы, касающиеся стоимости имущества или любых доходов, которые могут быть получены в результате пользования им.

(эпсилон) Заключение в отношении материального ущерба

50. В заключение Европейский Суд полагает, что решение о возмещении материального ущерба может быть вынесено только в отношении двух оснований, а именно в отношении утраты дохода от земли заявителя в селе Гюлистан и его увеличившихся расходов на проживание. Хотя Европейский Суд признает, что заявитель, проживавший в своем доме в селе Гюлистан и получавший часть своего дохода от земледелия на своей земле, должен был понести дополнительные расходы на проживание в Армении, неопределенность в отношении оценки потери дохода от земли заявителя также не позволяет точно рассчитать разницу в расходах на проживание. Оценка еще более осложняется тем фактом, что она включает в себя сопоставление экономических

условий в двух разных странах, которые, кроме того, должны были значительно измениться с течением времени. С учетом всех этих элементов Европейский Суд считает, что материальный ущерб, причиненный заявителю, не поддается точной оценке.

(iii) Моральный вред

51. Европейский Суд полагает, что заявителю мог быть причинен моральный вред в результате затянувшейся неурегулированной ситуации, отсутствия определенности в отношении судьбы его дома и другого имущества и могил его родственников в селе Гюлистан, а также вызванных этим нравственных страданий и переживаний.

52. Европейский Суд полагает, что факт признания нарушения Конвенции не будет являться сам по себе достаточной справедливой компенсацией причиненного морального вреда. Как отмечалось в основном Постановлении, помощь, оказанная сотням тысяч вынужденных переселенцев, не освобождает власти Азербайджана от их обязательств перед другой группой лиц, а именно вынужденными переселенцами из Армении, бежавшими во время конфликта, такими как заявитель. Представляется, что властями Азербайджана до сих пор не разработаны механизм имущественных требований или другие меры, которыми могли бы воспользоваться лица, находящиеся в ситуации заявителя (см. § 34 настоящего Постановления, а также доводы, приведенные в §§ 238 - 240 основного Постановления). Следовательно, настоящее дело отличается от дела "Доган и другие против Турции" (упоминавшегося выше, § 61), где Европейский Суд посчитал, что с учетом мер, принятых властями государства-ответчика для исправления положения заявителей и других вынужденных переселенцев, основное Постановление само по себе является достаточной справедливой компенсацией любого морального вреда, вытекающего из нарушения статей 1 и 13 Конвенции и статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

(iv) Право членов семьи на компенсацию

53. В ответ на довод властей Азербайджана Европейский Суд напоминает, что члены семьи, которые имеют право продолжать разбирательство по жалобе после смерти заявителя, могут заменить заявителя в части требований о выплате справедливой компенсации как в отношении материального ущерба (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда от 12 июля 2001 г. по делу "Мальгоус против Чешской Республики" (Malhous v. Czech Republic), жалоба № 33071/96, §§ 67 - 68), так и морального вреда (см., например, Постановление Европейского Суда по делу "Йечюс против Литвы", жалоба № 34578/97, § 41, ECHR 2000-IX, и Постановление Европейского Суда по делу "Авджи и другие против Турции" (Avci and Others v. Turkey) от 27 июня 2006 г., жалоба № 70417/01, § 56, см. в качестве противоположного примера упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Мальгоус против Чешской Республики", § 71, где не было признано, что нарушение лично касалось наследника). Кроме того, Европейский Суд присуждал компенсацию морального вреда сыну заявительницы <1> при рассмотрении жалобы, поддержанной им в отношении чрезмерной продолжительности дела, касавшегося пенсионных выплат, не только за период, когда заявительница была жива, но и за период после ее смерти, когда внутригосударственное разбирательство было продолжено сыном как наследником заявительницы (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Эрнестина Дзулло против Италии" (Ernestina Zullo v. Italy) от 29 марта 2006 г., жалоба № 64897/01, §§ 115 - 116 и 148 - 149).

<1> Так в тексте оригинала Постановления. В действительности заявитель по делу "Мальгоус против Чешской Республики" являлся мужчиной, Яном Мальгоусом (примеч. переводчика).

54. Власти Азербайджана, как представляется, утверждали, что члены семьи скончавшегося заявителя не могут требовать компенсации за период после его смерти в апреле 2009 года. Учитывая

особый характер нарушения, а именно продолжающиеся нарушения прав заявителя, предусмотренных статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции и статьями 8 и 13 Конвенции, Европейский Суд считает, что было бы излишне формальным исключить из суммы компенсации за период после смерти заявителя. Как было продемонстрировано выше, в деле, касающемся необоснованной продолжительности разбирательства и, следовательно, нарушения, имеющего элемент непрерывности, присуждение справедливой компенсации необязательно ограничивается периодом до смерти заявителя. Положение может быть иным, если ходатайство рассматривается не ближайшим родственником скончавшегося заявителя, а управляющим его имуществом (см. Постановление Европейского Суда по делу "Соломонидес против Турции" (Solomonides v. Turkey) (справедливая компенсация) от 27 июля 2010 г., жалоба № 16161/90, §§ 42 - 43 и 47) или когда ближайший родственник заявителя, который продолжает разбирательство, лично не пострадал от выявленного нарушения (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Мальгоус против Чешской Республики", § 71).

55. В настоящем деле Европейский Суд напоминает, что заявитель и его семья проживали в селе Гюлистан, где заявитель получал доход от своей заработной платы в качестве учителя средней школы, а также от земледелия и животноводства на своей земле, а его жена работала в колхозе. Таким образом, они составляли экономическую единицу домашнего хозяйства. Заявитель и его жена прожили в селе Гюлистан большую часть своей жизни до их принудительного перемещения в июне 1992 года. Следовательно, жена заявителя находилась в том же положении, что и заявитель, и была лично затронута утратой права пользования имуществом и домом в селе Гюлистан и отсутствием эффективных средств правовой защиты в этой связи. В меньшей степени это относится ко взрослым детям заявителя. Кроме того, устанавливая, что составляло и продолжает составлять нарушение конвенционных прав заявителя, Европейский Суд включил период после его смерти (см. основное Постановление, §§ 241 - 242, 260 - 261 и 273). Придя к данному выводу, он установил, что заявитель по-прежнему обладает действительными имущественными правами в отношении его дома и земли (см. там же, § 205). В отсутствие каких-либо указаний на обратное вдова заявителя, а после ее смерти в 2014 году их дети должны считаться правопреемниками этих прав. С учетом всех изложенных факторов Европейский Суд считает, что ближайшему родственнику заявителя, продолжившему разбирательство от его имени, может быть присуждена компенсация за весь период, рассматриваемый в настоящем деле.

(v) Общий вывод

56. Как следует из вышеизложенного, заявитель имеет право на определенную компенсацию материального ущерба и морального вреда. По мнению Европейского Суда, материальный ущерб и моральный вред тесно взаимосвязаны. По основаниям, изложенным выше, причиненный ущерб не поддается точному исчислению (см. §§ 39, 48 - 50 настоящего Постановления). Дальнейшие трудности в оценке обусловлены истечением времени. Как признал Европейский Суд (см. § 48 настоящего Постановления), временной элемент делает связь между нарушением Конвенции и ущербом менее определенной. Этот довод особенно важен в настоящем деле, касающемся продолжающегося нарушения имущественных прав заявителя, в котором между перемещением заявителя из села Гюлистан и вступлением Конвенции в силу прошли почти 10 лет, а затем еще около 15 лет. Компенсация может быть присуждена, несмотря на множество не поддающихся точному учету факторов. Размер компенсации должен быть определен по усмотрению Европейского Суда с учетом того, что он сочтет справедливым.

57. В заключение Европейский Суд принимает во внимание главную обязанность властей Азербайджана возместить последствия нарушения Конвенции и вновь подчеркивает ответственность двух соответствующих государств за нахождение приемлемого решения Нагорно-Карабахского конфликта. В ожидании решения на политическом уровне Европейский Суд считает целесообразным в настоящем деле присудить заявителю совокупную сумму за материальный ущерб

и моральный вред. Оценивая указанные обстоятельства на основе принципа справедливости, Европейский Суд присуждает заявителю 5 000 евро, покрывающие все виды материального ущерба и морального вреда, а также любой налог, подлежащий начислению на указанную выше сумму.

В. СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ И ИЗДЕРЖКИ

1. Доводы сторон

58. Заявитель требовал выплаты в качестве возмещения судебных расходов, понесенных в Европейском Суде, 37 062 фунта стерлингов 50 пенсов за 247 часов и 5 минут работы по ставке 150 фунтов стерлингов в час, осуществленной его юристами из г. Лондона, 38 500 евро за 384 часа 20 минут работы в размере 100 евро в час представителей из Армении. Он предоставил подробные таблицы учета рабочего времени каждого из соответствующих адвокатов. Кроме того, он требовал возмещения денежных расходов его юристов из г. Лондона в размере 348 фунтов стерлингов 33 пенса и его представителей из Армении в размере 1 737 евро. В отношении компенсации требуемых расходов он предоставил подтверждающие документы.

59. Заявитель утверждал, что в соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда представительство более чем одним адвокатом, а также представительство адвокатами, специализирующимися в различных областях, может быть оправдано. В подобных делах Европейский Суд признавал, что размеры пошлин в разных Договаривающихся Государствах отличаются и что инструктирование адвокатов, специализирующихся в различных областях права, может быть связано с необходимостью перевода ключевых документов дела.

60. Власти Азербайджана полагали, что требования заявителя были необоснованными. Признавая необходимость представительства, по крайней мере, одним адвокатом из Армении и адвоката по правам человека, знакомыми с ходом разбирательства дела в Европейском Суде, они оспорили, что представительство заявителя группой адвокатов, находящихся как в г. Лондоне, так и в Армении, является необходимым. Они просили Европейский Суд провести тщательную оценку требований заявителя в отношении судебных расходов и издержек.

2. Мнение Большой Палаты Европейского Суда

61. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в той части, в которой они были действительно понесены, являлись необходимыми и разумными по размеру (см. в числе многочисленных примеров упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Компания Centro Eurora 7 S.r.l. и Ди Стефано против Италии", § 223, а также упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Алишич и другие против Боснии и Герцеговины, Хорватии, Сербии, Словении и Македонии", § 158).

62. Учитывая характер настоящего дела, Европейский Суд признает необходимость представительства двумя адвокатами из Армении и адвокатом из Соединенного Королевства, специализирующимся на международной защите прав человека (см. Постановление Европейского Суда по делу "Курт против Турции" (Kurt v. Turkey) от 25 мая 1998 г., § 179, Reports 1998-III). Он далее отмечает, что нередко адвокатам сторон оказывают помощь консультанты в ходе публичных слушаний или для проведения исследований.

63. Кроме того, Европейский Суд признает, что в связи с настоящим делом возникали сложные вопросы факта и права. Он, в частности, отмечает, что дело потребовало сбора доказательств, проведения двух открытых слушаний в Большой Палате Европейского Суда и представления ряда замечаний. Настоящее дело также затрагивает важные правовые вопросы и является ведущим делом для сотен последующих дел. Тем не менее Европейский Суд полагает, что общая сумма, требуемая

в связи с судебными расходами, является чрезмерной. Европейский Суд отмечает, что заявителю была предоставлена юридическая помощь в размере 3 940 евро 64 центов.

64. Учитывая имеющуюся в его распоряжении информацию и вышеупомянутые критерии, Европейский Суд считает разумным присудить заявителю 30 000 евро для покрытия всех судебных расходов и издержек.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

65. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1) постановил, что:

(а) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев выплатить заявителю следующие суммы:

(i) 5 000 евро (пять тысяч евро), а также любой налог, подлежащий начислению на указанную выше сумму, в качестве компенсации материального ущерба и морального вреда;

(ii) 30 000 евро (тридцать тысяч евро), а также любой налог, обязанность уплаты которого может быть возложена на заявителя в связи с указанной суммой, в качестве компенсации судебных расходов и издержек;

(b) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

2) отклонил оставшуюся часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 12 декабря 2017 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Председатель
Большой Палаты Суда
ГВИДО РАЙМОНДИ

Заместитель Секретаря
Большой Палаты Суда
ЙОХАН КАЛЛЕВАРТ

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагается особое мнение судьи Лятифа Гусейнова.

СОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЛЯТИФА ГУСЕЙНОВА

Хотя я не согласен с выводами Большой Палаты Европейского Суда в ее основном Постановлении по настоящему делу, это не имеет значения на данном этапе разбирательства. Не являясь членом состава Суда, принявшего основное Постановление, я связан с ним правовыми обязательствами. С учетом статьи 41 Конвенции при таких обстоятельствах я вынужден голосовать за данное Постановление.

Дело "Ткаченко (Tkachenko) против Российской Федерации": Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 марта 2018 года (жалоба № 28046/05)

Доступ:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=545661&dst=1000000001>

Перевод с французского языка А.С. Новиковой.

Настоящее Постановление вступило в силу 20 июня 2018 г. в соответствии с положениями пункта 2 статьи 44 Конвенции (примеч. редактора).

По делу "Ткаченко против Российской Федерации" Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая Палатой в составе:

Хелены Ядерблом, Председателя Палаты Суда,

Бранко Лубарды,

Хелен Келлер,

Дмитрия Дедова,

Пере Пастора Вилановы,

Георгия А. Сергидеса,

Жольены Шуккинг, судей,

а также при участии Стивена Филлипса, Секретаря Секции Суда,

рассмотрев дело в закрытом заседании 20 февраля 2018 г.,

вынес в указанный день следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 28046/05, поданной против Российской Федерации в Европейский Суд по правам человека (далее - Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция) четырьмя гражданами Российской Федерации: Михаилом Александровичем (далее - первый заявитель), Ниной Николаевной (далее - вторая заявительница), Александром Михайловичем (далее - третий заявитель) и Натальей Михайловной Ткаченко (далее - четвертая заявительница, вместе - заявители) 14 июля 2005 г.

2. Вторая заявительница умерла 5 апреля 2011 г. Остальные заявители 18 апреля 2011 г. выразили намерение продолжить рассмотрение дела в Европейском Суде от ее имени.

3. Интересы заявителей представлял юрист В. Орлов, практикующий в г. Ростове-на-Дону. Власти Российской Федерации первоначально были представлены Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде Г.О. Матюшкиным, а затем его преемником в этой должности М.Л. Гальпериним.

4. Заявители жаловались, в частности, на произвольное лишение их принадлежавшей им недвижимости.

5. 5 июля 2010 г. жалоба была коммуницирована властям Российской Федерации.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

6. Заявители родились в 1964, 1966, 1985 и 1989 годах соответственно. Они, в том числе вторая заявительница до ее смерти, проживали в г. Аксай Ростовской области. Первый заявитель и вторая заявительница ранее были супругами, а третий заявитель и четвертая заявительница являются их детьми.

A. Предыстория дела

7. В 1999 году компания А. передала заявителям в порядке приватизации половину дома, а именно две комнаты в центре г. Аксай. Земельный участок, на котором были расположены дом, а также прилегающий земельный участок, находились в муниципальной собственности, и местные власти, по-видимому, сдавали их компании А. в аренду. Заявители жили в своей части дома и пользовались прилегающим земельным участком. Вторую половину дома занимали другие люди.

8. 21 августа 2003 г. глава администрации Аксайского района издал постановление № 999 об изъятии земельных участков, в том числе того, на котором располагался дом заявителей, и о предоставлении индивидуальному предпринимателю К. права аренды данных участков с целью строительства многоэтажного жилого дома (далее - постановление № 999). В соответствующих частях в постановлении указывалось следующее:

"В соответствии с положениями Гражданского и Земельного кодексов... а также с целью реконструкции центральной части г. Аксай с учетом общего градостроительного плана

ПРИКАЗЫВАЮ:

изъять земельные участки у компании [А.], передать их в аренду индивидуальному предпринимателю [К.] на три года для строительства на них дома для жилых помещений и офисов... Индивидуальному предпринимателю [К.] следует выселить жильцов, проживающих в домах, подлежащих сносу, и предоставить им новое жилье в соответствии со статьей 92 Жилищного кодекса РСФСР...".

B. Дело о выселении заявителей

9. В июне 2004 года, ссылаясь на постановление № 999 и статью 49.3 Жилищного кодекса РСФСР (см. далее раздел "Соответствующее законодательство Российской Федерации"), К. обратился в суд с иском к заявителям. Он требовал их выселения, чтобы начать строительство многоэтажного дома, и предоставления им взамен дома и земельного участка, приобретенного К. для этих целей в пригороде г. Аксай.

10. В ходе разбирательства дела в Аксайском районном суде (далее - районный суд) заявители отказались от осмотра дома, в который К. предлагал их вселить, и указали, что никто не мог принудить их покинуть дом, половина которого находилась в их собственности.

11. 29 июня 2004 г., ссылаясь на постановление № 999 и на статью 49.3 Жилищного кодекса РСФСР, районный суд удовлетворил иск К. Районный суд пришел к выводу, что дом, строительство которого было запланировано, по сравнению с домом, подлежащим сносу, был лучше по площади, инфраструктуре и общим характеристикам.

12. Заявители подали апелляционную жалобу. Они утверждали, в частности, что никто не мог принудить их уступить право собственности третьему лицу и что районный суд не указал ни одного положения законодательства для обоснования своей позиции, а также что К. являлся частным лицом, а не представителем власти, что исключало, по их мнению, применение положений Жилищного кодекса РСФСР в их деле.

13. 28 июля 2004 г. Ростовский областной суд отменил решение и возвратил дело в суд первой инстанции для нового рассмотрения.

14. 16 декабря 2004 г., после нового рассмотрения дела, районный суд удовлетворил иск К. и постановил прекратить право собственности заявителей на их часть дома, выселить их и признать их право собственности на дом, приобретенный для них К. Районный суд указал, что земельный участок, на котором находился дом заявителей, принадлежал муниципальным властям, и только последние имели право им распоряжаться. Районный суд установил, что решение главы администрации об изъятии земельного участка было законным, поскольку постановление № 999 было принято в рамках его полномочий. Ссылаясь на статью 239 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) (см. далее раздел "Соответствующее законодательство Российской Федерации"), районный суд пришел к выводу, что "истец предоставил достаточные доказательства невозможности использования земельного участка [для строительства многоэтажного дома] без сноса дома [заявителей]". Районный суд также сослался на статьи 49.3, 90 - 92 и 96 Жилищного кодекса РСФСР.

15. Заявители подали апелляционную жалобу. Они утверждали, в частности, что статья 239 ГК РФ содержала отсылку к статьям 279 - 282 того же кодекса и что данные положения предусматривали процедуру изъятия для нужд муниципалитета и подразумевали обращение в суд со стороны компетентных органов государственной власти, а не со стороны частного лица. Заявители также считали, что постановление № 999 было незаконным и не могло являться основанием для лишения их собственности.

16. 26 января 2005 г. Ростовский областной суд оставил решение районного суда в силе. Он согласился с выводом районного суда о том, что постановление № 999 было принято в рамках полномочий главы администрации, а также со ссылками районного суда на положения Жилищного кодекса РСФСР. Ростовский областной суд оставил без рассмотрения довод заявителей о необходимости применения процедуры изъятия.

17. 3 марта 2005 г. судебные приставы выселили заявителей из их дома и вселили их в новое жилье. Дом заявителей был снесен в тот же день. Впоследствии на его месте было построено десятиэтажное здание.

18. Заявители не зарегистрировали свое право собственности на новый дом и на прилегающий к нему участок.

II. Соответствующее законодательство Российской Федерации

A. Изъятие недвижимого имущества и отселение жильцов

1. Положения законодательства Российской Федерации об изъятии недвижимого имущества

19. Согласно статье 235 ГК РФ право собственности прекращается при отчуждении собственником своего имущества другим лицам, при отказе собственника от права собственности, гибели или уничтожении имущества и при утрате права собственности на имущество в иных случаях, предусмотренных законом. Принудительное изъятие у собственника имущества не допускается, кроме случаев, предусмотренных законом. Одним из оснований, предусмотренным в третьем абзаце пункта 2 статьи 235 ГК РФ, в период, относившийся к обстоятельствам настоящего дела, было отчуждение недвижимого имущества в связи с изъятием земельного участка, на котором оно было расположено. Третий абзац пункта 2 указанной статьи отсылал к статье 239 ГК РФ.

20. В силу статьи 239 ГК РФ в редакции, действовавшей в период, относившийся к обстоятельствам настоящего дела, в случаях, когда изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд было невозможно без прекращения права собственности на недвижимое имущество, которое было на нем расположено, участок подлежал

изъятию путем выкупа в соответствии с правилами, предусмотренными статьями 279 - 281 ГК РФ. Требование об изъятии могло быть удовлетворено, только если государственный или муниципальный орган, обратившийся в суд, мог доказать, что использование участка в целях, для которых он изымался, было невозможно без прекращения права собственности на недвижимое имущество, которое на нем находилось.

21. Согласно статье 279 ГК РФ в редакции, действовавшей в период, относившийся к обстоятельствам настоящего дела, земельный участок мог быть изъят для государственных или муниципальных нужд путем выкупа. В зависимости от того, в чьих интересах осуществлялось изъятие, инициаторами выкупа могли являться федеральные, региональные или муниципальные власти. Помимо этого, статья 11 Земельного кодекса Российской Федерации (далее - ЗК РФ) в редакции, действовавшей в период, относившийся к обстоятельствам настоящего дела, предоставляла местным властям полномочия по изъятию земельных участков, в том числе путем выкупа, для муниципальных нужд и по определению правил использования земель и градостроительных правил. Кроме того, пункт 3 статьи 83 ЗК РФ в редакции, действовавшей до 2007 года, предусматривал, что земельные участки, расположенные на городских и сельских территориях, могли быть изъятые для государственных или муниципальных нужд в соответствии с общим градостроительным планом.

22. Согласно статье 279 ГК РФ до 2007 года решение об изъятии могло быть принято только органом исполнительной власти федерального или регионального уровня. Однако пункт 2 статьи 63 ЗК РФ наделял также местные власти полномочиями по принятию решений об изъятии.

23. Статья 279 ГК РФ предусматривала необходимость извещения собственника о предстоящем изъятии не менее, чем за год. Вместе с тем решение об изъятии подлежало регистрации в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним, о чем также должен был быть уведомлен собственник.

24. Статья 281 ГК РФ в редакции, действовавшей в период, относившийся к обстоятельствам настоящего дела, устанавливала необходимость заключения соглашения о выкупе, включающего обязательство федеральных, региональных или муниципальных властей выплатить собственнику изымаемого имущества выкупную цену. В последнюю входила рыночная стоимость земельного участка и расположенных на нем строений, а также сумма материального ущерба, понесенного собственником изымаемого имущества. Согласно статье 282 ГК РФ, если собственник возражал против изъятия или условий соглашения о выкупе, органы власти в течение двух лет с момента уведомления собственника о решении изъять участок могли обратиться в суд с требованием о принудительном выкупе.

25. Иные соответствующие положения ЗК РФ, а также Градостроительного кодекса Российской Федерации от 1998 года в редакции, действовавшей в период, относившийся к обстоятельствам настоящего дела, приведены в Постановлении Европейского Суда по делу "Волчкова и Миронов против Российской Федерации" (Volchkova and Mironov v. Russia) от 28 марта 2017 г., жалобы NN 45668/05 и 2292/06 <1>, §§ 54 - 57, 59 - 61 и 63 - 64).

<1> См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2018. № 5 (примеч. редактора).

2. Положения законодательства Российской Федерации об отселении жильцов

26. Жилищный кодекс РСФСР действовал до 1 марта 2005 г.

27. Статьи 90 - 92 Жилищного кодекса РСФСР определяли процедуру выселения жильцов из жилого помещения, собственниками которого они не являлись. Статья 96 Жилищного кодекса РСФСР определяла критерии, которым должно было соответствовать предоставляемое взамен жилое помещение.

28. Согласно статьям 49.3 и 147 Жилищного кодекса РСФСР в редакции, действовавшей в период, относившийся к обстоятельствам настоящего дела, в случаях, когда жилое помещение подлежало сносу на основаниях, предусмотренных законом, собственники такого помещения, подлежащие выселению, получали либо равноценное жилье, в отношении которого они становились собственниками, либо возмещение, соответствующее стоимости их доли в праве собственности на соответствующее имущество.

В. Оспаривание действий органов государственной власти в судебном порядке

29. Положения главы 25 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации о процедуре оспаривания действий или бездействия органов власти в редакции, действовавшей в период, относившийся к обстоятельствам настоящего дела, приведены в Постановлении Европейского Суда по делу "Корьяк против Российской Федерации" (Koryak v. Russia) от 13 ноября 2012 г., жалоба № 24677/10 <1>, §§ 87 - 88. Согласно соответствующим положениям законодательства срок для обращения в суд составлял три месяца.

<1> См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 10 (примеч. редактора).

ПРАВО

I. Предварительный вопрос

30. В связи со смертью второй заявительницы три остальных заявителя выразили желание участвовать в рассмотрении дела от ее имени (см. выше § 2). Власти Российской Федерации не представили замечаний по этому поводу.

31. Европейский Суд напоминает, что в случаях, когда заявитель умирает после подачи жалобы, близким лицам умершего, как правило, разрешается участвовать в деле от имени умершего при условии наличия у них законного интереса (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Мюррей против Нидерландов" (Murray v. Netherlands) от 26 апреля 2016 г., жалоба № 10511/10 <2>, § 79, и приведенные в нем примеры). Учитывая предмет жалобы и все материалы, которыми располагает Европейский Суд, он считает, что в настоящем деле первый заявитель, супруг заявительницы, а также третий заявитель и четвертая заявительница, дети второй заявительницы, имеют законный интерес в продолжении рассмотрения дела и, следовательно, право действовать на основании статьи 34 Конвенции.

<2> См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 8 (примеч. редактора).

II. Предполагаемое нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции

32. Заявители утверждали, что их выселение и снос их дома являлись произвольным лишением собственности в нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, которая в соответствующей части гласит:

"Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права".

А. Приемлемость жалобы для рассмотрения по существу

1. Исчерпание внутригосударственных средств правовой защиты

33. Власти Российской Федерации отмечали, что заявители не исчерпали внутригосударственные средства правовой защиты, поскольку не оспорили в суде постановление № 999 в течение трех месяцев с момента, когда они о нем узнали. По мнению властей Российской Федерации, все вопросы, касающиеся законности и необходимости вмешательства в право заявителей на уважение собственности, подлежали разрешению в рамках данного дела.

34. Заявители возражали против этого довода. Они считали, что постановление главы администрации было явно незаконным и что суды, которые рассматривали их дело, имели полномочия признать данное постановление незаконным даже в отсутствие специально сформулированного требования со стороны заявителей.

35. Европейский Суд повторяет, что заявители должны исчерпать только те внутригосударственные средства правовой защиты, которые являются доступными, способными привести к восстановлению их прав и предоставляют разумные перспективы на успешное рассмотрение дела (см. среди многих прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Паксас против Литвы" (*Paksas v. Lithuania*) от 6 января 2011 г., жалоба № 34932/04, § 75). Кроме того, когда исчерпано одно средство защиты, заявители не обязаны прибегать к другому, если цель последнего является практически идентичной цели первого (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Козаджиоглу против Турции" от 19 февраля 2009 г., жалоба № 2334/03, § 40).

36. В настоящем деле Европейский Суд прежде всего отмечает, что постановление № 999 касалось не изъятия жилья у заявителей, а изъятия у компании-арендатора находившегося в муниципальной собственности земельного участка, на котором был расположен дом заявителей, и предоставления данного участка другому лицу. Европейский Суд подчеркивает, что сфера действия постановления № 999, следовательно, была ограничена. Европейский Суд принимает во внимание, что заявители, тем не менее, пытались добиться признания постановления главы муниципальной администрации незаконным в рамках своего дела и что суды рассмотрели данный аргумент заявителей по существу (см. выше §§ 14 - 16). Европейский Суд полагает, что при таких обстоятельствах заявители не были обязаны отдельно обращаться в суд с требованием о признании постановления № 999 недействительным. В связи с этим Европейский Суд отклоняет довод властей Российской Федерации о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты.

2. Совместимость жалобы *ratione personae*

37. Власти Российской Федерации считали, что настоящая жалоба является неприемлемой для рассмотрения по существу *ratione personae*, поскольку заявители жаловались на исход разбирательства по делу, в котором противоположной стороной являлось частное лицо, а не органы государственной власти.

38. Заявители возражали против этого довода. Во-первых, они указывали, что решение об их выселении было выражением судебной власти и, следовательно, воли государства, и что, во-вторых, оно было основано на постановлении главы местной администрации, представителя муниципальной власти, а К. был ответствен за исполнение данного постановления.

39. Европейский Суд напоминает, что в его задачу, как правило, не входит рассмотрение споров исключительно частного характера и что учреждение властями государства-ответчика судебной системы для предоставления заявителям возможности рассмотрения споров об их правах и обязанностях не влечет за собой автоматически ответственности государства по статье 1 Протокола № 1 к Конвенции (см. среди прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу "Вулах и другие против Российской Федерации" (*Vulakh and Others v. Russia*) от 10 января 2012

г., жалоба № 33468/03 <1>, § 44). Европейский Суд полагает, что в настоящем деле выдвинутый властями Российской Федерации аргумент предполагает определение наличия вмешательства в право заявителей на уважение их имущества. Этот вопрос непосредственно связан с анализом дела по существу, поэтому Европейский Суд рассмотрит данный довод в процессе рассмотрения дела по существу.

<1> См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2013. № 2 (примеч. редактора).

3. Заключение

40. Отметив, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта "а" пункта 3 статьи 35 Конвенции и что она не является неприемлемой по существу по каким-либо иным основаниям, Европейский Суд объявляет ее приемлемой для рассмотрения по существу.

В. Существо жалобы

1. Доводы сторон

(а) Власти Российской Федерации

41. Власти Российской Федерации признали, что лишение заявителей имущества и их переселение представляли собой вмешательство в их право на уважение собственности. Вместе с тем они полагали, что мера, принятая в отношении заявителей, соответствовала требованиям статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

42. Власти Российской Федерации считали, что вмешательство в право заявителей было предусмотрено законом. Признавая, что статья 92 Жилищного кодекса РСФСР не могла применяться в настоящем деле, они ссылались на статьи 49.3 и 137 данного кодекса, касавшиеся отселения собственников дома, подлежащего сносу. Власти Российской Федерации считали, что предписание К. отселить жильцов домов, предназначенных для сноса, соответствовало статье 49.3 Жилищного кодекса РСФСР и в более общем контексте конституционному принципу предварительной и справедливой компенсации. Кроме того, власти Российской Федерации ссылались на статью 239 ГК РФ об изъятии недвижимого имущества для государственных или муниципальных нужд, а также на статью 11 и пункт 3 статьи 83 ЗК РФ в редакции, действовавшей в период, относившийся к обстоятельствам настоящего дела, которые предоставляли местным властям полномочия по изъятию недвижимого имущества для муниципальных нужд (см. выше §§ 20 - 21). Вместе с тем власти Российской Федерации утверждали, что ни одно из положений законодательства Российской Федерации не предписывало властям самим предоставлять компенсацию лицам, чье имущество подлежало изъятию. Наконец, они считали, что суды Российской Федерации проверили законность лишения заявителей собственности и что решения судов не были необоснованными.

43. Помимо этого, Российской Федерации полагали, что спорная мера была принята в интересах общества, а именно с целью реконструкции части города в соответствии с общим градостроительным планом. Ссылаясь на Постановление Европейского Суда по делу "Джеймс и другие против Соединенного Королевства" (James and Others v. United Kingdom) от 21 февраля 1986 г., жалоба № 8793/79, они утверждали, что государственные органы власти располагают широкими пределами усмотрения для определения того, что соответствует интересам общества. По мнению властей Российской Федерации, тот факт, что, с одной стороны, земельный участок, на котором находился дом заявителей, был передан в аренду индивидуальному предпринимателю и что, с другой стороны, построенное вместо дома заявителей многоэтажное здание, в котором живут более 50 семей, не являлось социальным жильем, не исключает того, что вмешательство в право заявителей было осуществлено в интересах общества.

44. Наконец, власти Российской Федерации утверждали, что вмешательство было соразмерным и что оно не только не возложило на заявителей чрезмерного бремени, а, напротив, принесло им выгоду. Сравнивая характеристики старого и нового домов заявителей, власти Российской Федерации отмечали, что новый дом, хотя и находился на окраине города, был больше по площади и стоил дороже, чем их старый дом. Они считали, что, если бы было проведено изъятие в соответствии с положениями ГК РФ, заявители не смогли бы получить жилье такого качества. Власти Российской Федерации добавили, что отсутствие у заявителей зарегистрированного права собственности на данное жилье объяснялось лишь нежеланием самих заявителей сделать это.

(b) Заявители

45. Заявители считали, что вмешательство было осуществлено с нарушением законодательства и было произвольным. Они утверждали, что ни одно из положений закона не предоставляет индивидуальному предпринимателю право принуждать их отказаться от принадлежащего им недвижимого имущества, и обвиняли местные власти в пренебрежении процедурой изъятия земельного участка. Заявители также полагали, что статьи 90 - 92 и 96 Жилищного кодекса РСФСР не подлежали применению в их деле, поскольку они касались переселения жильцов, не являющихся собственниками жилого помещения.

46. Заявители также были не согласны с тем, что спорная мера была применена к ним в интересах общества. По их мнению, К., хотя и ссылаясь на постановление главы местной администрации, действовал не в интересах общества, а в своих собственных, личных или коммерческих. Кроме того, заявители отмечали, что квартиры в многоэтажном доме, построенном на месте их дома, не являлись социальным жильем.

47. В своих замечаниях по делу заявители также жаловались на то, что предоставленная им компенсация за лишение собственности не была ни предварительной, ни справедливой. С одной стороны, они отмечали, что их новый дом не соответствовал критериям достойного жилья и был расположен далеко от школ, больниц и парков отдыха. С другой стороны, они указывали на отсутствие у них зарегистрированного права собственности на дом, а при таких условиях они не рассматривали этот дом в качестве предоставления компенсации.

2. Мнение Европейского Суда

(a) Наличие вмешательства и его характер

48. В настоящем деле стороны не отрицали, что часть дома, собственниками которой являлись заявители, представляла собой "имущество" по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

49. Европейский Суд отмечает, что К., индивидуальный предприниматель, обратился в суд с иском к заявителям, основываясь на постановлении главы местной администрации о предоставлении ему в аренду земельного участка в целях реконструкции части города в соответствии с общим градостроительным планом. Рассмотрев дело, суды приняли решение о прекращении права собственности заявителей на основании статьи 239 ГК РФ об изъятии. Европейский Суд делает из этого вывод о том, что заявители были лишены своего недвижимого имущества по смыслу второго предложения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции местными властями, действовавшими через посредство частного лица. Следовательно, Европейский Суд отклоняет довод Российской Федерации о неприемлемости жалобы для рассмотрения по существу в связи с тем, что спор между заявителями и К. носил частный характер.

50. Европейскому Суду следует установить, было ли вмешательство оправдано с точки зрения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Чтобы соответствовать требованиям Конвенции, вмешательство должно отвечать трем критериям: оно должно осуществляться "на условиях, предусмотренных законом", "в интересах общества" и соблюдать баланс интересов между правами собственника и интересами общества.

(b) Соблюдение принципа законности

51. Европейский Суд напоминает, что статья 1 Протокола № 1 к Конвенции прежде всего требует, чтобы вмешательство властей в осуществление права на уважение имущества было законным. Верховенство права как один из фундаментальных принципов демократического общества является принципом, присущим всем статьям Конвенции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Вистиньш и Перепелкинс против Латвии" от 25 октября 2012 г., жалоба № 71243/01, §§ 94 - 95). Из этого следует, что необходимость рассматривать вопрос об установлении точного равновесия интересов "появляется только тогда, когда установлено, что вмешательство соответствовало принципу законности и не было произвольным" (см. Постановление Европейского Суда по делу "Гуизо-Галлизай против Италии" (Guiso-Gallisay v. Italy) от 8 декабря 2005 г., жалоба № 58858/00, § 80). Выражение "на условиях, предусмотренных законом" предполагает существование и соблюдение положений законодательства страны, которые являются достаточно доступными и ясными (см. Постановление Европейского Суда по делу "Литгоу и другие против Соединенного Королевства" (Lithgow and Others v. United Kingdom) от 8 июля 1986 г., жалоба № 9006/80 и шесть других жалоб, § 110) и предоставляют гарантии против произвола (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Вистиньш и Перепелкинс против Латвии", § 95).

52. У Европейского Суда уже была возможность указать, что вмешательство, нарушающее положения внутригосударственного законодательства, не соответствует критерию "законность" (см., например, Постановление Европейского Суда по делу "Ист Вест Альянс Лимитед против Украины" (East West Alliance Limited v. Ukraine) от 23 января 2014 г., жалоба № 19336/04, §§ 179 - 181 и 195). Однако не каждое нарушение процедуры означает, что вмешательство не соответствует требованию "законности" (см. Постановление Европейского Суда по делу "Компания "Украина-Тюмень" против Украины" (Ukraine-Tioumen v. Ukraine) от 22 ноября 2007 г., жалоба № 22603/02, § 52). Европейский Суд напоминает в этой связи, что его полномочия по проверке правильности толкования и применения права страны ограничены, и ему не следует подменять своей оценкой подход внутригосударственных судов, а необходимо лишь убедиться в том, что их решения не являются произвольными или явно иррациональными (см. среди многих прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу "Кушоглу против Болгарии" (Kushoglu v. Bulgaria) от 10 мая 2007 г., жалоба № 48191/99, § 50).

53. В настоящем деле заявители являлись собственниками половины дома. Как уже Европейский Суд отметил выше, в § 49, они были лишены собственности в контексте реконструкции части города в соответствии с общим градостроительным планом. Европейский Суд считает, что при данных обстоятельствах вмешательство можно рассматривать лишь как изъятие для нужд муниципалитета по смыслу статьи 11 и пункта 3 статьи 83 ЗК РФ и статьи 239 ГК РФ (см. выше §§ 20 - 21).

54. Европейский Суд отмечает, что положения ГК РФ об изъятии предусматривали осуществление процедуры в несколько этапов: 1) уполномоченный орган власти принимает решение об изъятии и извещает о нем собственника недвижимого имущества не менее, чем за год до предполагаемой даты изъятия; 2) уполномоченный орган власти регистрирует решение об изъятии в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним и извещает об этом собственника; 3) уполномоченный орган власти готовит проект соглашения о выкупе имущества у собственника; 4) в случае несогласия собственника с самим фактом изъятия или с условиями соглашения о выкупе уполномоченный орган власти может обратиться в суд в течение двух лет с момента извещения собственника о принятии решения об изъятии. В рамках спора об изъятии бремя доказывания необходимости прекращения права собственности на недвижимое имущество возложено на органы государственной власти.

55. Европейский Суд считает, что указанная процедура была предназначена для того, чтобы обеспечить собственникам определенные правовые гарантии. Однако Европейский Суд констатирует, что в настоящем деле эта процедура не была соблюдена и заявители не смогли воспользоваться гарантиями, предоставленными им законом. Кроме того, Европейский Суд

отмечает, что Ростовский областной суд не ответил на довод заявителей об обязательности применения процедуры изъятия (см. выше §§ 15 - 16). Помимо этого, власти Российской Федерации ограничились утверждением, что ни одно из положений внутригосударственного законодательства не предписывало властям самим предоставлять компенсацию лицам, чье имущество подлежало изъятию, или отселять жильцов и что, если бы было проведено изъятие земельного участка, заявители не смогли бы получить лучшую компенсацию (см. выше §§ 42 и 44). Однако власти Российской Федерации не предоставили какого-либо объяснения несоблюдению органами государственной власти самой процедуры изъятия земельного участка.

56. По мнению Европейского Суда, в настоящем деле имели место не просто процессуальные нарушения (см., например, для сравнения упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Волчкова и Миронов против Российской Федерации", касающееся изъятия, и которое было похожее на настоящее дело), а лишение собственности без соблюдения применимой процедуры.

57. Наконец, Европейский Суд отмечает, что для удовлетворения иска частного предпринимателя о прекращении права собственности заявителей суд сослался на статью 239 ГК РФ. Тем не менее в соответствии с данной статьей ГК РФ право подачи такого иска имели только органы государственной власти, а не какие-либо другие лица.

Данные обстоятельства являются достаточными для того, чтобы позволить Европейскому Суду прийти к выводу, что вмешательство не было осуществлено на условиях, предусмотренных законом, по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. В связи с этим отсутствует необходимость рассматривать вопрос о соблюдении иных требований данной статьи (см., например, Постановление Европейского Суда по делу "Минасян против Армении" (*Minasyan v. Armenia*) от 23 июня 2009 г., жалоба № 27651/05, § 76).

58. Следовательно, в настоящем деле имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

III. Предполагаемое нарушение статьи 8 Конвенции

59. Повторяя те же аргументы, которые они сформулировали в отношении статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, заявители жаловались на нарушение их права на уважение жилища и ссылались в этой связи на статью 8 Конвенции, которая гласит:

"1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, жилища и корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц".

60. Власти Российской Федерации оспаривали данное утверждение, ссылаясь на доводы, касающиеся приемлемости для рассмотрения по существу и существа дела, которые были ими сформулированы с точки зрения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

61. Европейский Суд отмечает, что жалоба в данной части связана с предыдущей и, таким образом, она должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

62. Учитывая вывод, сделанный в настоящем деле относительно статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции (см. выше § 58), Европейский Суд полагает, что отсутствует необходимость рассматривать вопрос о том, было ли допущено нарушение статьи 8 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Волчкова и Миронов против Российской Федерации", § 142, и приведенные в нем дела).

IV. Иные предполагаемые нарушения Конвенции

63. Заявители также жаловались на иные нарушения статьи 8 Конвенции, а также на нарушения статьи 3 Конвенции, пункта 1 статьи 6 Конвенции и статьи 2 Протокола № 4 к Конвенции.

64. Принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении материалы, а также насколько эти жалобы относятся к его юрисдикции, Европейский Суд считает, что они не содержат признаков нарушения прав и свобод, установленных Конвенцией и Протоколами к ней. Следовательно, в этой части жалоба должна быть отклонена как явно необоснованная в соответствии с подпунктом "а" пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

V. Применение статьи 41 Конвенции

65. Статья 41 Конвенции гласит:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

А. Ущерб

1. Доводы сторон

66. Заявители требовали, чтобы Европейский Суд присудил каждому из них по 500 000 евро в качестве компенсации морального вреда. Они указывали, что судебный спор о лишении их собственности, а также исполнение решения от 16 декабря 2004 г., особенно их переселение в новое жилье, которое они не считают надлежащим, причинили им сильные моральные страдания и повлекли за собой ухудшение здоровья двух заявительниц.

67. Заявители также требовали присудить каждому из них по 500 000 евро в качестве компенсации материального ущерба. Отмечая, что их снесенный дом находился в центре г. Аксай, заявители утверждали, что они могли бы продать его по более высокой цене и что в результате "принудительного изъятия" им был причинен материальный ущерб в виде упущенной выгоды. В качестве обоснования предъявленных требований заявители привели цены, указанные в опубликованных в декабре 2010 года объявлениях о продаже домов площадью 200 кв. м с прилегающими к ним земельными участками в городах Ростове-на-Дону и Аксай.

68. Власти Российской Федерации не предоставили каких-либо замечаний по этому поводу, но указали, что объявления о продаже, на которые ссылались заявители, не имели отношения к настоящему делу, поскольку касались недвижимости, значительно отличающейся по параметрам от старого дома заявителей. Власти Российской Федерации утверждали, по-видимому, что для расчета компенсации следует исходить из стоимости в 2004 году дома, аналогичного дому заявителей.

2. Мнение Европейского Суда

69. Европейский Суд напоминает, что постановление о нарушении Конвенции влечет за собой для властей государства-ответчика правовое обязательство прекратить нарушение и устранить его последствия с тем, чтобы восстановить в той мере, насколько это возможно, ту ситуацию, которая имела место до нарушения. Если природа нарушения позволяет осуществить *restitutio in integrum*, властям государства-ответчика следует это сделать, поскольку у Европейского Суда нет ни полномочий, ни практической возможности произвести ее самому. Однако если внутригосударственное законодательство не позволяет или лишь частично позволяет устранить

последствия нарушения, статья 41 Конвенции наделяет Европейский Суд полномочиями присудить в случае необходимости соответствующую компенсацию (см. среди последних примеров упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Ист Вест Альянс Лимитед против Украины", §§ 245 - 246, с последующими ссылками).

70. Вместе с тем точный расчет сумм, которые следует присудить, чтобы достигнуть полного возмещения материальных потерь, причиненных заявителям, не всегда возможен, например, по причине уничтожения имущества, которого они были лишены (см. Постановление Европейского Суда по делу "Минасян и Семерджян против Армении" (*Minasyan and Semerjyan v. Armenia*) от 7 июня 2011 г., жалоба № 27651/05, § 17).

71. В настоящем деле нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции было связано с тем, что спорное вмешательство в права заявителей не отвечало требованию законности. При таких обстоятельствах заявителям следует присудить компенсацию. Однако их дом был снесен, следовательно, ни *restitutio in integrum*, ни точный расчет стоимости имущества невозможны в связи с его уничтожением.

72. Европейский Суд не может ссылаться на расчет материального ущерба, предоставленный заявителями, поскольку последний был основан на информации, не имеющей какого-либо отношения к имуществу, которого они были лишены. Кроме того, Европейский Суд полагает, что необходимо учитывать тот факт, что заявители получили взамен незаконно изъятого недвижимого имущества другое недвижимое имущество. Тем не менее жилое помещение, находящееся в пригороде, не является равноценной компенсацией за то жилье, которое было расположено в центре города. Принимая во внимание все имеющиеся в его распоряжении материалы, Европейский Суд считает разумным присудить всем заявителям совместно 5 000 евро в качестве компенсации материального ущерба.

73. Что касается морального вреда, Европейский Суд полагает, что заявителям был причинен моральный вред в результате нарушения Конвенции. Исходя из принципа справедливости, в соответствии со статьей 41 Конвенции, Европейский Суд присуждает каждому из заявителей по 5 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

В. Судебные расходы и издержки

74. Заявители не представили каких-либо требований о компенсации судебных расходов и издержек. Следовательно, Европейский Суд полагает, что отсутствуют основания для присуждения им каких-либо сумм в этом отношении.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1) объявил жалобу заявителей на нарушение статьи 8 Конвенции и статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции приемлемой для рассмотрения по существу, а в остальной части - неприемлемой;

2) постановил, что имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции;

3) постановил, что отсутствует необходимость отдельно рассматривать жалобу на нарушение статьи 8 Конвенции;

4) постановил, что:

(а) власти государства-ответчика обязаны в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителям следующие суммы, подлежащие переводу в валюту государства-ответчика по курсу, действующему на дату выплаты:

(i) 5 000 (пять тысяч) евро совместно всем заявителям в качестве компенсации материального ущерба;

(ii) 5 000 (пять тысяч) евро каждому из заявителей в качестве компенсации морального вреда;

(b) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

5) отклонил оставшуюся часть требований заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на французском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 20 марта 2018 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Европейского Суда.

Председатель
Палаты Суда
ХЕЛЕНА ЯДЕРЬЛОМ

Секретарь
Секции Суда
СТИВЕН ФИЛЛИПС

Дело "Гирлян (Gurlyan) против Российской Федерации": Постановление Европейского Суда по правам человека от 9 октября 2018 года (жалоба № 35943/15)

Доступ:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=578065&dst=100002>

Перевод с английского языка И.В. Артамоновой.

Настоящее Постановление вступило в силу 9 января 2019 г. в соответствии с положениями пункта 2 статьи 44 Конвенции (примеч. редактора).

По делу "Гирлян против Российской Федерации" Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая Палатой в составе:

Винсента А. де Гаэтано, Председателя Палаты Суда,

Бранко Лубарды,

Хелен Келлер,

Дмитрия Дедова,

Пере Пастора Вилановы,

Алены Полачковой,

Марии Элосеги, судей,

а также при участии Стивена Филлипса, Секретаря Секции Суда,

рассмотрев дело в закрытом заседании 18 сентября 2018 г.,

вынес в указанный день следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 35943/15, поданной против Российской Федерации в Европейский Суд по правам человека (далее - Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция) гражданином Российской Федерации Сергеем Константиновичем Гирляном (далее - заявитель) 14 июля 2015 г.

2. Интересы заявителя представлял адвокат А. Койфман, практикующий в г. Москве, который скончался в ходе судебного разбирательства. Власти Российской Федерации первоначально были представлены Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде Г.О. Матюшкиным, а затем его преемником в этой должности М.Л. Гальпериным.

3. Заявитель жаловался на то, что конфискация его законно приобретенных денежных средств являлась чрезмерной и непропорциональной мерой.

4. 9 февраля 2017 г. данная жалоба была коммуницирована властям Российской Федерации.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

5. Заявитель родился в 1972 году и в настоящее время проживает в г. Одессе, Украина.

6. 31 января 2014 г. заявитель продал участок земли и дачу в Московской области за 4 600 000 российских рублей. 20 февраля 2014 г. он обменял 3 605 000 рублей на 100 000 долларов США.

7. 19 марта 2014 г. заявитель вылетал в г. Одессу из аэропорта Домодедово в г. Москве. Он вез в своей сумке 100 000 долларов США. В зоне досмотра его ручная кладь была подвергнута рентгеновскому контролю. Сотрудник, производящий досмотр, спросил заявителя, есть ли у него

при себе наличные денежные средства. Заявитель признал наличие у него денежных средств и показал их сотруднику.

8. Затем заявитель был допрошен сотрудником полиции и следователем в связи с подозрением в контрабанде иностранной валюты. Заявитель настаивал на законном происхождении денежных средств и утверждал, что он ошибочно полагал, что таможенный контроль будет проводиться после проверки безопасности.

9. 18 апреля 2014 г. следователь вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с невозможностью установить, что заявитель умышленно пытался нарушить таможенные правила.

10. 6 июня 2014 г. Федеральная таможенная служба подготовила отчет о нарушении таможенных правил в соответствии со статьей 16.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее - КоАП РФ). Заявителю было предъявлено обвинение в том, что он письменно не задекларировал имевшиеся у него при себе 100 000 долларов США.

11. 18 декабря 2014 г. мировой судья Домодедовского судебного района Московской области провел слушание по делу. Мировой суд постановил, что отчет таможенного органа и показания заявителя, которые он дал сотруднику полиции, являлись достаточными доказательствами совершения правонарушения. Юридически не имело значения, пытался ли заявитель умышленно обойти таможенные правила или по небрежности не исполнил применимые требования о декларировании. Мировой суд вынес постановление о конфискации у заявителя 90 000 долларов США по следующим основаниям:

"При принятии решения о назначении наказания суд учитывает характер и степень тяжести правонарушения, связанного с эксплуатацией опасного устройства, информацию о личности С.К. Гирляна, который ранее не привлекался к ответственности за подобные правонарушения, и считает целесообразным вынести постановление о конфискации предмета административного правонарушения".

12. В обоснование своей апелляционной жалобы заявитель ссылаясь, в частности, на прецедентную практику Конституционного Суда Российской Федерации, в которой подчеркивалось, что любое наказание должно быть справедливым и соразмерным в зависимости от характера правонарушения, тяжести последствий, размера ущерба и иных значимых факторов. Заявитель указал, что денежные средства были законно получены и что его действия не нанесли ущерб государству.

13. 14 января 2015 г. Домодедовский городской суд отклонил апелляционную жалобу заявителя с краткой мотивировкой, отметив, что наказание было определено "в пределах тех видов наказаний, [которые предусмотрены в статье 16.4 КоАП РФ], с учетом личности правонарушителя".

14. Апелляционная жалоба по вопросам права была отклонена заместителем председателя Московского областного суда 30 апреля 2015 г. По его словам, "утверждения защиты о формальном подходе со стороны [нижестоящих] судов [представляли собой ее] субъективное мнение, которое [не] обеспечивало С.К. Гирляну защиту от ответственности".

II. Соответствующее законодательство Российской Федерации

15. КоАП РФ в редакции, действующей в период, относившийся к обстоятельствам дела, предусматривал следующее:

"Статья 16.4. Недекларирование либо недостоверное декларирование физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов

Недекларирование либо недостоверное декларирование физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза и подлежащих письменному декларированию, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния,

- влечет наложение административного штрафа в размере от однократной до двукратной незадекларированной суммы наличных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов либо конфискацию предмета административного правонарушения.

Примечание 1. Для целей применения настоящей статьи незадекларированной признается сумма наличных денежных средств и (или) стоимость денежных инструментов сверх разрешенной таможенным законодательством Таможенного союза к ввозу (вывозу) без таможенного декларирования в письменной форме".

16. 5 июля 2010 г. Межгосударственный совет Евразийского экономического сообщества, региональной организации, в состав которой входят Республика Беларусь, Казахстан и Российская Федерация, утвердил Договор о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза. Статья 4 указанного договора (в редакции, действующей в период, относившийся к обстоятельствам дела) предусматривала следующее:

"1. Вывоз физическим лицом наличных денежных средств и (или) дорожных чеков с таможенной территории Таможенного союза осуществляется без ограничений в следующем порядке:

...при единовременном вывозе наличных денежных средств и (или) дорожных чеков на общую сумму, превышающую в эквиваленте 10 000 долларов [США], указанные денежные средства и (или) дорожные чеки подлежат таможенному декларированию в письменной форме путем подачи пассажирской таможенной декларации на всю сумму вывозимых наличных денежных средств и (или) дорожных чеков...".

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции

17. Заявитель жаловался на то, что решение органов власти Российской Федерации о конфискации у него 90 000 долларов США в рамках производства по делу об административном правонарушении по причине того, что заявитель не задекларировал денежные средства в размере 100 000 долларов США на таможне, было чрезмерным и несоразмерным преследуемой правомерной цели. Заявитель ссылаясь на статью 1 Протокола № 1 к Конвенции, которая гласит:

"Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения не умаляют права Государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов".

18. Власти Российской Федерации перечислили применимые правовые положения и отметили различие между настоящим делом и делом "Исмаилов против Российской Федерации" (Ismayilov v. Russia) (Постановление Европейского Суда от 6 ноября 2008 г., жалоба № 30352/03 <1>), суть которого заключалась в том, что заявитель был привлечен к ответственности за административное, а не за уголовное правонарушение, и ему был назначен минимальный штраф. По мнению властей Российской Федерации, суды оценили соразмерность вмешательства и отклонили доводы заявителя в этом отношении, установив, что у него была возможность выполнить применимые таможенные правила, но он этого не сделал.

<1> См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 4 (примеч. редактора).

А. Приемлемость жалобы для рассмотрения по существу

19. Европейский Суд считает, что эта жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта "а" пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

В. Существо жалобы

20. Стороны не оспаривали тот факт, что заявитель являлся законным собственником 90 000 долларов США, которые составляли "имущество" по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции (см. для сравнения Решение Европейского Суда по делу "Елисеев и Русский элитный клуб против Сербии" (Eliseev and Ruski Elitni Klub v. Serbia) от 10 июля 2018 г., жалоба № 8144/07, §§ 32 - 36). Следовательно, решение о конфискации указанной суммы представляло собой вмешательство в право заявителя на уважение его собственности (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Исмаилов против Российской Федерации", § 29, Постановление Европейского Суда по делу "Поле против Соединенного Королевства" (Paulet v. United Kingdom) от 13 мая 2014 г., жалоба № 6219/08, § 64, и Постановление Европейского Суда по делу "Больевич против Хорватии" от 31 января 2017 г., жалоба № 43492/11, § 37).

21. Европейский Суд напоминает о своем последовательном подходе, согласно которому конфискационная мера, даже если она предполагает лишение имущества, попадает под действие второго абзаца статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, что позволяет Договаривающимся Государствам контролировать использование имущества для обеспечения оплаты штрафов. Однако указанное положение следует толковать в свете общего принципа, изложенного в первом предложении первого абзаца, следовательно, должна существовать разумная соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью (см. упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам "Исмаилов против Российской Федерации", § 30, "Поле против Соединенного Королевства", § 64, и Постановление Европейского Суда по делу "Грифхорст против Франции" (Grifhorst v. France) от 26 февраля 2009 г., жалоба № 28336/02, §§ 85 - 86).

22. В отличие от предыдущих дел, рассмотренных против Российской Федерации, в которых Европейским Судом были выявлены недостатки в нормативной правовой базе, регулирующей конфискацию иностранной валюты (см. Постановление Европейского Суда по делу "Бакланов против Российской Федерации" (Baklanov v. Russia) от 9 июня 2005 г., жалоба № 68443/01 <2>, § 46, Постановление Европейского Суда по делу "Сан против Российской Федерации" (Sun v. Russia) от 5 февраля 2009 г., жалоба № 31004/02 <3>, §§ 29 - 33, и Постановление Европейского Суда по делу "Адзигович против Российской Федерации" (Adzhigovich v. Russia) от 8 октября 2009 г., жалоба № 23202/05 <4>, §§ 30 - 34), наказание за несоблюдение обязательства декларировать любую сумму в иностранной валюте, превышающую 10 000 долларов США, было установлено в статье 16.4 КоАП РФ, которая предусматривала штраф или конфискацию (см. выше § 15). Таким образом, Европейский Суд удостоверился в том, что вмешательство в право собственности заявителя было предусмотрено законом, как того требует статья 1 Протокола № 1 к Конвенции.

<2> См.: там же. 2006. № 10 (примеч. редактора).

<3> См.: там же. 2010. № 2 (примеч. редактора).

<4> См.: там же. № 4 (примеч. редактора).

23. Европейский Суд также отмечает, что государства имеют законный интерес и в то же время обязательство в силу различных международных договоров принимать меры в целях выявления и контроля движения денежных средств через границы, поскольку крупные суммы наличных денежных средств могут использоваться для отмыwania денежных средств, торговли

наркотиками, финансирования терроризма, организованной преступности, уклонения от уплаты налогов или для совершения иных серьезных финансовых преступлений. Общее требование о декларировании, которое распространяется на любое лицо, пересекающее границу государства, предупреждает скрытый ввоз и вывоз наличных денежных средств из страны, и конфискационная мера, которую влечет за собой недекларирование наличных денежных средств таможенному органу, является частью общей регулятивной системы, призванной бороться с подобными преступлениями. Таким образом, Европейский Суд полагает, что конфискационная мера отвечала общему интересу (см. упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам "Исмаилов против Российской Федерации", § 34, и "Грифхорст против Франции", § 93).

24. Европейскому Суду остается установить, был ли в результате вмешательства соблюден необходимый справедливый баланс между защитой права собственности и требованиями общего интереса с учетом пределов усмотрения, которыми государство-ответчик пользуется в данной области. Необходимый баланс не будет достигнут, если заинтересованному собственнику имущества придется нести "индивидуальное чрезмерное бремя". Кроме того, хотя второй абзац статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции не содержит четких процессуальных требований, Европейский Суд должен проанализировать, предоставляет ли заявителю производство в целом достаточную возможность передать дело компетентным органам, чтобы они могли установить справедливый баланс между противоречащими друг другу интересами (см. упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам "Грифхорст против Франции", § 94, "Поле против Соединенного Королевства", § 65, "Больевич против Хорватии", § 41, а также Постановление Европейского Суда по делу "Денисова и Моисеева против Российской Федерации" (*Denisova and Moiseyeva v. Russia*) от 1 апреля 2010 г., жалоба № 16903/03 <1>, §§ 58 - 59, и Постановление Европейского Суда по делу "Румми против Эстонии" (*Rummi v. Estonia*) от 15 января 2015 г., жалоба № 63362/09, § 104).

<1> См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 10 (примеч. редактора).

25. Административное правонарушение, в совершении которого заявитель был признан виновным, состояло в недекларировании таможенному органу полной суммы денежных средств в наличной форме, которые он провозил. Важно отметить, что сам по себе вывоз иностранной валюты из Российской Федерации не является незаконным согласно законодательству Российской Федерации или законодательству Таможенного союза, членом которого является Российская Федерация. Не только вывоз иностранной валюты как таковой был разрешен, но и сумма, которая могла быть законно перемещена или, как в настоящем деле, физически вывезена через таможенную границу, не была ограничена в принципе (см. выше § 16). Указанные элементы отличают настоящее дело от иных дел, в которых конфискационные меры применялись в отношении товаров, ввоз которых был запрещен, или в отношении транспортных средств, используемых для перевозки запрещенных веществ или для торговли людьми (см. упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам "Исмаилов против Российской Федерации", § 35, и "Грифхорст против Франции", § 99).

26. Более того, законное происхождение конфискованных денежных средств не оспаривалось сторонами. Заявитель предоставил органам власти Российской Федерации и Европейскому Суду письменные доказательства, в том числе договор купли-продажи дома и земельного участка, а также квитанции, выданные банками Российской Федерации при обмене им валюты, которые подтверждали, что денежные средства были получены им в результате продажи его имущества в Московской области. На этом основании Европейский Суд отмечает различие между настоящим делом и делами, в которых конфискационная мера применялась в отношении активов, которые представляли собой доходы от преступной деятельности и считались незаконно полученными или предназначенными для использования в незаконной деятельности (см. примеры таких дел в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу "Исмаилов против Российской Федерации", § 36).

27. Обращаясь к поведению заявителя, Европейский Суд отмечает отсутствие каких-либо признаков того, что он намеренно пытался обойти таможенные правила. Когда при проведении досмотра его спросили, имеет ли он при себе наличные денежные средства, он ответил утвердительно (см. выше § 7, для сравнения см. Постановление Европейского Суда по делу "Мун против Франции" (Moon v. France) от 9 июля 2009 г., жалоба № 39973/03, § 8, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Грифхорст против Франции", § 8, в которых заявители отрицали факт наличия у них при себе денежных средств). Отсутствие намерения обмануть было признано государственными органами Российской Федерации, которые приняли решение не возбуждать уголовное дело в этой связи (см. выше § 9). Ничто в материалах дела не позволяет предположить, что заявитель подозревался или обвинялся в совершении какого-либо уголовного преступления в связи с рассматриваемым событием или что путем применения к заявителю конфискационной меры власти намеревались предупредить иную незаконную деятельность, например, отмывание денежных средств, торговлю наркотическими веществами, финансирование терроризма или уклонение от уплаты налогов. Денежные средства, которые перевозил заявитель, были получены законно, и вывоз данной суммы из Российской Федерации и из Таможенного союза допускался при условии ее декларирования таможенному органу. Следовательно, единственной формой поведения, которая может подлежать судебному преследованию и которая может быть вменена заявителю, является неподача им таможенному органу соответствующей письменной декларации (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Исмаилов против Российской Федерации", § 37, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Больевич против Хорватии", § 43).

28. Европейский Суд напоминает, что для признания вмешательства соразмерным оно должно соответствовать тяжести нарушения, а наказание должно соответствовать тяжести преступления, которое оно призвано наказать, то есть в настоящем случае неисполнению требования о декларировании, а не тяжести какого-либо предполагаемого нарушения, которое в действительности не было установлено, например, отмывание денежных средств или уклонение от уплаты налогов (см. упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам "Исмаилов против Российской Федерации", § 38, "Грифхорст против Франции", § 102, и "Больевич против Хорватии", § 44).

29. Конфискованная сумма, несомненно, являлась значительной для заявителя, поскольку представляла собой весь доход от продажи его имущества в Российской Федерации. С другой стороны, вред, который заявитель мог причинить государству, был незначителен: он не уклонялся от уплаты таможенных пошлин или иных сборов, а также не причинил иного имущественного ущерба государству. Если бы денежные средства не были обнаружены, то государственные органы Российской Федерации просто не получили бы информацию о том, что они были вывезены из Российской Федерации. Таким образом, конфискационная мера представляла собой не денежную компенсацию, поскольку государство не понесло каких-либо убытков в результате недекларирования заявителем денежных средств, а сдерживающую и карательную меру (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Исмаилов против Российской Федерации", § 38).

30. Довод властей Российской Федерации о том, что оценка соразмерности была проведена при вынесении решений на внутригосударственном уровне, не убеждает Европейский Суд. Представляется, что вышеупомянутые соображения, касающиеся законного происхождения денежных средств, непреднамеренного характера действий заявителя или отсутствия признаков иных таможенных правонарушений, не сыграли какой-либо роли в принятии ими решения. Суд, назначивший наказание, просто сослался на "характер и опасность преступления" и "информацию о характере [заявителя]", но не рассмотрел вопроса о том, отвечало ли постановление о конфискации интересам общества или поддерживался ли необходимый баланс, согласующийся с правом заявителя на уважение его собственности. Соответственно, Европейский Суд считает, что объем

пересмотра со стороны судов Российской Федерации был слишком узким, чтобы соответствовать требованию установления "справедливого баланса", вытекающего из второго абзаца статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Поле против Соединенного Королевства", § 68).

31. Кроме того, вопреки утверждению властей Российской Федерации о том, что суд избрал самое мягкое наказание, представляется, что статья 16.4 КоАП РФ не оставляет суду, назначающему наказание, какого-либо усмотрения в этом отношении, навязывая выбор между штрафом, как минимум эквивалентным незадекларированной сумме, и конфискацией незадекларированных денежных средств. В любом случае незадекларированная сумма в полном объеме была конфискована государством. По мнению Европейского Суда, такая жесткая система неспособна обеспечить необходимый справедливый баланс между требованиями общего интереса и защитой права собственности лица (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Трифхорст против Франции", § 103, *in fine*, а также Постановление Европейского Суда по делу "Василевски против Македонии" (*Vasilevski v. former Republic of Macedonia*) от 28 апреля 2016 г., жалоба № 22653/08, § 57, и Постановление Европейского Суда по делу "Андоноски против Македонии" (*Andonoski v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*) от 17 сентября 2015 г., жалоба № 16225/08, § 38, в которых законодательство государств-ответчиков не позволяло судам учитывать соотношение между поведением заявителей и совершенными ими правонарушениями). Конфискационная мера возлагала на заявителя индивидуальное чрезмерное бремя и была несоразмерна совершенному им правонарушению (см. упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам "Исмаилов против Российской Федерации", § 38, "Больевич против Хорватии", § 45, а также Постановление Европейского Суда по делу "Танасов против Румынии" (*Tanasov v. Romania*) от 31 октября 2017 г., жалоба № 65910/09, § 28).

32. Таким образом, имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

II. Применение статьи 41 Конвенции

33. Статья 41 Конвенции гласит:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

34. Заявитель требовал выплаты 90 000 долларов США в качестве компенсации материального ущерба и просил Европейский Суд определить размер компенсации морального вреда.

35. Власти Российской Федерации утверждали, что требование в отношении морального вреда должно быть отклонено, поскольку заявитель точно не указал его сумму.

36. Европейский Суд напоминает, что он соглашается рассматривать требования в отношении морального вреда, в которых заявители не указывают сумму, "оставляя ее на усмотрение Европейского Суда" (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Нагметов против Российской Федерации" (*Nagmetov v. Russia*) от 30 марта 2017 г., жалоба № 35589/08 <1>, § 72, с дополнительными ссылками). В настоящем деле Европейский Суд присуждает заявителю 73 000 евро в качестве компенсации материального ущерба, эквивалент 90 000 долларов США на дату подачи требования, и 1 500 евро в качестве компенсации морального вреда плюс любые налоги, которые могут быть начислены на указанные суммы.

<1> См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2017. № 6 (примеч. редактора).

37. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

- 1) объявил жалобу приемлемой для рассмотрения по существу;
- 2) постановил, что имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции;
- 3) постановил, что:

(a) власти государства-ответчика обязаны в течение трех месяцев с даты вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю следующие суммы:

(i) 73 000 (семьдесят три тысячи) евро плюс любые налоги, которые могут быть начислены на эту сумму, в качестве компенсации материального ущерба;

(ii) 1 500 (одну тысячу пятьсот) евро плюс любые налоги, которые могут быть начислены, в качестве компенсации морального вреда;

(b) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на указанные суммы должны начисляться простые проценты по ставке, равной предельной кредитной ставке Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 9 октября 2018 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Европейского Суда.

Председатель
Палаты Суда
ВИНСЕНТ А. ДЕ ГАЭТАНО

Секретарь
Секции Суда
СТИВЕН ФИЛЛИПС

Дело "Людмила Юрьевна Сигунова и Марина Юрьевна Сигунова (Lyudmila Yuryevna Sigunova and Marina Yuryevna Sigunova) против Российской Федерации": Решение Европейского Суда по правам человека от 12 февраля 2019 года (жалоба № 18836/11)

Доступ:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=584495&dst=100004>

Перевод с французского языка А.С. Новиковой.

По делу "Людмила Юрьевна Сигунова и Марина Юрьевна Сигунова против Российской Федерации" Европейский Суд по правам человека (далее - Европейский Суд) (Третья Секция), заседая 12 февраля 2019 г. Комитетом в составе:

Бранко Лубарды, Председателя Комитета Суда,

Пере Пастора Вилановы,

Георгия А. Сергидеса, судей,

а также при участии Фатош Арачи, заместителя Секретаря Секции Суда,

принимая во внимание вышеуказанную жалобу, поданную 15 марта 2011 г.,

рассмотрев меморандум, представленный властями Российской Федерации, и ответные замечания, представленные заявительницами,

проведя заседание, вынес следующее Решение:

ФАКТЫ

1. Заявительницы, Людмила и Марина Юрьевны Сигуновы (далее - первая и вторая заявительницы соответственно) являются гражданками Российской Федерации. Они родились в 1972 году и проживают в г. Москве. Они были представлены О.Г. Подоплеловой, юристом, практикующей в г. Москве.

2. Власти Российской Федерации были представлены Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде М.Л. Гальпериным.

А. Обстоятельства дела

3. Обстоятельства дела, как они были представлены сторонами, могут быть изложены следующим образом.

1. Предыстория дела

4. Заявительницы являются сестрами. Они проживали в квартире в пятиэтажном доме, построенном в 1960-х годах, по адресу: г. Москва, проезд Русанова (район Свиблово), дом 11. У первой заявительницы было 1/2 в праве собственности на квартиру, у второй - 1/4. Право на последнюю 1/4 в праве собственности на квартиру было у их племянника. Общая площадь квартиры составляла 61,5 кв. м, жилая площадь - 43 кв. м. В квартире были три комнаты.

5. 6 июля 1999 г. Правительство г. Москвы приняло Постановление № 608 о задачах комплексной реконструкции районов пятиэтажной застройки первого периода индустриального домостроения. В этом постановлении предписывалось определить ежегодные планы сноса данных строений и ежегодные планы строительства новой жилой площади.

6. 27 августа 2002 г. Правительство г. Москвы приняло Постановление № 702-ПП о ликвидации пятиэтажного и ветхого жилищного фонда на территории района Свиблово. В

постановлении предусматривалось строительство в 2002 - 2010 годах жилых домов для жителей домов, подлежащих сносу, в том числе дома, в котором проживали заявительницы, а префектуре Северо-Восточного административного округа предписывалось подготовить графики отселения жителей из домов, подлежащих сносу.

7. В июле 2009 года жильцы дома, в котором проживали заявительницы, получили уведомления с приглашением явиться в жилищный отдел района для подготовки к отселению.

8. 31 августа 2009 г. жилищный отдел выдал заявительницам и их племяннику смотровой талон на квартиру в новом доме, расположенном по адресу: проезд Русанова, дом 5, - находившемся около 50 метров от дома заявительниц. В данной квартире были три комнаты и два балкона. Общая площадь квартиры без балконов составляла 70,3 кв. м, жилая площадь - 43,1 кв. м. Кухня была больше, чем в первой квартире.

9. Первая заявительница отказалась от данного предложения. Она предоставила список очень конкретных критериев, которым, по ее мнению, должна была отвечать квартира, чтобы первая заявительница согласилась ее принять (площадь каждой комнаты, отсутствие балконов в комнатах, встроенные шкафы, этаж и расположение квартиры в доме).

10. 30 сентября 2009 г. префект Северо-Восточного административного округа г. Москвы, ссылаясь на Постановление № 608 (см. выше § 5) и на Закон г. Москвы от 31 мая 2006 г. (см. ниже раздел "Соответствующее законодательство Российской Федерации"), утвердил промежуточный список строений, подлежащих сносу в 2009 и 2010 годах. В данный список был включен дом заявительниц.

11. 9 октября 2009 г. первая заявительница отклонила другое предложение об осмотре квартиры в том же доме, в котором находилась первая осммотренная ею квартира. Она утверждала, что предложенные квартиры не отвечали "характеристикам использования" и "критериям эксплуатации". Она снова указала критерии, которым, по ее мнению, должна была отвечать новая квартира, чтобы она сама, вторая заявительница и их племянник согласились переехать в нее.

2. Спор о передаче властям г. Москвы права собственности на квартиру

12. Столкнувшись с отказом заявительниц от предложений об отселении, 8 декабря 2009 г. префект Северо-Восточного административного округа г. Москвы обратился в Бабушкинский районный суд г. Москвы. Он просил прекратить право собственности заявительниц и их племянника на квартиру, оформить данное право на власти г. Москвы и взамен передать в собственность заявительницам и их племяннику квартиру, которая была предметом первого предложения об отселении (см. выше § 8) и находилась по адресу: проезд Русанова, дом 5.

13. 2 марта 2010 г., когда дело находилось на рассмотрении суда первой инстанции, первая заявительница направила в Департамент жилищной политики и жилищного фонда (далее - Департамент) заявление с просьбой присутствовать на заседании комиссии по отселению. Она снова указала от имени трех сособственников точные критерии, которым должна была отвечать квартира, чтобы они согласились в нее переехать. Она отмечала, что другое решение состояло в том, чтобы предоставить им три отдельные квартиры. В заключение она утверждала, что у нее было право на обогащение в случае уступки ее права собственности. Требование первой заявительницы было отклонено.

14. 13 апреля 2010 г. Бабушкинский районный суд г. Москвы отложил рассмотрение дела, чтобы ответчики могли осмотреть другую квартиру, предложенную Департаментом. Первая заявительница отказалась от данного предложения.

15. В замечаниях по делу от 23 апреля 2010 г. первая заявительница утверждала, что принудительное прекращение права собственности было незаконным, поскольку не была соблюдена процедура изъятия, предусмотренная статьей 239 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) (см. ниже раздел "Соответствующее законодательство Российской Федерации"). Она вновь указала точные критерии, которым должна была отвечать квартира, чтобы

все три ответчика согласились ее принять. Она полагала, что другое решение состояло в том, чтобы предоставить отдельную квартиру каждому из ответчиков. В противном случае она предлагала обсудить возможность выкупа квартиры.

16. Вторая заявительница не присутствовала на судебных заседаниях и не представила замечаний по делу.

17. 23 апреля 2010 г. Бабушкинский районный суд г. Москвы удовлетворил иск префекта. Суд прекратил право собственности ответчиков на их квартиру и предписал отселить их в квартиру, указанную в исковом заявлении.

18. Бабушкинский районный суд г. Москвы счел, что снос дома был предусмотрен Постановлениями Правительства г. Москвы NN 608 и 702-ПП, а также решением префекта от 30 сентября 2009 г. (см. выше §§ 5, 6 и 8), в соответствии с Законом г. Москвы от 31 мая 2006 г. Бабушкинский районный суд г. Москвы сослался на статью 4 названного закона, в которой был указан список оснований для передачи жилья властям, и пришел к следующему выводу:

"...Правительство г. Москвы приняло Постановления NN 608... и 702-ПП... в соответствии с которыми земли используются для нужд нового строительства и развития территории, ликвидации пятиэтажного и ветхого жилищного фонда. Таким образом, земельный участок, на котором расположен дом [ответчиков], не изымается для государственных или муниципальных нужд. Следовательно, положения статьи 239 Гражданского кодекса неприменимы в настоящем деле".

19. Бабушкинский районный суд г. Москвы сравнил площадь двух квартир. Ссылаясь на два отчета об оценке, он установил, что рыночная стоимость старой квартиры составляла 6 857 000 рублей, а рыночная стоимость новой квартиры - 9 858 000 рублей. Бабушкинский районный суд г. Москвы пришел к выводу, что новое жилье было равноценно старому жилью заявителем.

20. К тому же Бабушкинский районный суд г. Москвы квалифицировал поведение первой заявительницы как злостное злоупотребление правом и счел, что она пыталась получить обогащение за счет властей города.

21. Заявительницы подали кассационную жалобу. Они утверждали, что лишение их права собственности на их недвижимое имущество нарушало статьи 235, 239 и 279 - 281 ГК РФ, а также статью 32 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее - ЖК РФ), которые предусматривали процедуру изъятия земельного участка для государственных или муниципальных нужд (см. ниже раздел "Соответствующее законодательство Российской Федерации"). Утверждая, что земельный участок являлся общей собственностью собственников квартир, заявительницы утверждали, что процедура изъятия данного участка и дома была обязательной, в противном случае требование префекта следовало отклонить.

22. 14 сентября 2010 г. Московский городской суд оставил в силе решение суда первой инстанции. При этом была оглашена только резолютивная часть постановления. Сторонам пояснили, что полный текст постановления будет составлен позже.

23. 7 октября 2010 г. первая заявительница получила копию полного текста постановления суда кассационной инстанции. 8 декабря 2010 г. вторая заявительница получила полную копию данного постановления по почте.

24. В кассационном постановлении Московский городской суд согласился с выводами Бабушкинского районного суда г. Москвы. Московский городской суд указал следующее: чтобы установить, было ли новое жилье равноценным квартире заявителем, необходимо учитывать не только площадь и рыночную стоимость, но и уровень комфорта жилья и его расположение, и что в настоящем деле дом заявителем и новый дом находились рядом. По мнению Московского городского суда, районный суд надлежащим образом принял во внимание данные факторы.

25. Заявительницы проживали в своей квартире до июня 2014 года, когда дом был снесен.

26. В письме, датированном 1 августа 2017 г., заявительницы уведомили Европейский Суд о том, что они были выселены из своего жилого помещения при содействии судебных приставов и вселились в новое жилое помещение.

СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1. Конституция Российской Федерации

27. Согласно части 3 статьи 35 Конституции Российской Федерации никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения.

28. В соответствии со статьей 72 Конституции Российской Федерации жилищное и земельное законодательство находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Согласно статье 76 Конституции по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации. Законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации не могут противоречить федеральным законам, и в случае противоречия действует федеральный закон.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации

29. Согласно статье 235 ГК РФ принудительное изъятие у собственника имущества не допускается, кроме случаев, предусмотренных законом. В момент событий настоящего дела одним из таких случаев было отчуждение недвижимого имущества в связи с принудительным отчуждением земельного участка, на котором оно располагалось. Абзац 3 статьи 235 ГК РФ отсылал к статье 239 ГК РФ, согласно которой в случаях, когда изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд было невозможно без прекращения права собственности на объекты недвижимого имущества, которые на нем расположены, участок подлежал изъятию путем выкупа в соответствии с правилами, предусмотренными статьями 279 - 281 ГК РФ.

30. В соответствии со статьей 279 ГК РФ в редакции, действовавшей в период, относившийся к обстоятельствам дела, земельный участок мог быть изъят для государственных или муниципальных нужд путем выкупа. Собственник должен был быть извещен о предстоящем изъятии не менее чем за год. Кроме того, решение об изъятии подлежало регистрации в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним, о чем также должен был быть уведомлен собственник.

31. Статья 281 ГК РФ в редакции, действовавшей в период, относившийся к обстоятельствам дела, предусматривала необходимость заключения соглашения о выкупе, включающего обязательство федеральных, региональных или муниципальных властей выплатить собственнику изымаемого имущества выкупную цену. В последнюю входила рыночная стоимость земельного участка и расположенных на нем сооружений, а также сумма материального ущерба, понесенного собственником изымаемого имущества. Согласно статье 282 ГК РФ, если собственник возражал против изъятия или условий соглашения о выкупе, органы власти в течение двух лет с момента уведомления собственника о решении изъять участок могли обратиться в суд с требованием о принудительном выкупе.

3. Жилищный кодекс Российской Федерации

32. Статья 32 ЖК РФ в основном повторяла положения статей 279 и 281 ГК РФ. В Постановлении от 2 июля 2009 г. № 14 <2> Пленум Верховного Суда Российской Федерации уточнил, что соблюдение процедуры, предшествующей изъятию жилого помещения у собственника, было обязательным. Данная процедура включала в себя принятие уполномоченным органом решения об изъятии жилого помещения, государственную регистрацию этого решения в органе, осуществляющем государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним, уведомление в письменной форме собственника жилого помещения не позднее чем за год до предстоящего изъятия принадлежащего ему жилого помещения о принятом решении об изъятии и

дате его государственной регистрации. Несоблюдение процедуры, предшествующей изъятию жилого помещения у собственника, должно влечь за собой отказ в иске органу государственной власти (органу местного самоуправления) о выкупе жилого помещения.

<2> Так в тексте. Имеется в виду Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации "О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации" (примеч. редактора).

33. В соответствии со статьей 36 ЖК РФ земельный участок, на котором расположен многоквартирный дом, принадлежит на праве общей долевой собственности собственникам помещений в многоквартирном доме. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 <3> разъяснили судам, что, если земельный участок не сформирован и в отношении него не проведен государственный кадастровый учет, то земля под многоквартирным домом находится в собственности соответствующего публично-правового образования, но только собственники помещений в многоквартирном доме вправе им распоряжаться.

<3> Так в тексте. Имеется в виду Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации "О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав" (примеч. редактора).

34. Согласно статье 16 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ "О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации" в редакции, действовавшей на момент событий настоящего дела, в случае, если земельный участок, на котором расположены многоквартирный дом и иные входящие в состав такого дома объекты недвижимого имущества, не был сформирован до введения в действие ЖК РФ, любой собственник помещения в многоквартирном доме был вправе обратиться в органы государственной власти или органы местного самоуправления с заявлением о формировании земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом, чтобы данный участок принадлежал собственникам помещений на праве общей собственности.

4. Закон г. Москвы от 31 мая 2006 г.

35. В статьях 2 и 6 Закона г. Москвы от 31 мая 2006 г. № 21 "Об обеспечении жилищных прав граждан при переселении и освобождении жилых помещений (жилых домов) в городе Москве" (далее - Закон г. Москвы) гарантировалось право граждан, освобождающих жилые помещения, на получение равноценного жилого помещения (то есть жилого помещения, площадь которого не меньше площади освобождаемого жилого помещения, а количество комнат соответствует количеству комнат в освобождаемом жилом помещении). В статье 6 Закона г. Москвы также описан порядок расчета возмещения (компенсации).

36. В статье 3 Закона г. Москвы гарантируется право на получение жилья в районе проживания. Согласно пункту 5 данной статьи требования граждан, не основанные на нормах федерального законодательства и законодательства г. Москвы, о предоставлении жилого помещения в конкретном месте, доме, на этаже, по конкретному адресу, с определенным количеством комнат удовлетворению не подлежат.

37. В статье 4 Закона г. Москвы перечислены основания для освобождения жилых домов. В качестве одного из таких оснований указано изъятие или использование части или всего земельного участка для государственных (городских) или муниципальных нужд в случаях, предусмотренных федеральным законодательством и законодательством г. Москвы, в связи с необходимостью нового

строительства, развития территорий в соответствии с Генеральным планом г. Москвы, планами развития округов и районов г. Москвы, реализацией городских программ, требующих сноса жилых домов. Согласно пункту 3 данной статьи Закона г. Москвы правовой акт Правительства г. Москвы об изъятии земельного участка принимается при наличии сформированного земельного участка, в отношении которого проведен государственный кадастровый учет.

38. Пункты 5 и 6 статьи 4 Закона г. Москвы содержат положения, аналогичные тем, которые указаны в статье 279 ГК РФ (см. выше § 30).

ЖАЛОБЫ

39. Ссылаясь на статью 1 Протокола № 1 к Конвенции, заявительницы жаловались на произвольное лишение их своей квартиры.

ПРАВО

40. Заявительницы утверждали, что судебное решение об отчуждении их квартиры в пользу властей и предоставление им другой квартиры взамен предыдущей нарушали статью 1 Протокола № 1 к Конвенции, которая в соответствующей части гласит:

"Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права...".

А. Доводы сторон

1. Заявительницы

41. Заявительницы утверждали, что вмешательство в их право на уважение собственности не было осуществлено "на условиях, предусмотренных законом", по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Они утверждали, в частности, что власти г. Москвы не прибегли к обязательной процедуре изъятия, предусмотренной ГК РФ, и вместо этого применили законодательство г. Москвы, которое противоречило ГК РФ и не предоставляло заявительницам достаточных гарантий против произвола. По мнению заявительниц, несоблюдение статьи 239 ГК РФ и статьи 32 ЖК РФ в их деле представляло собой нарушение федерального законодательства и, следовательно, нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

42. Заявительницы полагали также, что власти должны были сначала сформировать земельный участок, на котором находился дом заявительниц, и только потом изымать участок и их квартиру. Они сожалели, что суды не рассмотрели данный вопрос в их деле и не предписали властям сформировать земельный участок.

43. Заявительницы считали также, что спорная мера не преследовала какой-либо правомерной цели. По их мнению, строительство новых зданий не имело целью расселение нуждающихся лиц, а новые квартиры не являлись социальным жильем. Заявительницы утверждали, что их дом не был ветхим, антисанитарным или "морально устаревшим", следовательно, можно было просто сделать ремонт, а не сносить дом. Ссылаясь на Постановление Европейского Суда по делу "Волчкова и Миронов против Российской Федерации" (Volchkova and Mironov v. Russia) от 28 марта 2017 г., жалобы NN 45668/05 и 2292/06 <4>, § 118, они настаивали на том, что улучшение вида города с архитектурной точки зрения само по себе не являлось правомерной целью, оправдывающей снос старого жилья.

<4> См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2018. № 5 (примеч. редактора).

44. Наконец, заявительницы полагали, что вмешательство не было соразмерным. Они утверждали, в частности, что новая квартира была навязана им против их воли и что не только снос их дома был неоправданным, но и не было необходимости предусматривать их отселение в 2010 году, поскольку дом был снесен лишь в 2014 году. Наконец, они жаловались на способ исполнения решения суда от 23 апреля 2010 г.

2. Власти Российской Федерации

45. Власти Российской Федерации полагали, что вмешательство в право заявительниц на уважение их собственности было "законным" по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. В частности, они утверждали, что в настоящем деле подлежало применению законодательство г. Москвы, а не положения ГК РФ об изъятии. Они добавили, что земельный участок, на котором находился спорный дом, не был сформирован или поставлен на кадастровый учет и что он не изымался, а только "использовался" для целей нового строительства по смыслу статьи 4 Закона г. Москвы, и, следовательно, статья 239 ГК РФ, закрепляющая принцип изъятия, а также статья 32 ЖК РФ не подлежали применению.

46. Что касается цели, которую преследовало вмешательство, власти Российской Федерации утверждали, что власти государства-ответчика обладали широкими пределами усмотрения в сфере градостроительства и управления жилым фондом. Они настаивали на том, что снос старого дома позволил построить другие здания, чтобы расселить в них нуждающихся лиц.

47. В отношении соразмерности вмешательства власти Российской Федерации отмечали, что новая квартира была лучше старой, находилась рядом с прежней и что критерии предоставления жилья, указанные заявительницами, не могли быть выполнены в соответствии с пунктом 5 статьи 3 Закона г. Москвы. Они полагали, что власти приняли все меры, которые можно было разумно от них ожидать, с целью предоставить заявительницам жилое помещение, равноценное их старой квартире. Власти Российской Федерации согласились с выводами Бабушкинского районного суда г. Москвы, который квалифицировал поведение первой заявительницы как злоупотребление правом.

В. Мнение Европейского Суда

48. Европейский Суд отмечает, что сторонами не оспаривалось, что доли в праве собственности на квартиру представляли собой "имущество" по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции и что предписание суда об отчуждении квартиры в пользу властей представляло собой вмешательство в права заявительниц по смыслу той же статьи. Европейский Суд напоминает, что для того, чтобы быть совместимым со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции, вмешательство должно быть "законным", преследовать правомерную цель и быть соразмерным данной цели.

1. Законность вмешательства

49. Европейский Суд напоминает, что условие "законности" подразумевает, что спорная мера отвечает положениям законодательства страны и не является произвольной (см. Постановление Европейского Суда по делу "Компания "Ист Вест Альянс Лимитед" против Украины" (East West Alliance Limited v. Ukraine) от 23 января 2014 г., жалоба № 19336/04, § 167, с дальнейшими ссылками). Однако не любое процессуальное нарушение может привести к нарушению требования "законности" (см. Постановление Европейского Суда по делу "Компания "Украина-Тюмень" против Украины" (Ukraine-Tumen v. Ukraine) от 22 ноября 2007 г., жалоба № 22603/02, § 52).

50. По мнению заявительниц, вмешательство властей в их право на уважение имущества не было "законным" по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, поскольку земельный участок,

на котором находились их дом и их квартира, не был изъят в соответствии со статьями 239, 279 и 281 ГК РФ и статьей 32 ЖК РФ.

51. Рассматривая, во-первых, довод заявительниц о том, что земельный участок, на котором находился их дом, подлежал изъятию, Европейский Суд отмечает, что данный участок не был сформирован и с технической точки зрения оставался собственностью г. Москвы. Из положений законодательства Российской Федерации следует, что собственникам надлежало обратиться с заявлением о формировании земельного участка (см. выше §§ 33 - 34). Однако Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле ни один из собственников квартир в доме, в том числе заявительницы, не просили сформировать земельный участок и поставить его на кадастровый учет. Таким образом, власти не могли изъять участок, в отношении которого они являлись собственниками.

52. Что касается довода заявительниц о том, что Закон г. Москвы, который был применен в их деле, не являлся надлежащей правовой основой, Европейский Суд указывает, что принудительное отчуждение недвижимого имущества было возможно в соответствии с ГК РФ и ЖК РФ только через обязательную процедуру изъятия (см. выше § 29). Он также отмечает, что в соответствии с Законом г. Москвы была возможна передача недвижимого имущества властям без проведения изъятия земельного участка, на котором находится такое имущество (см. выше § 37). Европейский Суд подчеркивает, тем не менее, что, несмотря на данное очевидное противоречие между Законом г. Москвы, с одной стороны, и ГК РФ и ЖК РФ, с другой, в остальном положения Закона г. Москвы были аналогичны положениям ГК РФ (см. выше §§ 30 - 31 и 35, 36, 38), в частности, в том, что касается принципов и порядка передачи недвижимого имущества властям. Кроме этого, Европейский Суд отмечает, что Закон г. Москвы предоставляет жильцам даже более широкую защиту, поскольку гарантирует их право на получение нового жилья в пределах района проживания (см. выше § 36).

53. Из материалов дела следует, что в настоящем деле все гарантии, предоставленные лицам, освобождающим жилые помещения, были соблюдены за исключением, возможно, регистрации решения об изъятии в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним. Однако заявительницы не объяснили, каким образом это им повредило.

54. При данных условиях, напоминая, что полномочия Европейского Суда по проверке правильного толкования и применения законодательства государства-ответчика ограничены и что ему не надлежит подменять собой суды государства-ответчика, поскольку его роль заключается в проверке того, не являются ли решения данных судов произвольными или явно непропорциональными (см., например, Постановление Европейского Суда по делу "Кушоглу против Болгарии" (*Kushoglu v. Bulgaria*) от 10 мая 2007 г., жалоба № 48191/99, § 50), Европейский Суд полагает, что "незаконность" и тем более произвольность спорной меры не была доказана (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Волчкова и Миронов против Российской Федерации", в котором некоторые процессуальные нарушения не были признаны имеющими такой характер, что изъятие было "незаконным", и см., а contrario, Постановление Европейского Суда по делу "Ткаченко против Российской Федерации" (*Tkachenko v. Russia*) от 20 марта 2018 г., жалоба № 28046/05, в котором заявители были выселены по требованию частного лица при полном игнорировании правил об изъятии и без соблюдения процессуальных гарантий).

55. Наконец, Европейский Суд напоминает, что целью Конвенции является защита конкретных и эффективных прав, и отмечает, что заявительницы не указали, предполагаемое несоблюдение какой процессуальной гарантии причинило им ущерб.

2. Правомерная цель вмешательства

56. Европейский Суд отмечает, что благодаря непосредственной связи с обществом и осведомленности о его потребностях власти государства-ответчика, как правило, находятся в более

выгодном положении, чем международный суд, чтобы определить, что соответствует "интересам общества" (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Вистинш и Перепелкинс против Латвии" от 25 октября 2012 г., жалоба № 71243/01, § 105). В настоящем деле Европейскому Суду не было представлено каких-либо убедительных доказательств, которые позволили бы ему прийти к выводу, что причины, озвученные властями государства-ответчика, были лишены разумных оснований. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не выдвигалась заявительницами в ходе рассмотрения их дела в судах Российской Федерации.

3. Соразмерность вмешательства

57. Европейский Суд напоминает, что соразмерность вмешательства предполагает установление точного равновесия между требованиями интересов общества и защиты основных прав.

58. В настоящем деле Европейский Суд отмечает, что заявительницы никогда не утверждали, что их новая квартира стоила меньше прежней, и что в деле также отсутствуют доказательства этого (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Волчкова и Миронов против Российской Федерации", §§ 125 - 126). Единственное возражение, выдвинутое заявительницами, касалось того, что новая квартира не была идентична предыдущей в плане этажности, площади каждой комнаты, отсутствия балконов в определенных местах и встроенных шкафов. Однако ни Закон г. Москвы (см. выше § 36), ни статья 1 Протокола № 1 к Конвенции не гарантируют права на получение идентичного жилого помещения. Кроме того, заявительницы, тем не менее, продолжили проживать в доме до его сноса в 2014 году и, таким образом, воспользовались этой задержкой сноса дома. Наконец, в отношении порядка исполнения решения от 23 апреля 2010 г. Европейский Суд отмечает, что, во-первых, данная жалоба была подана с нарушением срока, поскольку она впервые была заявлена 1 августа 2017 г. (см. выше § 26), и, в особенности, во-вторых, порядок приведения решения в исполнение не имеет значения для оценки соразмерности прекращения права собственности заявительниц и предоставления им взамен нового жилого помещения.

59. Европейский Суд отмечает, что заявительницы получили новую квартиру, немного большую, гораздо более дорогостоящую и расположенную в непосредственной близости от их прежнего жилья. Таким образом, Европейский Суд приходит к выводам, что спорная мера была соразмерной.

4. Заключение

60. С учетом вышеизложенного Европейский Суд считает, что эта жалоба является явно необоснованной и должна быть объявлена неприемлемой для рассмотрения по существу в соответствии подпунктом "а" пункта 3 статьи 35 Конвенции.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО:

объявил жалобу неприемлемой для рассмотрения по существу.

Совершено на французском языке, уведомление о Решении направлено в письменном виде 14 марта 2019 г.

Председатель
Комитета Суда
БРАНКО ЛУБАРДА

Заместитель Секретаря
Секции Суда
ФАТОШ АРАЧИ

Дело "Кочергин (Kochergin) против России": Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 сентября 2019 года (жалоба № 71462/17)

Доступ:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=164681603262428591727322&cacheid=DOC8C1E040CC23BA07298852857683D4&mode=splus&base=ARB&n=621429&rnd=41AA4DC58F9C0CD71A7E407644B51379#1e3gedrvbz6>

Это решение является окончательным, но может быть подвергнуто редакционной правке.
По делу Кочергин против России,
Европейский Суд по Правам Человека (Третья Секция), заседая Комитетом, состоящим из:
Алена Полачкова, президент,
Дмитрий Дедов,
Жильберто Феличи, судьи,
и Стивен Филлипс, Секретарь Секции,
Заседая 3 сентября 2019 г. за закрытыми дверями,
Поставляет следующее решение, которое было принято в эту дату:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело возникло из жалобы (№ 71462/17) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданином России, г-ном Александр Иванович Кочергин («заявитель»), 6 сентября 2017 года.

2. Правительство Российской Федерации («Правительство») представлял г-н М. Гальперин, Представитель Российской Федерации в Европейском суде по правам человека.

3. 7 ноября 2017 года уведомление о жалобе, касающейся аннулирования права заявителя на квартиру, было передано Правительству, а остальная часть жалобы была объявлена неприемлемой в соответствии с пунктом 3 правила 54 Регламента Суда.

ФАКТЫ

Обстоятельства дела

4. Заявитель родился в 1956 году и живет в Челябинске.

А. Сделки в отношении квартиры, позднее приобретенной заявителем

5. Данная квартира представляла собой двухкомнатную квартиру площадью 38,9 кв. М, расположенную по адресу: ул. Краснознаменная, 27-24, Челябинск, которая принадлежала мэрии Челябинска. Два брата А.Н. и В.Н. проживали в квартире по договору социального найма с муниципалитетом.

6. 21 декабря 2009 г. В.Н. был приговорен к лишению свободы, который он отбывал в исправительной колонии в Челябинской области.

7. 12 марта 2014 г. муниципалитет аннулировал регистрацию В.Н. в отношении квартиры по запросу А.Н.

8. 11 августа 2014 г. муниципалитет передал право собственности на квартиру А.Н. по схеме приватизации. А.Н. представил нотариально заверенное заявление, сделанное В.Н., в котором последний отказался от своего права участвовать в приобретении квартиры.

9. 18 сентября 2014 года областной земельный кадастр зарегистрировал право собственности А.Н. на квартиру.

10. 19 сентября 2014 г. региональный земельный кадастр подтвердил, в ответ на запрос заявителя, что А.Н. был владельцем квартиры, и что квартира была свободна от каких-либо залогов или обременений.

11. 23 сентября 2014 года А.Н. продал квартиру заявителю. Заявитель заплатил 1 450 000 российских рублей А.Н. в качестве покупной цены. 29 сентября 2014 года областной земельный кадастр зарегистрировал право собственности заявителя на квартиру. Заявитель и его семья переехали в квартиру и жили там.

В. Прекращение права заявителя на квартиру

12. 4 декабря 2015 г. В.Н. был освобожден из тюрьмы.

13. В неустановленный день В.Н. возбудил иск против заявителя, А.Н. и муниципалитет, желающий признать недействительным (1) приватизацию квартиры в собственность А.Н. и (2) продажу квартиры заявителю. В.Н. утверждал, что нотариально заверенный отказ от его права участвовать в приватизации якобы подписанной им квартиры был подделан.

14. Суд не установил местонахождение А.Н. Последний не имел никакого известного адреса и не мог быть найден. Он не принимал участия в разбирательстве лично. Суд назначил М. своим адвокатом. М. оспаривал требования В.Н.

15. Суд проинформировал муниципалитет о продолжающемся гражданском разбирательстве, касающемся рассмотрения требований В.Н. Муниципалитет решил не присутствовать на слушании.

16. Заявитель утверждал, что купил квартиру добросовестно и по закону имеет право сохранить за собой право собственности на нее, несмотря на мошеннические действия, предположительно совершенные А.Н.

17. 18 мая 2016 г. Курчатовский районный суд г. Челябинска удовлетворил требования В.Н. в полном объеме. Он установил, что отказ В.Н. был подделан, и признал его право на проживание в квартире. Суд признал недействительными все сделки с квартирой, передал право собственности на квартиру обратно в муниципалитет и постановил А.Н. возместить заявителю цену, которую последний заплатил за квартиру. Суд отказался признать, что заявитель купил квартиру добросовестно, отметив, что заявитель (1) имел возможность проверить, был ли А.Н. Имел ли право продать квартиру и был ли В.Н. действительно отказался от своих прав на свою долю в приватизированной квартире; (2) мог знать, что А.Н. не имел права продавать квартиру; и (3) знал, что В.Н. отбывал тюремный срок и после его освобождения имел бы право проживать в квартире.

18. 9 августа 2016 г. Челябинский районный суд оставил решение от 18 мая 2016 г. без изменения. Оставляя в силе отказ районного суда признать, что заявитель добросовестно купил квартиру, апелляционный суд также отметил, что заявитель (1) купил квартиру по цене ниже рыночной и (2) знал, что А.Н. была проблема с алкоголем Суд отказался назначить исполнительную процедуру, запрошенную заявителем, который просил, чтобы аннулирование его права на квартиру предшествовало выплате А.Н. от покупной цены квартиры.

19. 9 марта 2017 г. областной суд отклонил жалобу заявителя по вопросам права на решения от 18 мая и 9 августа 2016 г.

20. 29 июня 2017 г. Верховный Суд Российской Федерации отклонил вторую жалобу заявителя по вопросам права.

С. Исполнительное производство в отношении решения от 18 мая 2016 года

21. 26 сентября 2016 г. служба судебных приставов возбудила исполнительное производство в отношении А.Н. Офис судебного пристава не установил местонахождение А.Н. или каких-либо его активов. Решение в части, касающейся возврата покупной цены заявителю, не было исполнено до настоящего времени.

D. Процесс выселения

22. В неустановленный день В.Н. возбудил гражданский иск, требуя выселения заявителя. 2 февраля 2017 г. районный суд удовлетворил требования В.Н. в полном объеме. Заявитель не обжаловал указанное решение.

23. 15 июня 2017 г. районный суд приостановил выселение заявителя до 15 ноября 2017 г.
24. 31 мая 2018 года заявитель и его семья были выселены из квартиры.

ЗАКОН

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 1 ПРОТОКОЛА № 1 К КОНВЕНЦИИ

25. Заявитель жаловался на то, что он был лишен своей квартиры в нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, которая гласит:

«Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на мирное пользование своим имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества, кроме как в общественных интересах и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Однако предыдущие положения никоим образом не ущемляют право государства применять такие законы, которые оно считает необходимыми, для контроля за использованием имущества в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других взносов или штрафов.»

А. Приемлемость

26. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что это не является неприемлемым по любым другим основаниям. Поэтому он должен быть объявлен приемлемым.

Б. Заслуги

27. Правительство признало, что аннулирование права заявителя на квартиру равносильно вмешательству в его имущественные права. Тем не менее такое вмешательство соответствовало закону, оно преследовало законную цель и было соразмерным и «необходимым в демократическом обществе». Приватизация квартиры, санкционированная муниципалитетом, была основана на искажениях, сделанных А.Н. Национальные суды законно признали недействительными все сделки с квартирой и восстановили право В.Н. на жилье. Они также приказали А.Н. погасить деньги, полученные заявителю.

28. Заявитель поддержал свою жалобу.

29. Суд с самого начала отмечает, что гражданское разбирательство, в результате которого заявитель получил право собственности на квартиру, было возбуждено В.Н., который пытался восстановить свое право на проживание в квартире. Городская администрация, получив уведомление от районного суда о разбирательстве, не подала отдельного иска в отношении квартиры и решила не присутствовать на слушании. Суд также считает, что, хотя в решениях национальных судов признавалось право муниципалитета на квартиру, они делали это с единственной целью - вернуть квартиру В.Н.

30. Принимая во внимание вышесказанное, Суд приходит к выводу, что настоящее дело по существу касается спора между частными сторонами. В этой связи он повторяет, что такие споры не связаны с ответственностью государства в соответствии со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции (см., Среди прочего, *Zagrebačka banka ddv Croatia*, № 39544 / 05, § 250, 12 декабря 2013 г.).

31. Соответственно, задачей Суда в настоящем деле является оценка того, является ли решение национальных судов по спору между В.Н. и заявителю дали в соответствии с национальным законодательством и удостовериться, что их соответствующие решения не были произвольными или явно необоснованными (сравните, *Миндек против Хорватии*, № 6169/13, § 78, 30 августа 2016 г.).

32. Он также повторяет, что его юрисдикция по проверке правильности толкования и применения внутрисударственного права ограничена, и его функция не заменять национальные суды (там же, § 78). Суд ссылается на свое устоявшееся прецедентное право, согласно которому в соответствии со статьей 19 Конвенции его обязанностью является обеспечение соблюдения

обязательств, принятых Договаривающимися сторонами Конвенции. В частности, в его функции не входит устранение фактических или правовых ошибок, предположительно совершенных национальным судом, если только они не нарушили права и свободы, защищаемые Конвенцией (см. *García Ruiz v. Spain* [GC], № 30544/96, § 28, ЕКПЧ 1999-I). Поэтому он будет ограничиваться рассмотрением того, были ли решения национальных судов произвольными или явно необоснованными.

33. Суд придает особое значение тому факту, что во время рассмотрения требований В.Н. местонахождение его брата А.Н., который продал квартиру заявителю и получил за нее деньги, не было известно. В результате А.Н. не был уведомлен о незавершенном гражданском споре и не принимал участия в разбирательстве. Районный суд не установил личности его имущества. Также это не указывало на какой-либо другой способ обеспечить исполнение решения в части, касающейся возврата денег А.Н. заявителю.

34. Соответственно, Суд считает, что судебным органам с самого начала было очевидно, что вероятность того, что заявитель сможет получить какие-либо деньги от А.Н. не было. Тем не менее они расторгли договор купли-продажи между А.Н. и заявитель, лишив последнего его имущества без возможности вернуть что-либо взамен. По мнению Европейского Суда, решение о лишении заявителя его имущества без какой-либо компенсации налагало на него чрезмерное бремя.

35. Суд также отмечает, что национальные суды прямо отказались признать добросовестность заявителя, что позволило бы ему сохранить свое право собственности на квартиру, отметив, в частности, что он не проверил действительность документов, представленных А.Н. В то же время они одобрили такое упущение со стороны муниципальных властей, которые признали эти документы действительными и санкционировали передачу права собственности на квартиру А.Н. а затем к заявителю. В этой связи Европейский Суд напоминает, что последствия любой ошибки, допущенной государственным органом, должны нести государство, и ошибки не должны исправляться за счет соответствующего лица (см. *Столярова против России*, № 15711/13, § 49, 29 января 2015 г., с дальнейшими ссылками). Поэтому он считает, что судебное решение об исправлении упущения со стороны муниципальных и региональных властей за счет заявителя также налагало на него чрезмерное бремя.

36. Принимая во внимание вышесказанное, Суд приходит к выводу, что решение судебных органов лишить заявителя этого права на квартиру без возможности вернуть деньги, которые он заплатил за нее, и исправить ошибки со стороны Муниципальные и региональные органы власти за счет средств заявителя являются произвольными. Имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

37. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд установит, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, и если внутреннее законодательство соответствующей Высокой Договаривающейся Стороны допускает лишь частичное возмещение, Суд, в случае необходимости, предоставляет справедливую компенсацию пострадавшая сторона».

А. Ущерб

38. Заявитель требовал 22 638 евро (ЕВРО) в качестве компенсации материального ущерба (цена покупки, которую он заплатил за квартиру, и стоимость ремонта квартиры). В подтверждение он представил соответствующие квитанции и счета. Он также требовал 20 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

39. Власти не усмотрели нарушения прав заявителя и посчитали, что ему не следует присудить компенсацию. В качестве альтернативы они утверждали, что требования заявителя были чрезмерными, необоснованными и необоснованными.

40. Суд считает, что в настоящем деле существует четкая связь между установленным нарушением и материальным ущербом, причиненным заявителю. Принимая во внимание его

выводы в настоящем деле и тот факт, что сумма, присужденная заявителю решением от 18 мая 2016 года, не была ему выплачена, Суд частично удовлетворяет требования заявителя и присуждает ему 20 008 евро в отношении материального ущерба.

41. Кроме того, Европейский Суд не сомневается в том, что заявитель испытывал страдания и разочарование в связи с лишением его имущества. Исходя из принципа справедливости, Европейский Суд присуждает заявителю 6 500 евро в качестве компенсации морального вреда плюс любые налоги, которые могут быть взысканы с этой суммы.

В. Судебные расходы и издержки

42. Заявитель не подал иск о возмещении расходов и издержек. Соответственно, Европейский суд счел, что нет призов для присуждения ему какой-либо суммы на этот счет.

С. Проценты по умолчанию

43. Суд считает целесообразным, чтобы процентная ставка по умолчанию была основана на предельной кредитной ставке Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. Объявляет жалобу приемлемой;

2. Постановил, что имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции;

3. Держит

(а) что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев следующие суммы, которые будут конвертированы в валюту государства-ответчика по курсу, действующему на дату расчета:

(i) 20 008 евро (двадцать тысяч восемь евро) плюс любой налог, который может быть взыскан с этой суммы, в качестве компенсации материального ущерба;

(ii) 6 500 евро (шесть тысяч пятьсот евро) плюс любой налог, который может быть начислен на эту сумму, в качестве компенсации морального вреда;

(b) что с момента истечения вышеуказанных трех месяцев до момента выплаты по вышеуказанным суммам будут выплачиваться простые проценты по ставке, равной предельной кредитной ставке Европейского центрального банка в течение периода дефолта плюс три процентных пункта;

4. Отклоняет оставшуюся часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке и зарегистрировано в письменной форме 24 сентября 2019 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Стивен Филлипс
Алена Полчакова